

Лисёнок Ян и Кристалл Судьбы

Ирина Никулина

Ирина Никулина

Лисёнок Ян и Кристалл Судьбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70646263

SelfPub; 2024

Аннотация

Перед Вами книга для семейного чтения. Взрослых она перенесет в мир их детства, а детям расскажет о дружбе и верности, истинных ценностях, исторической правде и силе науки. Она даст совет, как поступать в сложных ситуациях и за что стоит бороться, поможет поверить в себя и свои силы, докажет, что мечты сбываются! Во времена правления Ивана Грозного в глубоком космосе произошёл мощнейший взрыв сверхновой звезды – звезды Кеплера. Это событие изменило ход человеческой истории. На месте старой Московии вот уже 400 лет стоит город Сноутон. В этом городе, в самом жёлтом доме на Яблоневой улице живет самый обычный мальчик, ученик 6 класса самой обычной школы – Ян Енсен, которому судьбой уготованы весьма необычные приключения. Ян окажется частью таинственного рода пришельцев из космоса, защищающих Землю от злых существ из параллельных миров. Вместе со своими друзьями он сможет победить проклятых призраков, спасти мир и повернуть колесо истории в правильном направлении.

Ирина Никулина

Лисёнок Ян и

Кристалл Судьбы

ЧАСТЬ 1. ЛИСЕНОК ЯН

Глава 1. Странные странности

Он открыл глаза. Яркий, слепящий солнечный свет заставил его зажмуриться. Он попытался осмотреться – картинка расплывалась, как в кривом зеркале, звуки доносились откуда-то издалека, как будто он их слышал через толстый слой ваты.

– Ага, – подумал он, – Видимо глаза слезятся от мороза, поэтому все плывет. К тому же через меховую шапку не слышно ничего, – успокаивал он себя.

Он потер глаза и провел рукой по голове. Вот странно... Шапки на нем не было.

– Да ладно! В минус 25?

Зимой надо носить шапку, – это знают все. Как говорил школьный физрук, по кличке «Костыль», если дети гуляют без шапки, то они болеют менингитом! Он отчётливо вспомнил слова физрука.

– Если ты болеешь менингитом, то у тебя всего два пути: или ты умрешь, или останешься дурачком – навсегда! – го-

ворил он, тараща глаза на ребят, – Вот мы с другом болели менингитом...

– И что? – обычно спрашивал кто-то из учеников в этот момент.

– Мой друг умер, – многозначительно говорил Костыль с непередаваемым трагизмом в голосе.

Все! Абзац. Весь класс хватался за животы, ведь если от менингита всего 2 пути, а друг умер, то очевидно, что Костылю выпал второй вариант – он стал дурачком.

Все смеялись над физруком, но шапки носили. Как же он оказался вдруг зимой, да и без шапки? Почему так странно звенит в ушах, и почему в глазах все расплывается? С ним что-то случилось, но что? Не менингит же...

Он точно знал, что находится на своей родной Яблоневой улице, но при этом не узнавал ее. Все вокруг было каким-то странным и чужим. Напряженно озираясь, принюхиваясь к новым запахам, прислушиваясь к непонятным шорохам и звукам, он пытался осознать, что же все-таки произошло. Он закрыл глаза и постарался вспомнить все с самого начала...

С утра все шло как обычно: чай и бутерброд с сыром на завтрак, дорога до школы. Уроки тянулись бесконечно долго. У него странно тяжелели веки, все тело ломало, словно в лихорадке. В какие-то моменты он даже опускал голову на парту и закрывал глаза, а в голове пульсировала только одна мысль: спать! Звуки доносились как будто издалека, хоте-

лось замереть в одной позе и не шевелиться, остаться в ней навсегда, и будь, что будет...

Что же потом? Уроки, наконец, закончились. Школьная раздевалка, духота, все толкаются, галдят, суетятся, – всем хочется скорее выбежать из школы, вырваться в прозрачный морозный день, чтобы насладиться свободой и ледяным воздухом, счастьем, которое наступает, когда сбросил с себя тяжкую ношу муштры и уроков.

А эти два рептилоида из его класса, Мартин и Фред, его «закадычные враги», в который раз отобрали у него шапку и теперь играли ею в футбол на снегу, выкрикивая: «шайбу-шайбу». Презренные шакалы! Один – угловатый маленький гоблин с головой, как вытянутое яйцо, второй – похожий скорее на тролля, вечно что-то жующий, любитель отобрать завтраки у первоклашек...

А ведь он даже умудрился не подражаться с ними сегодня, что, надо признать, удавалось не часто. Вечно они цеплялись к его новой шапке, у которой по какому-то невероятному стечению обстоятельств было 2 макушки.

– У верблюда два горба, потому что жизнь – борьба, – начинали отрабатывать свой репертуар они.

Обычно все это заканчивалось потасовкой, но сегодня ему было все равно, хотелось просто уйти домой, как можно быстрее, пусть даже и без шапки. Совсем не похоже на него. Странно все это, но хотя бы тайна исчезновения шапки прояснилась. Что же дальше?

Он плотнее застегивает куртку, натягивает капюшон, на ходу заматывает шарф, закрывает глаза и почти до боли в груди, насколько хватает лёгких, вдыхает морозный, заинде-
вевший, колючий воздух. С выдохом он собирает все свои силы и бегом бежит через дворы, домой. Всего-то надо – пересечь по диагонали два квартала. И вот, он уже на своей родной Эпл-блум, уже видит свой дом. «Самый желтый на всей улице», – любил повторять он, – «второй справа».

– Мама, конечно, будет ругать за шапку, – с тоской думает он.

Но вдруг, происходит что-то неожиданное. Словно в замедленной съемке он видит, как искрится на солнце снег, переливается всеми цветами радуги – от ярко красного до небесно-голубого и даже ультрафиолетового – играет всеми частями спектра. На одно лишь мгновение он отвлекся, залюбовавшись горящими на солнце искрами, и, должно быть, поскользнулся и упал, а, может быть, даже ударился головой, потому что все вдруг как-то резко переменялось.

Тело стало намного легче, его распирала энергия. Все стало казаться гораздо ярче, чем обычно, он даже как будто стал различать больше цветов и оттенков, чем раньше. Он прислушался: на самом дальнем конце улицы, метрах в ста от него, кто-то еле слышно вздохнул! И он это услышал!

Его нос теперь различал тысячи неуловимых ранее запахов: льда с песком на дорожках, промерзших железных качелей, сухой коры на соснах, хвои и даже того вздыхающего

незнакомца – ветер донес его запах, теплый, смешанный с запахом... пирогов... с капустой...? О да, он вполне уверен, что это капуста... Фу!

Он перевел взгляд с незнакомца вниз, себе под ноги, и буквально подскочил от неожиданности! Этого просто не может быть, у него должно быть галлюцинации! Вместо рук у него... лапы?! Он резко обернулся – что-то большое и пушистое пронеслось мимо. Это что, хвост? Рыжий, с белым кончиком, невероятно красивый... лисий хвост? Этого не может быть!

Из оцепенения его вывел чей-то глухой низкий голос, а точнее – замедленный бас, который вдруг стал набирать темп и превратился в звонкий, настойчивый писк какой-то девчонки.

– Люууууууудииииии, АУУУУУУУУ! Еееенсен! Ян!!! Себастьян Енсен! Что с тобой?

Он весь встряхнулся, как щенок, которого вытащили из воды, и, наконец, пришел в себя. Он словно очнулся от тяжелого сна. Прямо над своей головой он увидел девчонку из параллельного класса, Софию Саливан. Странно, он даже не сразу узнал ее! Прошла всего-то лишь какая-то секунда, но ему казалось, что это была бесконечно тянущаяся секунда, во время которой он превратился... в лису? Бред какой-то. Видимо, он крепко ударился головой.

По-прежнему нестерпимо ярко светило солнце, от его отблесков на белом снегу резало глаза. Все еще не понимая, что

с ним случилось, он сел, провел колючей варежкой по лицу, зубами схватил несколько примерзших к рукавичке комочков снега – они растаяли у него во рту, оставив привкус мокрой шерсти.

– Я, наверное, упал... – пробормотал Ян, – может головой ударился, мне даже показалось... – он сам не знал, как объяснить то, что с ним случилось.

– Я зову тебя, зову, а ты лежишь, смотришь на меня невидящим взглядом и не говоришь ни слова! Это же просто страшно, в конце концов, зачем так людей пугать! – девочка лет двенадцати в серой пуховой шапке с помпоном, красной шубке и черных варежках с вышитыми на них разноцветными снежинками озабоченно смотрела на него. Глаза у нее были зеленые, озорные и лучистые, в обрамлении пушистых ресниц. Щеки горели морозным румянцем.

– Соф, ну не знаю, как так вышло, – ответил Ян, потирая голову. – А ты домой?

– Да, домой, давай вставай уже, а то ишь, расселся, – сказала она, подавая ему руку и с силой стараясь оторвать его от земли. – Вам по английскому что задали? Нам – стихотворение перевести Роберта Бернса. «Любовь, как роза алая, нежною весной» ... на этом пока все, мозг отказывается дальше работать.

С Софией Саливан они дружили уже давно, с того самого момента, как их семья переехала на Эпл-блум, то есть с са-

мого первого класса. Жили они в одном доме, и даже в одном подъезде, правда, на разных этажах, она на первом, а он – на третьем. Им было по 12 лет, и учились они в 6 классе самой обычной средней школы города Сноутон, правда, в разной параллели: она в «А», а он в «Б» классе.

– Слушай, я тебе сейчас что расскажу – не поверишь! Короче, помнишь, мы говорили про домовых там всяких? Так вот, я решила проверить, есть ли у меня домовый в квартире. Рано утром, когда все ушли на работу, а братика увели в детский сад, взяла я значит конфету из коробочки. Маме на работе подарили большую такую коробку конфет, – она развела руки на добрых полтора метра, – И вот, я одну взяла, положила на детский стульчик моего брата и в середину комнаты его поставила. Накрыла все полотенцем, не знаю зачем, и говорю: «Домовой-домовой, приходи, угощайся конфетой!» И в школу пошла. А потом прихожу из школы, уже и думать забыла про конфету эту, а тут смотрю, стул посреди комнаты стоит... ой, ты сейчас рухнешь! Короче, заглянула под полотенце – нет конфеты! Я обалдела просто, ты представляешь! Ее нет!!! Я стала думать, подошла к серванту и смотрю на коробку конфетную, так вот, держись, сейчас самое интересное будет: конфета лежит сверху, на закрытой коробке! Прикинь!!! Дескать, домовый говорит: не ем я ваших конфет, или мол: ты ее без спроса взяла, вот я и не стал ее есть! Вернул конфету! Ну как тебе? Грандиозно, скажи?!

– Ну, ты даешь – Ян смеялся, глядя на Софию, – твои

родители наверняка приходили домой и убрали конфету со стула, зачем на стулья конфеты раскладывать?

– А салфетку не убрали? А в коробку не положили внутрь? Нет, Ян! Я позвонила и маме, и папе на работу тогда. Они домой не приходили, а про то, что это мой младший брат сам пришел из детского сада и убрал конфету в сервант, куда он и не достанет, кстати, ну, в общем, ты понимаешь – это тоже исключено!

– Ой, ну насмешила!

– Ты, конечно, можешь мне не верить, – сказала она с обидой в голосе, – но говорю тебе на полном серьезе: у меня точно живет домовой! Мне, если честно, даже жутко стало! Он где-то рядом с тобой живет, ты его не видишь и не можешь видеть, а он – есть!

– А может ты сама и взяла эту конфету? Ты слышала про параллельные миры? Говорят, что есть мир, он вот точно такой как наш, и там все точно такое, как у нас, но по-другому. Ну, например, есть такой же я, и такая же ты... и вот они живут какой-то там своей жизнью, может быть, все также у них, как у нас, а может и нет. Вот ты английский учишь, а другая ты, может, китайский...

– Ага, и не на балет ходит, а на кун-фу, – они оба засмеялись.

– А что, я вот иногда в зеркало смотрю и представляю, что вон он там, этот параллельный мир. И мы видим только одну его комнату, а то, что за ней – не знаем. И там может

твориться ведь все, что угодно! Только представь, выходит из зеркала другая ты и берет конфету эту.

– Ужас какой! – сказала София, – Я теперь в зеркало смотреть спокойно не смогу, зачем ты мне такие вещи рассказываешь?

За разговором они уже дошли до своего подъезда в самом желтом доме на Яблоневоу улице, втором справа. Им было весело вдвоем, они любили разговаривать о всякой сверхъестественной чепухе: о русалках, леших, домовых и прочей нечисти.

София утверждала, что и Баба Яга когда-то взаправду жила на свете, Ян смеялся над ней, но ему было интересно ее слушать, но сам он, разумеется, не верил ни во что эдакое, ему просто нравилась болтать с Софией, и он не возражал против ее маленьких чудачеств.

– А вот ты знаешь, что если правильно загадать желание, то оно непременно сбудется! – говорила София.

– Конечно, знаю, надо только очень сильно этого хотеть и верить, что это возможно. Потому что если есть хоть малейшая вероятность, что что-то может произойти, то оно непременно произойдет, – козырнул своими знаниями Ян.

– Ну да, ну да, закон Мёрфи, – срезала его София. – Но я не про это тебе говорю. Я удивляюсь, насколько точно иной раз сбываются желания, буквально слово в слово. И потом ты сидишь и не знаешь, правильно ли ты сделал, что пожелал такую дурь.

– Да уж, последствия бывают непредсказуемы. Но сама подумай, зачем Вселенной замораживаться? Просила – получи. Там наверху, – Ян многозначительно поднял вверх палец, – любят ткнуть нас носом в наши ошибки, надо хорошо подумать, прежде чем просить что-то.

– Вот именно. Я вот на балете один раз попала между двумя Хельгами. Мне говорят, вот если встать между двумя людьми с одинаковыми именами и загадать желание, то оно непременно сбудется. Ты же знаешь, как я хочу кота! Так вот, встала я между ними и загадала: пусть у меня будет котик, хоть на две недели!

– И что?

– А то, что мама действительно принесла откуда-то кота, без каких либо просьб и намеков, но он оказался больным и прожил у нас всего 2 недели, и потом мама его унесла обратно хозяевам.

– А что не так-то было?

– У него были глисты, понос, плюс его все время рвало под ванной, а маме надоело туда лазить, чтобы убирать. Она замучалась с ним и унесла его обратно.

– Печально, конечно.

– Это да. Но кот у нас жил! Ровно две недели жил! Вот это поразительно! Ну ладно, побегу я, а то мне еще на балет идти сегодня, как бы не опоздать, я ведь там главного гномика танцую в Белоснежке. Будут детские ёлки на Новый год, и нам даже заплатят за наши выступления, представляешь?

Мои первые лично заработанные деньги!

– О, поздравляю! Это тебе не сбор металлолома – труда много, а выхлоп нулевой.

– Ну, это другое дело – это общественная нагрузка, тут сравнивать нечего. Хотя ваш класс в этот раз отличился, – засмеялась София, – и кто же вас надоумил люки металлические с колодцев снимать?

– Очень смешно тебе, – смеялся в ответ Ян, – думаешь легко его переть было? Он же один – тонну весит!

– Причем сначала в школу его тащить, а потом обратно. Как вас только угораздило! Энштейны просто!

– Да ладно уж, и, кстати, мы его не снимали с люка. Он на газоне валялся. А те девчонки балетные уже отстали от тебя, которые тебя обзывали «лысым бобиком»? – спросил Ян, чтобы сменить тему.

– К счастью, да.

– Ну вот, я тебе говорил, самое главное – не реагируй, и помни: «На дураков не обижаются!» Ведь чем сильнее ты расстраиваешься, тем интереснее им над тобой издеваться. А если человеку вообще все по барабану, то и смысла приставать к нему нет никакого. Не интересно. Ладно, пока, и не забудь на спектакль пригласить! – и Ян стал подниматься к себе на 3 этаж, а София исчезла за дверью квартиры №1 на первом этаже самого желтого дома на всей Яблоневоy улице.

Глава 2. Все «чудесатее и чудесатее» ...

– И куда мог деться этот ключ? – Ян провел рукой по непослушным цвета спелой соломы волосам, его ясные, голубые, как бездонное небо, глаза смотрели перед собой, стараясь что-то припомнить, веснушчатый нос ушел в недовольную гримасу. «Вот я открываю сумку, он был здесь, на красном шнурке, привязанный к ручке...» – он еще раз перетряхнул портфель, вывалив прямо на пол все его содержимое. Нет ключа! Может в школе забыл? Но тут, к его великой радости, раздались шаги на лестнице – это шел из школы его старший брат Лэсли Енсен – очень красивый, высокий, темноволосый парень 17 лет. Лэсли поднимался по лестнице, держа в руках меховую шапку и стряхивая с неё стремительно таявший снег.

– Что сидишь? Опять двойку получил, домой идти боишься? Никто тебя за двойки не съест. Давай, поднимайся, рабочий народ, а то и так все штаны просидел уже.

– Я, кажется, ключ потерял. Ой, погоди, как ты сказал? У меня сейчас было такое странное чувство, как будто все это было уже. Ты сказал эту фразу, а потом я сунул руку в карман и... Он сунул руку в карман и вытянул оттуда тонкий, длинный медный КЛЮЧ на красном шнурке.

– А говорил, что потерял, – брат насмешливо улыбнулся и потрепал Яна по золотистым вихрам на голове.

– Лэсли! Чем хочешь клянусь, его там не было.

– Да, да, а я Дед Мороз. И где, кстати, твоя шапка? Ну ладно, давай, шлепай по ступенькам, как там, в песне поется:

«Всё выше, и выше, и выше» ... – и он при каждом шаге стал подталкивать младшего брата чуть ниже спины коленом для придания скорости и вектора движению.

Дверь открывали тем самым медным ключом, похожим скорее на отвертку, чем на нормальный ключ. Ян всегда удивлялся, зачем он нужен – такой длинный... ведь бывают же нормальные, маленькие ключи... железные. В очередной раз, проворачивая ключ в замке, он задумался над тем, как не похожа его семья на остальных людей, буквально на всех, кого он знает, и ключи вот, странные какие-то. И тут же мысли его вновь разбежались, он не мог долго размышлять об одном и том же, его мысли были в вечном движении.

Они прошли в маленькую, уютную прихожую. Скинули валенки на соломенный коврик, повесили куртки на красные крючки, шапка Лэсли и шарфы полетели на полку.

– А твоя шапка где, герой? – спросил старший брат.

– Да все там же, где и предыдущие, – со вздохом ответил Ян.

– Ну, слушай, ты им это с рук не спускай! А то почувствуют слабинку и начнут долбить в одну точку. Главное – должна быть внутренняя уверенность...

– Да знаю я, знаю, – перебил Ян, – всё как у собак, собака всегда чувствует...

– Кто ее боится, – сказал с ним хором Лэсли.

Они пошли на кухню.

– Тааак, – растягивая слова и потирая замерзшие руки,

сказал он, – чем нас сегодня кормят? – Лэсли заглянул в холодильник и зазвенел крышками кастрюль. – Суп. Рассольник. Твой любимый, а?

– Га-а-а-адость... если хочешь, можешь съесть мою порцию, а я за тебя второе съем.

– Держи карман шире. На второе у нас ... курочка... да с картошечкой, мmmm...

– Ну и ладно, все равно суп не буду. Но маме скажи, что я ел.

– Заметано.

Старший брат возился на кухне. Ян услышал, как затрещала зажигалка, разбрызгивая голубые искры, взметнулось пламя над газовой конфоркой, звякнули на плите кастрюльки. Лэсли разогрел суп и второе, позвал брата.

– Кушать, как говорится, подано! Приятного аппетита всем нам, собравшимся в этот час на этой благословенной кухне!

Ян очень проголодался. Они сидели на малюсенькой кухне старенькой, но очень уютной квартирке, их головы почти упирались в нависавшие над ними шкафчики, а за маленьким столом едва могло поместиться, упершись друг в друга коленками, два человека.

– Посуду помоешь? – спросил Лэсли. Но это, скорее, был не вопрос, а утверждение: «кто готовит, тот не моет» – негласное правило, а он ведь разогревал... значит, посуда оставалась за Яном. Какие уж тут вопросы...

Ян не любил мыть посуду, но каждый раз удивлялся, как приятно бывает засунуть руки под теплую воду, льющуюся из длинного, как журавль, крана: такое ощущение, что вода смывает и уносит с собой все твои заботы и трудности, и как-то так легко становится на душе. Так что и в мытье посуды тоже есть своя прелесть – настраивает на миролюбивый лад, успокаивает и делает все проблемы чуточку меньше, – так любила говорить мама.

Вытерев руки о висящее на крючке вышитое мелким крестиком полотенце, он пошел в свою комнату, которую делил со старшим братом, и сел за уроки. В соседней комнате тихо и монотонно стучали ходики, толкая маятник из стороны в сторону, вот еще минута-другая и кукушка оповестит всех о том, что уже три часа дня. Тик-так, тик-так... «Бом-ку-ку». «Бом-ку-ку». «Бом-ку-ку».

Он обернулся, покачиваясь на стуле. После сытного обеда по закону Архимеда полагалось, конечно, поспать, и так не хотелось доставать все эти тетрадки и учебники, но что делать. Надо, значит надо! – так обычно говорил отец.

Солнечный луч прорезал пространство сквозь тюлевую занавеску и остановился на завитках ковра на стене за двухъярусной кроватью. Было так уютно сидеть за письменным столом и смотреть в окно, на силуэты крыш, на клонящееся к раннему закату ярко розовое, даже, пожалуй, малиновое зимнее солнце.

Крыши соседних домов были старинные, двускатные,

обитые жестью, на каждой – по четыре треугольных домика-чердачка. Ему всегда нравилось представлять, что в одном из них живет Карлсон, варит там себе какао на маленькой электрической плитке, ведь раз нет дымохода, значит и камина у него быть не может. В конце концов, какие на крыше каминны... глупость какая-то...

Яну было слышно, как брат о чем-то разговаривает по телефону в соседней комнате, а он смотрел в окно, на покрытые инеем ветви березы, что росла прямо под окном его комнаты. Как там у поэта: «Белая берёза под моим окном принакрылась снегом, точно серебром».

Береза росла так близко, что летом, если открыть окно, можно было дотянуться до ее низко свисающих ветвей. Они как девичьи косы спускались прямо к Яну в руки и тихим шелестом листьев нашептывали ему разные чудесные истории, одна интереснее другой, а иногда, к мелодии ветра в зеленых ветвях добавлялись и трели соловья... Но это летом, а пока ... подлетела к дереву и приземлилась в его ветвях стайка снегирей. «Какие они красивые», – подумал Ян. Ему всегда нравились эти милые розовые комочки, ярким пятном выделяющиеся на бледном фоне зимнего пейзажа.

Вдруг за стенкой часы снова пробили три раза. «Бом-ку-ку». «Бом-ку-ку». «Бом-ку-ку». Кукушка трижды выглянула и снова спряталась в свой маленький домик. Он перевел глаза на письменный стол и вздохнул, перед ним лежали его тетрадки, как же не хотелось их открывать.

Он посмотрел в окно. На берегу снова села стая снегирей. Странно все это. «Дежавю», – подумал Ян. Но что-то было во всем этом, пожалуй, даже еще более странное. И тут его осенило: часы – они снова пробили три раза! Ян вскочил со стула и кинулся в соседнюю комнату. Его поразила тишина в квартире, абсолютная, глухая – как если бы кроме него в доме никого не было. Постойте, что же это такое происходит? Он обернулся и еще раз прислушался.

В квартире царил полнейшее безмолвие, только кукушкин домик тихо постукивал: «Так-так, тик-так, тик-так», – да компрессор работал в аквариуме, булькая маленькими пузырьками воздуха: «Брррррррррр...». Где-то далеко, у соседей, играло радио, передавали последние известия к этому часу.

Ян обошел маленькую квартирку меньше чем за минуту. Лэсли дома не было. Стоп! Как такое возможно, и куда, позвольте спросить, он делся? Он же не мог исчезнуть за одну секунду... вот, только что, секунду назад он говорил по телефону... Да-а-а, как у Алисы в Стране чудес: «Все чудесатее и чудесатее».

Вдруг в замочной скважине повернули ключ. Он пошел к двери. В квартиру вошел Лэсли, отряхивая капельки растаявшего снега с меховой шапки! Но как? Они же вместе пришли домой час назад! Как такое вообще возможно? Он ничего не понимал. Было очевидно, что брат не разыгрывает его, щеки у него были ярко красного цвета, с мороза, такие

ни с чем не спутаешь... и на валенках – снег!

– Привет – сказал Лэсли, привычным жестом закидывая шапку на полку.

– Привет, – прошептал Ян и сглотнул неожиданный ком в горле. Он ничего не понимал. Что происходит? Сегодня явно какой-то сумасшедший день. А может он просто ударился головой тогда на улице? Может у него провалы в памяти? Слишком много странностей за последнее время, да какое там, за последний час...

Он вернулся в комнату и, не зажигая света, просидел до темноты, раздумывая над всем произошедшим. Стало смеркаться. Ян сидел в сумерках, слушал, как на кухне звенит посудой в раковине Лэсли, и смотрел в окно. На фоне потемневшего предзакатного неба виднелись черные силуэты крыш с маленькими чердачными окошками. Где-то там живет и варит на маленькой плитке какао Карлсон. И действительно, почему бы ему там не жить?

Стемнело, на фиолетово-тёмном небе стали появляться первые звезды, Ян всегда удивлялся тому, какие яркие и крупные они бывают зимой, как мерцающие алмазы в черном небе, поблескивают, каждая своим оттенком, то желтым, то зеленым, то оранжевым, а то ледяным оттенком голубого, почти белого цвета. Большие, загадочные, такие, что можно часами смотреть, не отрываясь!

Зажигались фонари, и над городом выплывала из-за почерневших крыш желтая, пузатая луна, сегодня она была ка-

ких-то невероятных размеров. С улицы доносился скрип шагов на снегу, люди спешили с работы домой. Часы пробили пять. Ровно пять раз выскочила и опять скрылась в своем домике неугомонная кукушка.

– Он опять чуть ключи не потерял, – услышал он слова брата.

В комнату вошла мама: в очках, с волнистыми, цвета спелой пшеницы волосами, в зеленом свитере крупной вязки и пальто с песцовым воротником в руках. Она повесила пальто на вешалку, на меховом воротнике как бриллианты блестели капельки только что растаявшего снега. Ян вдохнул запах маминого пальто. Как он любил его, как ему нравилось зарываться лицом в этот мягкий, пушистый мех.

– А ты что в темноте сидишь, сынок? – спросила мама, поцеловала его в макушку и пошла на кухню готовить ужин, а он остался гадать, что же всё это все-таки значило: странное видение, будто он превратился в лисицу, Лэсли, который то появляется, то исчезает... ключи, снегири, кукушки...

Глава 3. Это правда!

– Лэсли, ты не спишь...? – Ян свесился с верхнего этажа двухъярусной кровати и посмотрел вниз, ему показалось, что брат, укрытый с головой толстым лоскутным одеялом, еще не спал, – Лэсли... – еще раз позвал он.

– Чего тебе? Опять страшный сон про мумию в белых тапочках приснился? – пробормотал сквозь сон Лэсли.

– И не смешно, вспомнил тоже, – с досадой сказал Ян, – Я ведь реально очень испугался тогда. Все бы тебе надо мной поиздеваться. Мне сколько лет тогда было? Пять? Шесть? Зачем ты мне вообще про мумию в белых тапочках рассказывал, да еще на ночь?

– Да, помню, – засмеялся Лэсли и с подвыванием заговорил, – Она ходит по городу и заглядывает в лица спящих детей. И если ты откроешь глаза, то она посмотрит в них своим мертвым взглядом, и ты сам станешь мумией. А самое главное, что если ты не открываешь глаза, то она начинает тебя звать голосом знакомых тебе людей, например маминым голосом.

– Да, никогда тебе этого не прощу! Мама подходит ко мне ночью, я плачу от страха, а она меня зовет тихим голосом: «Ян, сыночек, открой глазки», – а я глаза зажмурил и кричу на нее: «Уходи мумия! Уходи!» Какой же ты был все-таки!

– Ну, слушай, я сам был еще маленький. Ты уж прости меня. А сейчас-то что? Уж точно не мумия? Или как?

– Нет, представь себе! Ты знаешь, я хотел тебя спросить... У тебя было когда-нибудь, что ты, ну... как будто... что-то происходит, что уже было... или тебе кажется, что реально что-то случается дважды?

– «Дежавю» – это у всех иногда бывает, – сказал Лэсли.

– То есть с ума я еще не спятил, это хорошо. А что все-таки это «дежавю» значит?

– Ну, как бы это сказать... Это сложно объяснить, это как

несуществующие воспоминания, есть даже версия, что это связано с пересечением параллельного мира с нашим в какой-то момент. Хм, как сказать, чтобы ты понял...

– Я знаю, что такое параллельные миры, это можешь не разжевывать.

– Хорошо. Ну, вот смотри, предположим, существует параллельный нашему мир, где все такое же, но только с маленькими нюансами. Живет там такой же, как ты, мальчик, Себастьян Енсен-2, который, ну например, в отличие от тебя учится только на пятерки...

– Ну, это маловероятно, – обиженно буркнул Ян.

– Ха, маловероятно, что живет или что на пятерки? – смеялся Лэсли, – Так вот. Этот мир, допустим, опережает наш всего на пару секунд во времени, и некоторые события, которые случились там, если повторяются в нашем мире, то мы их как будто вспоминаем... только воспоминания эти идут не из прошлого, а из будущего... поэтому, по сути, это и не воспоминания вовсе, а узнавание событий. Ты прожил это и узнал, ведь оно уже случалось с тобой... в параллельном мире, в будущем...

– Ну, ты и фантазер, тебе бы книжки писать, – сказал Ян.

– При чем тут это, ты что же думаешь, фантасты могут выдумать что-то, чего никогда нигде в мире не существовало? Эх, нет, братец! Человеческий мозг так устроен, что если он что-то и придумал, то ЭТО уже где-то было или есть, и даже если в нашем мире такого еще нет, то где-то в ином измере-

нии уж точно есть, поверь мне. Это же просто, как бублегум!

– То есть, все изобретатели никогда ничего не изобрели на самом деле?

– Ну почему же. Изобретали, конечно, но подтягивая свои знания к воображаемой картинке, которую они просто увидели где-то в параллельном мире, или им кто-то её показал или подсказал. Ну, например, Менделеев, это все знают, увидел свою периодическую таблицу во сне...

– И что, ты хочешь сказать, что ему ее показали инопланетяне? Я помню к нам в школу приходил профессор какой-то и рассказывал про летающие тарелочки. Ему девчонки напекли печенье тогда, НЛО-шки. Надеюсь, его не хватил трёхдневный понос, потому что девчонки наши готовить совершенно не умеют. Зря только на трудах продукты переводят. Так вот он говорил, что инопланетяне существуют. И что, ты хочешь сказать, что вот прям на полном серьезе в это всё веришь?

– Мне не надо в это верить, малыш, я знаю, что это правда, – Лэсли зевнул. – Если человек додумался до чего-то, то значит, это может существовать на самом деле, если уже не существует где-то. Ну, раньше же были сказки о коврах-самолетах, а теперь мы реально летаем на них, не на коврах, конечно. А где-то людям вовсе самолеты не нужны. Есть порталы, и можно перемещаться в любую точку мира, а может и параллельного мира...

Ян спрыгнул вниз со второго этажа кровати и стоял, на-

висая, над старшим братом, глядя ему прямо в глаза.

– Вот это уж точно сказки! Такого не бывает! И нигде про это никто не слышал никогда!

– Ха! Если задуматься, то почти все детские сказки об этом. Вот хоть вспомни на минутку сказку «Матушка метелица».

– Это где Машенька, или как там ее звали, за веретеном в колодец сиганула, но не утонула при этом, а на зеленый лужок попала, и у Матушки Метелицы потом работала?

– Ну, типа того. Так вот колодец этот – портал, а веретено – ну тоже что-то вроде проводника.

– Ты что, совсем с дуба рухнул?

– А что? Не похоже на правду?

– Это же сказка! – изумлялся Ян, не понимая, говорит ли старший брат серьезно или разыгрывает его по своему обыкновению.

– Сказка ложь, да в ней намек. Я потом тебе расскажу, когда подрастешь.

– Что расскажешь?

– Много будешь знать, скоро состаришься. Залезай обратно и спи давай, у меня завтра контрольная.

– Подожди, Лэсли, у меня последний вопрос, – сказал Ян, забираясь снова на верхний ярус кровати, – А может человек превратиться, скажем, в лису?

Лэсли рывком сел на кровати и уставился на брата. Глаза его сузились и превратились в маленькие щелочки. Он при-

стально посмотрел на него, как бы стараясь понять, врет тот или нет.

– С этого момента поподробнее пожалуйста, – изменившимся и очень серьезным тоном сказал он.

Ян забрался на второй этаж и укутался теплым одеялом.

– Вот, допустим, идешь ты по улице, – сказал он, сладко зевая, – И вдруг, бац! Строишь, а ты – уже не ты, а лиса какая-то, и сразу видишь все четко, запахи чувствуешь, о каких раньше и не догадывался, холодного песка или железа, например, звуки далекие слышишь, когда человек ну реально на другом конце улицы стоит, а потом вдруг...

– Возвращаешься обратно в свое тело? – Лэсли встал с кровати, так что его глаза оказались прямо напротив глаз брата. Он прищурился и, не мигая, как удав, смотрел на него.

– Да, – испуганно ответил Ян, – Как будто ты прям на секунду или даже меньше остановился – пока ты лисой был – но секунда эта длилась долго...

Лэсли отошел на два шага в темноту комнаты.

– Обещай, что не закричишь.

– Обещаю. – Ян весь напрягся и сел на кровати. Ему стало страшно, что же сейчас произойдет? И вдруг – Лэсли не стало! В полутьме комнаты, освещаемой только толстопузой желтой луной из окна спальни, человек – его брат – исчез. Ян пригляделся, но, сколько не всматривался во мрак, ничего не видел.

– Смотри ниже – услышал он у себя в голове голос брата.

Он перевел взгляд вниз, к полу. Там, в лунной дорожке, на узорчатом ковре сидела рыжая лиса и пристально смотрела прямо на него, ему даже показалось, что лиса улыбается. Так значит, он не сошел с ума! Так значит – все это правда!

– Примерно так? – спрашивал в голове голос Лэсли. Ян кивнул, не в силах вымолвить ни слова. – Поздравляю тебя братик, ты вырос и, значит, настала пора тебе обо всем узнать.

Глава 4. Сенмиры.

На следующий день Ян едва мог дождаться вечера. Лэсли ничего не стал объяснять. «Завтра, все завтра», – только и повторял он.

– Когда завтра?

– Давай вечером. Это все надо делать в торжественной обстановке, – говорил брат.

Время тянулось бесконечно долго, как перед Рождеством или Днём рождения, когда ждешь, что вот-вот должны прийти гости, а стрелки часов словно прилипли к циферблату.

После школы, когда кончились уроки, он мчался домой, как на крыльях, но и тогда оказалось, что «еще не вечер»...

Лэсли ходил по дому с важным видом и загадочно улыбался. Это сводило Яна с ума. Когда же? Он сделал уроки, покормил рыбок, даже полил цветы и вынес мусор, все стараясь найти себе дело, чтобы хоть как-то убить время. И вот, наконец, вечером, когда вся семья собралась за празднично

убранным столом это случилось. Все сидели с торжественным видом и смотрели на Яна, как на именинника. Когда, наконец, с основными блюдами было покончено, семья перешла к десерту.

Мама разрезала сказочно красивый торт, Лэсли шумно отхлебывал чай из синей расписной чашки с блюдцем. Это был любимый мамин сервиз, праздничный, который доставали из серванта только по особым случаям... Отец Яна, темноволосый, голубоглазый мужчина в очках, откашлялся и произнес:

– Мы, наша семья, я, Джон Енсен, твоя мама, Анна Енсен, Лэсли, – все мы принадлежим к очень древнему роду, который живет на Земле с незапамятных времен. Сразу оговорюсь, мы не герцоги и не князья, здесь речь о другом. Мы все – из другого мира. Очень давно наши предки были посланы на Землю с определенной миссией, которую мы выполняем и по сей день.

Ян всегда знал, что его отец – большой ученый, что в особом закрытом институте он разрабатывает прибор, который даст человечеству управляемую термоядерную энергию, равную по силе энергии Солнца, но вот про старинный род, про особую миссию Ян никогда прежде не слышал. Они что же, реально с другой планеты?

– Наш род очень непростой, я бы сказал даже – особенный. Хм... и мы действительно, с другой планеты, как ты только что подумал, – он улыбнулся, увидев, как у Яна от

удивления округлились глаза, оказывается, его родители всегда могли читать его мысли, вот он попал!

– Да нет, Ян, не всегда, – ответил отец с улыбкой, – просто сейчас ты очень громко думаешь! Давай так, чтобы не запутать тебя, я буду рассказывать медленно, если вдруг ты чего-то не поймешь, просто скажи и мы остановимся. Ладно?

– Хорошо, пап... – Ян был просто ошеломлен.

– Хорошо. Итак, Мы – «Сэнмиры», – продолжил Джон, – люди, обладающие особыми сенсорными способностями, способные чувствовать другие миры.

– Экстрасенсы что ли? – уточнил Ян.

Джон рассмеялся.

– Не совсем и не только. Мы можем путешествовать между мирами, общаться с их обитателями. Когда это необходимо, мы можем перевоплощаться в животных, например, в лис, так это происходит у нашей семьи, есть и другие семьи, а значит и другие животные. Пока все понятно?

– Да. Мы инопланетяне, которых давным-давно забросили как межпланетный десант на Землю, но для чего?

– Наша главная задача – следить, чтобы границы смежных с Землей миров оставались закрытыми, замкнутыми, чтобы никто и ничто чужеродное не проникло в мир людей. Мы, лисы, – защита человеческой цивилизации, служба охраны, если хочешь. Мы обнаруживаем нарушителей и выдворяем их обратно.

– Как пограничники? – уточнил Ян.

– Ага, только те ходят с собакой, чтобы лучше все выслеживать, а мы сами становимся чем-то вроде этой собаки, – пояснил Лэсли, – у лисицы знаешь какое чутье! Ого-го! Мы чувствуем нарушителей за версту!

– Мы такие не одни, таких, как мы, много, и миссия у всех разная, – продолжал отец, – Мы служим развитию человечества, но при этом, мы лишь наблюдатели. Мы не имеем права вмешиваться в жизнь земных обитателей и нарушать ход человеческой истории.

– А что значит – другие миры? Их много? – спросил Ян.

– Очень и очень много, ведь каждый человек способен создать новый мир, всего лишь совершив выбор. Вариантов великое множество, как разбегающихся тропинок в лесу. Представь, что ты идешь по лесу, и вдруг твоя дорожка упирается в развилку, тебе нужно выбрать, по какой из них идти. И не важно, свернешь ты налево или направо, другая тропинка от этого не перестанет существовать. Но твой мир будет на той дорожке, по которой идешь ты. А тропинок в лесу – бесчисленное число. Понимаешь?

– Значит выбор, – чтобы лучше запомнить, повторил Ян.

– Не только. «Выбор» – лишь одно из измерений, есть еще «Время», переменные – «Жизнь-смерть» и другие, но ты пока не забивай себе голову этим.

– Жизнь и смерть?

– Видишь ли, если человек умер в одном мире – он умрет и в других... – вставил свои пять копеек Лэсли.

– Ну, хватит с тебя сложностей на сегодня, – сказала мама, – Давайте пить чай, тем более что кое-кто уже ест третий кусок торта, хотя мы, конечно же, не считаем.

– Очень вкусный торт, мам, честное слово, – Лэсли с улыбкой облизал ложку.

– С тобой начало все это происходить, потому что ты вырос, сынок, и в тебе проснулись силы нашего рода – сказала Анна. – Ты привыкнешь, научишься этим пользоваться, все будет хорошо, поверь мне. Сейчас все происходит для тебя неожиданно, но потом ты сможешь контролировать себя, делать это осознанно, усилием воли. А вообще, рановато как-то у тебя все это началось...

– У меня трансформации начались, когда мне пятнадцать исполнилось, но раньше тринадцати лет чтобы такое было – я не знаю таких, вот честно, – Лэсли шумно отхлебнул из чашки и потянулся еще за одним куском торта.

– Ничего, он смысленный, – сказал отец, – ну а теперь – самое главное – подарок!

Он встал и достал из серванта небольшую коробочку, перехваченную алой лентой. Вся семья замерла, глядя, как Ян развязывает ленту, открывает коробочку. В ней на мягкой атласной подложке поблескивали прозрачными стеклами очки и небольшое кольцо в виде змеи, кусающей свой хвост, – символ бесконечности. Он недоуменно посмотрел на маму и папу. Очки? Что за ерунда... У него же хорошее зрение!

– Надень кольцо, – сказал отец.

Ян взял из коробки кольцо, оно казалось большим, по руке взрослого мужчины, но, когда он надел его на палец, оно как будто уменьшилось, и оказалось, что оно подходит точно по размеру, – вот, теперь никогда не снимай его, оно будет расти вместе с тобой.

– А теперь очки, только не пугайся, они несколько необычны... – сказала Анна.

Ян взял очки из коробочки, на вид это были самые простые очки. Стекла слегка отливали фиолетовым. Он надел очки и чуть не подскочил, его колени стукнулись снизу о крышку стола, и чашки зазвенели и заплясали на блюдах – он почувствовал, как по его голове, под волосами, поползли тонкие, гибкие, но прочные нити, опутав его голову чем-то вроде паутины.

– Ха-ха-ха! Ой, видел бы ты свое лицо! – Лэсли от смеха просто сполз со стула, – Это сенсорный шлем! Незабываемое впечатление, правда?

– Сенсорный шлем абсолютно незаметен на голове. Это хитроумный нейромодулятор, а кольцо – нанорепликатор, когда они работают вместе, они могут собирать из атомов и молекул сколь угодно сложные конструкции путем синхронизации импульсов мозга и...

Но договорить ему не удалось.

– Ну, папа, – Лэсли перебил Джона на полуслове, – ты, конечно, большой ученый, но объяснять совсем не умеешь. Так, Ян, слушай сюда. Ты воображаешь что-то в своей голо-

ве, импульсы в мозге пошли, пошли импульсы, так, а шлем их считал, и дал программу кольцу, которое – вуаля! – быстро материализовало из пространства и выдало тебе то, что ты просил. Вот. Супертехнология, очень, понимаешь, полезная во всех отношениях штука.

В разговор вмешалась Анна.

– Подождите вы тараторить, пусть он сам попробует. Ян, сынок... представь, что ты хочешь, ну например, еще чашку чая, так? Представь ее в своем воображении. Представь так подробно, насколько это возможно. Цвет, форма, запах, температура, материал... Представил? А теперь сосредоточься, протяни руку и... возьми ее!

Ян протянул руку над столом, прямо перед ней из прозрачной дымки стала появляться чашка. Сначала она была скорее бесформенной дымящейся массой, дрожащей в воздухе, но потом стали отчетливо прорисовываться очертания формы, цвет, рисунок, наконец, над чашкой стал подниматься пар, и все увидели, что в ней налит чай, да еще и с лимоном.

– О! Янчик, ты прав, а ведь не хватало лимончика, – сказал Лэсли, и тут же в его чашке тоже появился желтый, аппетитный ломтик лимона.

– Bravo! Я знала, что у тебя получится! – Анна захлопала в ладоши.

– Мама! А я-то все думал, как ты умудрилась торт испечь так, что я и не заметил?! – Ян был искренне удивлен и да-

же несколько раздосадован, столько вещей проходило за его спиной, а он ничего не понимал раньше!

– Ну вот, как-то так оно работает, – сказал Джон, – Но ты должен помнить, что это серьезная техника, и мы не используем ее для бытовых нужд, так сказать, – он многозначительно посмотрел на Анну и Лэсли, – Очки могут преобразовывать энергию мысли в энергию формы, но речь не о тортах и чашках чая с лимоном, а о более серьезных материях, но для этого надо в совершенстве знать, как устроено то, что ты хочешь воплотить, иначе у тебя ничего не выйдет. Самолет, к примеру, ты собрать не сможешь, если ты не авиаконструктор, а я не смогу, как ты выразился, «испечь» торт, как мама, потому что понятия не имею, как пекутся торты, – и Джон стал рассказывать, как применять эту сложнейшую технику – очки и кольцо.

Беседа затянулась далеко за полночь, благо на другой день не надо было идти в школу. Столько всего обрушилось на голову Яна, он сидел за столом, пил чай, ел вкуснейший медовый торт с орешками, который «испекла» мама, рядом была вся его семья.

Он всегда считал, что он самый обычный мальчишка, каких тысячи, что он также, как все, ходит в самую обычную школу, дерется с Фредом и Мартином, мечтает о чем-то невероятном, чтобы оно произошло в его жизни, какое-то настоящее приключение, как у героев из его любимых книг, а тут, все оказывается еще круче, чем он вообще мог себе

представить, гораздо круче...

Понятное дело, что пройдет еще много времени, прежде чем он сможет делать все то, о чем говорил отец, и для этого надо много и упорно тренироваться, но какие-то простые вещи Лэсли обещал показать ему уже этим летом. «Вот только сдам выпускные экзамены», – говорил он. Да Ян и сам будет пробовать, на что способны новые суперустройства, и кто знает, может уже за порогом его дома, самого жёлтого дома на всей Яблонево́й улице, его ждут самые настоящие чудеса и невероятные приключения!

Глава 5. На Яблонево́й улице весна...

Прошла зима, как все проходит в этом мире, в заботах, уроках, захватывающих беседах по вечерам. Но вот, темнеть стало позже обычного, а в воздухе появился неуловимый запах приближающейся весны. Снег стал рыхлым и грязным, солнышко начало припекать, и вот весна во всей своей красе обрушилась на город.

Весна захлестнула Сноутон, как девятый вал, не оставив сугробам и шанса на выживание. Уже в марте Ян на законных основаниях ходил в школу без шапки, оставив Мартина и Фреда без их любимого развлечения. А еще, в те же самые дни произошел интереснейший случай, навсегда сделавший их не просто друзьями, а друзьями с большой буквы «Д», после чего они навсегда прониклись уважением к Яну Енсону и никогда и никому не позволяли не то что обижать его, а

вообще косо смотреть в его сторону. Вместо врагов они стали настоящими защитниками Яна.

Дело было в зубнушке. Весь класс отправили в поликлинику на осмотр и, конечно, если нужно, на срочное принудительное лечение. Ясное дело, приятного мало, но пройти через это предстояло поголовно всем. Ян спокойно ждал своей очереди, как вдруг заметил, что Фред и Мартин просто дрожат от страха. Как! И у этих птеродактилей есть ахиллесова пята – слабое место?

Зубы! Ян был просто ошеломлен. Конечно, он слышал, как они хвастались в классе, что никогда не чистят зубы, но он был уверен, что это тупая бравада, ничего больше! Вот он! Час расплаты! Ха-ха! Сейчас-то он вспомнит им все нанесенные обиды.

Он посмотрел на них, они сидели в углу жалкие, беспомощные. Ян вдруг проникся к ним неожиданным сочувствием. Визг бормашины и стоны истязаемых детей расшатали и без того напряженные нервы хулиганов. Еще бы, даже Яну было не по себе от этих ноющих, противных, пробирающих до костей звуков. Ребята, исчезающие в недрах зубных кабинетов, выходили оттуда мрачные и подавленные: у некоторых изо рта торчали куски окровавленной ваты.

Мартин и Фред тихо сжались в углу и мечтали только об одном, чтобы их очередь не наступила никогда. Но учительница, как надзиратель гестапо, строго следившая, чтобы все дети по списку вылечили свои зубки, не спускала глаз с ре-

бят. Ян видел, что Фред и Мартин готовы были пожертвовать чем угодно, лишь бы никогда не переступить порог зубо-врачебного кабинета. И тогда ему в голову пришла гениальная мысль!

– Хотите удрать отсюда? – спросил он.

– А, это ты Енсен? – неожиданно по-человечески просто сказал Фред, – Увы, миссия невыполнима, братан! От нее никто не скроется – настоящее гестапо.

И он замотал склоненной вниз головой, тяжело вздыхая.

– Хуже, – сказал Мартин, – это инквизиция во плоти! Ты только взгляни на нее – чисто Цербер, сторожит нас всех, – он показал пальцем на крепкого телосложения учительницу с затянутыми в маленький строгий пучок сальными волосами, от чего глаза ее казались выпученными. Она носила туфли на огромных квадратных каблуках, а при ходьбе у нее была манера слегка наклоняться вперед, от чего казалось, что она кавалерист, мчащийся в атаку. Все ученики, не сговариваясь, звали ее «Тётя Лошадь». Было в ней что-то зловещее, от одного ее вида у всех ребят начинали дрожать колени и путались слова.

Было видно, что Тётя Лошадь очень ответственно подходит к своему боевому заданию, как боевой конь, услышавший звук горна, она будет держать оборону в зубнушке до последнего своего вдоха. Ни один злоумышленник не ускользнет от ее взора, никто не покинет застенков пыточной камеры, не испытав предварительно все муки зубо-врачебного ада. По-

давшись корпусом вперед, она с приторно сладкой улыбкой оглядывала всех ребят поверх очков. В руках у нее был длинный список, в котором она отмечала тех, кто уже прошел экзекуцию.

– Ни за что не выпустит она отсюда никого без галочки в своем списке, – сказал Фред.

– А если я проставлю ваши галочки так, что она и не заметит? – сказал Ян.

– Она держит список в руках и не выпускает его. Не знаю, что должно случиться, чтобы она его хоть на секунду оставила без присмотра. И потом, надо чтобы еще и цвет пасты совпал, а у нее вон какая ручка. Ни у кого таких нет. Ты фокусник что ли? – спросил Мартин.

– Это уже мое дело, – ответил Ян. Ему стало жаль двух дуралеев, смотреть на их постные лица было выше его сил.

– Ну, Енсен, если у тебя получится, то считай, что у тебя есть вечный должник, и зовут его Дартаньян, тьфу, то есть Фред, – сказал Фред.

– И Мартин, – закивал головой Мартин.

Ян достал из портфеля очки. Затея казалась невыполнимой, но...

– Ты что же, еще и очкарик что ли? – с сомнением в голосе спросил Фред.

– Это, чтобы лучше тебя видеть, дитя мое, – сказал Ян. – Отвлеките ее чем-нибудь. Остальное я беру на себя.

Мартин и Фред, конечно, ничего не придумали лучше,

чем устроить в зубной поликлинике потасовку.

– Что ты сказал?

– Что слышал!

– А ну повтори!

– И повторю! – кричали они.

Разумеется, все внимание окружающих тут же было приковано к вспыхнувшей ссоре. А, тем временем, Ян подошел со спины учителя и заглянул через ее плечо на список, который надежной хваткой сжимали железные пальцы. Все, что было нужно, – две маленькие галочки, проставленные чернилами цвета синей сажи напротив нужных имен.

Ян сосредоточился и мысленно представил, как невидимое перо выводит на бумаге две закорючки. Медленно, но верно в клеточках напротив имен Фреда и Мартина стали проявляться синие «птички».

– Вот так очки, прекрасные очки, – подумал Ян.

У него все получилось! А, главное, вовремя, потому что ровно через секунду учительница сорвалась с места и ломанулась в гущу галдящих школьников, столпившихся вокруг сцепившихся Фреда и Мартина.

– Что вы тут устраиваете! – гневно закричала она, раздвигая толпу мощным корпусом, – прекратите сейчас же, а то я вас...

Она хотела сказать «выведу из класса», но вовремя вспомнила, что они находятся не в школе, и что сидеть этим двоим в очереди к врачу еще ой, как долго. Она взглянула в

свой список, и... О чудо! Как такое случилось? Напротив этих двух сорванцов уже стояли жирные галочки! Значит, они уже полечили свои зубы, а значит ее долг – выпроводить этих двоих на улицу.

– А ну ка, Фред, Мартин, – сказала она, – Нечего вам здесь околачиваться! Полечили зубы, так идите домой!

Фред и Марин не заставили себя просить дважды. Они были благодарны Яну за спасение, и, дождавшись его на улице после зубнушки, крепко и от души пожали ему руку. С тех самых пор они прониклись к нему неизбывным уважением и уже больше никогда не издевались над его шапкой.

А школьная жизнь шла своим чередом. У Яна была четкая система: если тебя не спрашивали уже две недели, надо просто выучить параграф и поднять руку – это гарантировало еще две недели спокойной жизни. Сложнее было с письменными уроками и контрольными работами, за которые он систематически получал тройки, если не получалось списать у сидевшей перед ним отличницы Марины Грасс. Уроки – контрольные – домашние задания. И так – день за днем, день за днем.

Но сколь долго ни длится школьный год, мало по малу дни становятся длиннее, и вечерами уже совсем не тянет домой, в тепло и уют квартир, а хочется бродить по улицам, вдыхать запахи цветущих вишен и сирени, нагретой солнцем сосны, тумана и вечерней росы. Хочется выйти с ребятами во двор и гонять в футбол, до ушей перемазаться в еще не просохшей

земле, и с диким криком «штанга!» поднять с насиженных мест всех воробьев в округе.

Вот уже подходит к концу и четвертая четверть, практически не замеченная на фоне ярких футбольных баталий во дворе...

Ян пропадал на улице все дни напролет. Двор у них – всего на один дом, и в этом было громадное преимущество. Все дома справа – развернуты фасадами внутрь соседнего двора, именно там были детские площадки, качели-карусели и песочницы. Слева были выстроены один за другим два детских сада, они уходили по левому борту глубоко за горизонт. Двор же Яна, насколько хватало глаз, порос вековыми соснами – ну чистый лес. И именно там – среди крепких стволов, которые как надежные «защитники», отражали любые, попадавшие в них мячи, проходили самые ожесточенные бои на звание чемпиона Яблоневой улицы.

Играли всегда одни и те же. Ян, рослый и крепкий парень – Винс, неразлучный со своей собакой-боксером, веселый коротко стриженный старшеклассник Тим, близнецы Вильям и Стивен. Этой неразлучной пятерке удавалось разгромить любых пришлых, подчас с громадным перевесом. Винс с собакой стоял на воротах – непрошибаемый голкипер, близнецы в защите, а шустрый Ян и умелый Тим – играли нападение.

Тим занимался в футбольной секции на стадионе «Труд» и иногда показывал Яну профессиональные подкаты и фини-

ты, объяснял, как делать удачные передачи. За пару месяцев Ян вполне освоился и почти не уступал Тиму, который только диву давался – откуда это вдруг у парня проснулись такие способности в последнее время? А что самое интересное, команда, в которой играл Ян, никогда не проигрывала. Тим готов был поклясться чем угодно, что дворовые сосны подыгрывают их команде!

Все чаще и чаще к ним стали захаживать друзья Тима по секции, матчи становились все интереснее, и порой продолжались даже с наступлением сумерек, когда приходилось петлять в темноте среди стволов деревьев, освещаемых только тусклым светом окон соседних домов, и уже почти не было видно и самого мяча. Так незаметно пролетела весна...

Яблони на Эпл-блум были в цвету. Цвело все, что только могло цвести и распускаться, источая тончайшие запахи и ароматы. Прозрачное, почти перламутровое небо как будто светилось изнутри, словно кто-то нарочно перепачкал его пастелью всех оттенков розового. И, как назло, именно сейчас, когда все было так легко и прекрасно, в твою жизнь врываются они – экзамены. Приходится браться за учебники и зубрить, зубрить, не вылезая из душных комнат. Как это несправедливо!

Ян и София готовились к экзаменам. Они учились в параллельных классах, и, хотя программа у них была одна и та же, методы подготовки – абсолютно разные. Ян считал, что само написание шпаргалок уже помогает в изучении пред-

мета. А уж если еще и получится ими воспользоваться: «Вот она – сила!» – говорил он, чеканя мяч на прогретой уже полетному жарким солнцем площадке перед домом.

София Саливан подходила к изучению предмета очень серьезно и ответственно. Она читала все свои конспекты от начала до конца, затем, старалась подчеркнуть карандашом все самое важное и необходимое, ну а в самом конце – читала только подчеркнутое. В принципе, три раза прочесть материал было для нее синонимом успеха.

Экзамены в параллели шли в разные дни, и обсудить все детали друзья собирались на скамейке у подъезда.

– Линда – ничего так тетка, даже помогает, – делился впечатлениями Ян, – Когда отвечаешь, смотри ей в глаза, она сидит и головой кивает, когда ты говоришь правильно. А когда забудешь, может даже фразу за тебя закончить, ты главное хотя бы начни говорить. Дополнительных вопросов и вообще не задает.

– А у нас на истории что было... Грымза Миллоу, вот ведь людоедка, двоих со шпорами поймала, все отобрала, пересаживала на первые парты. Понятное дело, что ничего они не написали толком. Ну, хоть тройки поставила. Ты б не брал шпоры, мало ли... уж лучше сам хоть что-нибудь да вспомнишь.

– Чур меня... Нормально все будет, не каркай... Ты это, у тебя записи твои остались? Может, дашь? – Ян вытер нос рукавом, но только размазал грязь по лицу.

– Один день тебе остался, а ты только спохватился? Я на твоём месте уже давно сидела бы и учила. Вот, держи, там страница исчеркана вся, ты не обращай внимания, а ещё вот тут я писала сначала на этой странице, а потом... продолжение – вот тут...

– Ага, понял. Разберусь.

– У тебя история последний экзамен?

– Да.

– Ну, тогда удачи! – София поспешила домой, ей тоже надо было готовиться.

Глава 6. История с историей

История не оставляла возможности думать ни о чём другом, кроме как о датах и событиях средних веков – напряжение достигало предела. Это ж надо – всё это запомнить и выучить... Немыслимо! Да ещё за один день...

– Никогда в жизни мне с этим не справиться, – думал Ян, – вот останусь на переэкзаменовку... тогда посмотрим, нужны были шпоры или нет.

Чтобы опробовать новую систему камуфляжа, он тщательным образом распахивал маленькие бумажки по самым невероятным местам – всего 28 вопросов.

Под стельки ботинок были упрятаны германцы и королевство франков; в носки – империя Карла великого и Византийская империя; в колпачок ручки скручена феодальная раздробленность; вокруг ремня были упакованы вопросы о

средневековых городах и замках, крестовые походы. На резинках к внутренней поверхности штанины левой ноги были приколоты вопросы о культуре средневековья, к правой – возрождения. Оставались еще карманы брюк, и туда тоже попала изрядная порция мелко исписанных бумажек. «Нет, все это не то», – думал Ян, он попрыгал на одной ноге, затем на двух – на пол посыпались белые «фантики», испещренные синими буквами.

– Эх... Лучше всего, конечно, знать заранее, какой вопрос тебе попадет в билете... – говорил он вчера Тиму, когда они беззаботно отработывали удар по воротам во дворе, – Но как это сделать?

– Ну, ты даешь! – отвечал тогда Тим, – кто ж может в будущее заглянуть?

М-да... Тим прав. Заглянуть в будущее невозможно... Однако... Ян задумался. Вот есть у него в классе дружок – Чарли Мейсон, хороший такой, рыжеволосый парень с веснушками на носу – он всегда учит только один билет, и всегда именно его и вытаскивает. Хотя, чем больше Ян знал Чарли, тем больше убеждался в том, что тот отчаянный врун, но добрый малый, отчего Ян ему многое прощал.

И все же идея учить только один вопрос – никак не выходила у него из головы. Должен быть какой-то способ... Интересно, а можно ли как-то упростить себе задачу с помощью... Конечно, отец будет не в восторге... Нельзя использовать кольцо для таких целей, но никто ж не узнает... и Ян

стал думать.

Угадать, какой билет мне попадется – это слишком сложная задача, а вот вытянуть подходящий билетик – весьма реально. Лэсли уже научил его, как притягивать к себе события и предметы, и, надо признаться, на футболе это не раз спасало его команду, когда мяч вдруг, ну совершенно случайно, попадал в штангу вместо ворот, но опробовать это для серьезных дел ему еще не доводилось.

– Так-так-так, посмотрим, что для этого надо, – размышлял он вслух, – Хм, как минимум – знать хоть один вопрос из 28. Так-так-так... А какой вопрос я знаю лучше всего? – Ян оживился, допрыгал на одной ноге до письменного стола, открыл лежавший перед ним учебник и принялся листать страницы.

Распад Золотой орды – не знаю. Падение Византии – не помню. Государство Московия... О нет! Как же так, куда улетучились все знания по истории?! Ян открыл свою рабочую тетрадь в надежде, что найдет там хоть крупицу так нужного ему сейчас знания, но, увы, кроме рисунков и глупой переписки с соседом по парте: «А зразы в столовке я засунул в батарею, надеюсь, никто не видел», – ничего не нашёл.

«Может в Софийкиной тетрадке есть хоть что-нибудь полезное?» – подумал он, но, увы, разбирать чужой почерк оказалось делом весьма непростым, да и сама тетрадь мало чем отличалась от учебника. Текста много – толку мало.

Ян ходил по комнате взад и вперед и думал, думал, ду-

мал. А что если... Он надел кольцо и очки, под волосами зашевелились ниточки-щупальца, сел за рабочий стол и положил учебник перед собой. «ПАМЯТЬ» – сказал он и зачем-то прижал кольцо ко лбу (вдруг поможет).

Он начал читать: «Смутное время на Руси с 1598 по 1613 год было ознаменовано стихийными бедствиями, гражданской войной, русско-польской и русско-шведской войнами, тяжелейшим государственно-политическим и социально-экономическим кризисом. В русской истории так называли эпоху, которая охватывает прекращение династии Рюриковичей в 1598 году и воцарение Романовых в 1613 году. Тогда под угрозой оказалось само существование единого Русского государства», – читал он, переворачивая страницы одну за другой.

«После смерти старшего сына Ивана Грозного, убитого им в порыве необузданного гнева, наследниками престола стали его сыновья Федор и малолетний Дмитрий. Федора венчали на царство 31 мая 1584 года, и скоро в результате дворцовых интриг править, по сути, стал его опекун – Борис Годунов. Угрозой его власти был царевич Дмитрий, который был выслан в Углич. При невыясненных обстоятельствах он умер 15 мая 1591 года от удара ножом в горло. В 1598 году умер царь Федор, престол занял Борис Годунов».

– Видал-миндал, – подумал Ян, – всю династию Рюриковичей извел! Ну, надо же! А что же было дальше?

Заинтригованный, он стал читать о страшном голоде, об-

рушившемся на страну в 1601 году, о народных волнениях и бунтах, об ужасах смутного времени.

Он удивился, насколько история оказалась интересным предметом, и почему он раньше этого не знал? Вот сейчас сесть бы и почитать все внимательно, подробности узнать, так времени ж нет на это...

Прочитав параграф, он снял очки и кольцо. «А теперь самое интересное, что из этого всего вышло?», – подумал он, сконцентрировался и слово в слово повторил весь параграф, даже номер страницы назвал правильно.

Ничего себе! И как он раньше об этом не додумался, истину говорят: лень – двигатель прогресса. Теперь дело за малым – осталось только вытащить нужный билет.

Ну, это-то вообще пара пустяков, подумал Ян и, застегивая на ходу рубашку, побежал в прихожую, где в углу пылился, ожидая своего владельца, потрепанный, выдавший виды футбольный мяч. В тот день ему впервые удалось отчеканить мяч ровно 28 раз – столько, сколько было билетов на экзамене...

Глава 7. Гусеница ползет вверх.

Видеть цель и не замечать препятствий, – звучало у него в голове, – сосредоточиться на желаемом, представить все так, как будто ты уже обладаешь этим, поверить, прожить это... – внушал себе Ян.

Он стоял под дверью кабинета истории и мысленно пред-

ставлял, как он входит в класс. Представлял все до мелочей. Вот муха жужжит и бьется в окно, пахнет пылью и чем-то сладким, должно быть сиренью, солнечный луч лег на стол перед сонным преподавателем, как раз на стопку билетов. Маленькие пылинки кружатся в этом луче, направленном на лежащий сверху билет. Он протягивает руку: «третий слева – мой», – и... Бинго! Ян идет готовиться.

На парте перед ним сидит рыжеволосый Чарли Мейсон, справа – невысокого росточка девчушка с двумя косичками – Хайди Фишер. Отличница Марина Грасс – темноволосая, серьезная девушка – слева, что ж, неплохая компания. Ян достает ручку и быстро начинает писать ответ на свой вопрос.

Хайди уже все написала и сидит, накручивая на палец конец косички, повторяет написанное, видимо сейчас пойдет отвечать. Марина – ну она ж отличница – тщательно что-то выводит на бумаге. А вот бедняга Чарли... видимо не повезло, Ян всегда догадывался, что Чарли всего лишь хвостун и выдумщик, и естественно, никакой счастливый билет он не вытянул, в отличие от него, Яна. У доски тихо стонал щуплого вида парнишка с мышинового цвета волосами – Олли Смоллет:

– Крестьянские восстания в Англии и Франции происходили потому... что было тяжелое положение крестьянства и... рост крестьянского недовольства...

– Может быть, вы расскажете, что такое Жакерия? – медленно цедила слова учительница в седых бублях –грим-

за-людоедка Миллоу.

– Э-э-э... Французская революция? – неуверенно, вопросом на вопрос ответил Олли.

– А кто такой Уот Тайлер? Или, может быть, вы хотя бы знаете, где он жил? – она приподняла брови так, что ее очки, казалось, сами ползут на лоб.

– В Англии, – облегченно выпалил Олли, уж английское имя он точно может отличить от французского.

Ян сочувственно посмотрел на Олли, больше тройки ему никак не светит. Его взгляд падает на Чарли Мейсона – тот делает страдальческое лицо и показывает ему свой листок, на котором ничего кроме заголовка не написано. «Научные открытия и изобретения средневековья» – в глазах Чарли читается отчаяние.

Бедняга, Ян хотел бы помочь другу, но в голове у него только свой билет и ничего более. Очень жаль. Ян вздыхает и разводит руками, давая понять, что ничем не сможет помочь. И тут он вспоминает про шпаргалки, которые все-таки предусмотрительно рассовал по всем частям своего гардероба, так, на всякий случай.

Рисковать он не собирался. Попадаться со шпаргалкой, да еще так глупо, он не планировал. И все-таки ему самому стало ужасно любопытно, можно ли сделать так, чтобы нужный листочек сам оказался у него в руке. Он сосредоточился, ему нужна была шпаргалка номер шестнадцать – левый носок, главное все сделать незаметно. Итак, она лежит в носке, ма-

ленький сложенный вдесятеро листочек, нежно и любовно припрятанный рядом с пяткой, и терпеливо ждет своего часа...

Ян напряг все силы своего сознания и представил, как нужная шпаргалка сама выбирается из его носка, при этом что-то ужасно защекотало его ногу, как будто по нему ползла жирная гусеница. Было и смешно, и ужасно противно одновременно. Гусеница-шпаргалка двигалась медленно, то складываясь вдвое, то распрямляясь во всю длину, с горем пополам выбралась она из носка и поползла вверх по ноге – о боги! – внутрь штанины!

На лбу Яна выступили крупные, как градины, капельки пота, взгляд был напряженный. Его глаза расширились от ужаса, как только он понял, что шпаргалка ползет не туда, куда нужно (как он ее вынет из штанов, когда она доползет до колена или выше, вот интересно), на его лице изобразилась целая гамма чувств, и он стал дрыгать ногой, чтобы заставить гусеницу ползти в другом направлении.

– Енсен, вам нехорошо? – обратила на него внимание пожилая учительница.

Ян сидел красный, как рак, и не знал, что ей ответить, палитра из всех оттенков красного – от алого до бардового – бушевала на его лице, становясь все гуще и насыщеннее: «Все в порядке, госпожа Миллоу, душно очень».

Зачем он так сказал?! Учительница поднялась и, с трудом переставляя тяжелые ноги, не спеша пошла прямо мимо него

– к окну, долго возилась с затвором, но, наконец, открыла его. В это время гусеница с упорством альпиниста, покоряющего Эверест, ползла вверх по задней поверхности его ноги, добралась до колена, сделала еще один шаг и уперлась в подколенную складку. Она начала возиться изо всех сил, прокладывая себе дорогу. Ян согнул ногу и, что было силы, зажал ее. Шевеление прекратилось, теперь под коленкой Яна кто-то бился в предсмертных конвульсиях.

А госпожа Миллоу в это время медленно развернулась на каблуках и, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, неторопливо зашагала назад по проходу. Парализованный Ян, у которого от напряжения дико свело все тело, готов был провалиться сквозь землю. Что, если эта проклятая шпартгалка вывалится из штанины прямо ей под ноги? И вот тяжелая поступь приближается, шевеление гусеницы под коленом окончательно прекратилось, Ян больше не чувствовал не только ее, но и вообще всю свою ногу. И вот, наконец, госпожа Миллоу уже прошла вперед и не могла видеть, как согнулся под парту и быстро поднял что-то с пола Ян Енсен.

И тут Ян понимает, что не может больше сидеть в этой комнате: в ушах стучало, сердце выпрыгивало из груди, а за окном так отчаянно чирикали воробьи и светило солнце, что ему захотелось покончить со всем этим как можно быстрее.

– А можно отвечать без подготовки? – спрашивает Ян, брови госпожи Миллоу поползли вверх с удвоенной силой – она растерянно кивнула. Ян тут же вскочил, опережая про-

тесты маленькой Хайди Фишер (ведь сейчас была ее очередь отвечать). Проходя мимо парты Чарли, Ян незаметным движением сунул ему в руку сложенную вдесятеро бумажку и вышел к доске.

Он настолько быстро выпалил свой ответ, что пожилая учительница даже не задала ему ни одного дополнительного вопроса, настолько она была поражена. Сколько лет она работает в школе, но никогда еще ученик не отвечал так быстро и так складно, словно читал невидимый учебник. В чем подвох? С каких это пор Ян Енсен стал хорошо учиться, и почему он в очках? Все эти вопросы крутились у нее в голове, пока она выводила оценку «отлично» в табели. Может быть, он списал? Но как? Он ведь только пришел, взял билет и сел за парту. Невозможно успеть списать за две минуты. И потом, он же не читает с листа, а говорит по памяти... Весь остаток дня Ян не выходил у нее из головы.

Она практически не слушала ответы других учеников, ставя им оценки скорее за прежние заслуги, чем за реальные знания, вот как получилось, что Чарли Мейсон все же получил свою тройку, несмотря на блестящий ответ.

После экзамена Ян стучит в дверь квартиры номер 1 самого желтого дома на Яблонево́й улице, чтобы сообщить Софии, что сдал последний экзамен на отлично. Свобода! Вот она – долгожданная свобода! Долго потом они еще будут гулять по Эпл-блум, отмечая начало летних каникул.

Улицу не зря называли Яблонево́й. Бело-розовые шапки де-

ревьюев текут вдоль нее до самого горизонта. Улица спускается к реке, на которой так хорошо ловить рыбу и купаться летом, а еще можно кормить уток прямо с моста, чуть ниже по реке, или просто сидеть на песке и смотреть на другой, высокий берег, поросший вековыми соснами, они стоят как корабельные мачты и качаются в такт ветру.

Экзамены были закончены. Лето вступало в свои права. В высокой траве уже вовсю стрекотали кузнечики. Еще каких-нибудь пять – шесть ленивых дней (или сколько там нужно Лэсли на его экзамены, все-таки выпускной класс), и они с братом поедут в деревню к бабушке, где его ждут совершенно новые открытия.

Все дело в том, что деревня, где живет бабушка, находится в «аномальной зоне», как называют ее люди. Там часто происходят всякие по их понятиям сверхъестественные вещи. Говорят, что там даже неоднократно видели НЛО, а трава на полях сама закручивается в причудливые узоры. Много чего говорят, во что раньше он не верил. И теперь ему чрезвычайно интересно было узнать, что же там происходит на самом деле.

Глава 8. В отпуск!

– Ну, вот и все. Присядем на дорожку. – Анна Енсен в нежно-желтом клетчатом плаще опустилась на краешек увесистого чемодана в коричнево-зеленых узорах.

– Мам, а мы не опоздаем? – Ян был в предвкушении этой

поездки, но, как всегда, очень волновался. Он так боялся опоздать на поезд, что готов был уже с утра ехать на вокзал, хотя поезд уходил лишь в 8 часов вечера.

Когда Ян был маленький, с ним приключилась одна история, с тех пор он вечно нервничал перед поездками по железной дороге. Это было давно, когда ему было лет пять или шесть. Они отдыхали у бабушки, но папа решил, что непременно надо свозить детей в другой город в зоопарк.

Ехать надо было 4 часа на электричке, поэтому встали в тот день очень рано. Было лето, но, когда отец разбудил его, было еще темно. Папа сварил сосиски, к которым Ян даже не притронулся. Бабушка пошла провожать их на поезд. На вокзале, она решила, во что бы то ни стало сводить Яна в туалет, ведь ехать предстояло очень долго. Сонный Ян не очень понимал, что вокруг происходит. Папа и Лэсли остались почему-то в электричке, а он с бабушкой пошел в здание вокзала. Они долго стояли в какой-то длинной очереди. Сильно пахло какими-то нечистотами, и очень хотелось как можно скорее уйти оттуда.

Но вот они снова оказались на платформе. Электричка то открывала, то закрывала двери, шумно пыхтя и отдуваясь. Ян не помнит, как так случилось, но в какой-то момент бабушка просто впихнула его в вагон, двери закрылись, и поезд тронулся. Что же было делать? Он оказался совсем один посреди набирающей скорость электрички! Ян вошел в вагон, надеясь, что увидит там папу и Лэсли, но никого из них

там не оказалось. Видимо бабушка, понимая, что не успеваешь добежать до нужного вагона, просто впихнула Яна в самый первый, до которого они только успели дойти. А папа и Лэсли подумали, что бабушка с Яном на электричку опоздали, и сидели с невозмутимым видом, читали журнал и жевали пряники. Маленький Ян стоял в крайнем вагоне поезда и не знал, что делать. В конце концов, он нашел какой-то укромный уголок у двери, сел туда и тихонечко заплакал. К нему подошла какая-то женщина, а потом они пошли вместе с ней через весь поезд. Ян помнит, как страшно было переходить из вагона в вагон, как жутко скрежетали колеса электрички, с каким ужасом смотрел он на мчащуюся под ногами землю между вагонами...

С тех пор он все время боялся опоздать на поезд. И каждые пять минут посматривал на часы.

– Не волнуйся Ян, присядь лучше и помолчи минутку. Это традиция. Подумай лучше, все ли ты взял с собой. Потом уже вернуться будет нельзя, – Джон пододвинул к себе табурет и, взяв за руку сына, усадил его. Минуту все молчали.

– Ну, поехали! – Анна встала и пошла к двери. – Цветы будет поливать София, она мне обещала, да мы и не на долго, две недели пролетят, не заметишь.

– Отпуск – хорошая штука, только уж очень он у вас короткий, мам. Вот наши каникулы куда лучше, – Лэсли толкнул плечом Яна и потрепал его по светлым волосам.

Автобусная остановка была буквально в двух шагах от до-

ма. На ней было многолюдно, по всему видать, автобуса не было уже давно. Джон вышел на дорогу, посмотреть, не идет ли автобус.

– Нет, ничего не видно.

– Ладно, не переживайте, будет вам автобус, – сказала Анна.

– Как это? – Ян удивленно посмотрел на мать.

– Тихо, не мешай, мама сейчас наколдует нам автобус, – со смешком сказал Лэсли.

Анна отвернулась от дороги и закрыла глаза, затем постояла так минуту, посмотрела на небо, на землю и, как только она подняла глаза на дорогу, на ней показался автобус.

– Круто! – сказал Лэсли, – каждый раз поражаюсь, как здорово ты это делаешь, мам!

– И как же это работает? – Ян протискивался внутрь булькающего и клокочущего автобуса. «Быг-быг-быг» – постанывал он... «Давай, поднажми», – кричали в задних рядах пассажиры, стараясь утрамбовать впереди стоящих и протиснуться в салон.

Они бросали монетки в прозрачный контейнер и откручивали для себя билеты с катушки, не забыв пробить их компостером. Когда семья Енсен, наконец, села на свободные места, Джон попытался объяснить.

– Мама сначала отвернулась от дороги, Ян, ты видел? Чтобы выйти из имеющейся реальности, когда автобуса нет и создать новую вариативность, когда автобус подъедет. Она со-

здала цепь событий, которые должны привести к появлению автобуса: посмотрела наверх, вниз, а потом... Хм... как тебе объяснить...

– Ян, я же тебе это сто раз объяснял уже. Можно загадывать по-разному, – вмешался Лэсли и, понизив голос, заговорил мистическим тоном, – вот, например, я загадываю: сейчас проехала синяя машина, потом из-за поворота покажется красная, я отвернусь, попрыгаю на левой ноге, а когда повернусь обратно, увижу, как подъезжает нужный мне автобус. Понял? Сначала берешь какое-нибудь одно реальное событие, как отправную точку, потом прогнозируешь второе и загадываешь третье. Надо представить, что автобус придет, поверив в это, и он-таки придет! Но мне все равно далеко до мамочки – она профи в этом деле!

– Это не так сложно, как кажется, надо только больше практиковаться, – сказала Анна.

– Я так ищу место для парковки, – вдруг вмешался в разговор дядечка в синей шляпе, сидевший справа от них, – Правда, сейчас мой драндулет не на ходу, но вы правы, это здорово помогает, – и он весело подмигнул всей компании. Все дружно засмеялась. Ян вопросительно посмотрел на отца.

– Вот видишь, Ян, любой ЧЕЛОВЕК может это сделать, – сказал отец, делая особый акцент на слове «человек», – все дело в настрое, ну, и в практике, конечно.

На вокзал подъехали вовремя. Выгрузились из автобуса и

неспешно пошли к единственной во всем городе платформе. Ян любил ездить на поездах. Запах железной дороги, шпал – это ни с чем не сравнится. Он манит, и ты чувствуешь приближение чего-то интересного, захватывающего. Яну очень нравился этот запах, он и сам не понимал почему.

На перроне суета, Джон достает из нагрудного кармана оранжевые с золотой печатью билеты и протягивает их проводнику.

– А ваш чемодан на полку не встанет, – поджав губы и покосившись на увесистый багаж Енсенов, сказала девушка в синей форме проводника.

– Ничего-ничего, это только так кажется, мы не первый раз с ним путешествуем – с улыбкой ответил Джон.

Анна прошла в вагон, за ней стали подниматься по крутой, сетчатой, как кружевная паутина, лестнице и ребята. Замыкал шествие Джон, тащивший огромных размеров чемодан.

– Вот и наше купе, – Анна сняла плащ и повесила его на крючок.

Джон поднял сидение, и огромный чемодан исчез в крохотной нише: «Всегда полезно немного расширить пространство», – подмигнул он Яну. Ян никогда раньше даже и не задумывался о том, как такой чемодан вообще может хоть где-то поместиться. Он впервые понял, что есть простые и удивительные вещи, на которые он раньше просто не обращал внимания.

Поезд тронулся плавно, практически незаметно, только поплыли куда-то деревья за окном. В купе вошла проводница.

– Ваши билеты... Постель заказывать будем? Чай пить будем?

– Да, пожалуйста. Четыре постели и четыре чая.

Джон расплатился, и проводница вышла из купе. Анна стала распаковывать маленькую дорожную сумку.

– М-м-м... запечённая курица в фольге – фирменное блюдо для поезда, – Лэсли уже потирал руки в предвкушении вкусного ужина.

– А я бы не отказался от кофе, – лукаво подмигнул жене Джон.

– Будет вам и кофе, и какао с чаем, – улыбнулась Анна, – теперь, когда Яну стали доступны кое-какие вещи, я решила добавить в нашу жизнь немного импровизации. Теперь это никого не шокирует и не удивит.

С этими словами она стала разворачивать фольгу, под которой, однако, не было никакой курицы. Под ней была еще одна упаковка – полупрозрачная, голубоватая, отливающая перламутром. Она была закрыта в виде большого артишока. Один за другим Анна стала разворачивать лепестки, чтобы добраться до сердцевины. Внутри, казалось, что-то светилось и мерцало. Внутренние лепестки были настолько яркого цвета, что, казалось, это не цвет, а свет в чистом виде. И вдруг этот «бутон» сам собой раскрылся по часовой стрелке,

как сферический веер, и на столике купе оказался круглый золотой поднос, уставленный разными вкусностями.

Здесь была и запечённая курочка, и овощное рагу, и бараньи ребрышки в подливке, рис с шафраном, картофельное пюре, салат, канапе с ветчиной и сыром, тонко нарезанные соленые огурцы и даже мамины фирменные блинчики. Оставалось только гадать, когда она успела все это «приготовить», и как все это поместилось в таком маленьком комочке фольги. После того, как все насытились, Анна подхватила поднос снизу и свернула его ловким движением руки против часовой стрелки. Он послушно сложился, как веер, в нечто, напоминающее бутон артишока.

– И как это ты все успеваешь? – с лукавой улыбкой спросил Джон и подмигнул.

– Это потому, что я не жена, а золото! «А теперь чай!» — сказала она, и в ту же минуту дверь купе съехала в сторону, и появилась улыбающаяся проводница с подносом, на котором, позвякивая чайными ложками, стояло 4 стакана в жестяных подстаканниках. Над каждым из них поднимался густой пар, а на блестящей поверхности плавала долька лимона.

– Но я просил кофе, – в шутку возмутился Джон, когда проводница вышла.

– О! Извините, сэр! – сказал Лэсли, – Ну-ка, Ян, настало время для практики, изобрази нам превращение чая в кофе! Дело было сделано с величайшим мастерством, даже

Джон оценил качество напитка, сказав, что в жизни не пил такого вкусного кофе, да еще и... с лимоном.

– Э-э-э... что-то вот про лимон-то я и не подумал, пап, – признался Ян, и все засмеялись.

После ужина еще долго болтали, играли в шахматы, которые материализовал Лэсли прямо из воздуха, смеялись. Когда за окном стало темнеть, Анна застелила постели, причем Ян готов был поклясться, что одеяла сами вползали в пододеяльники. Наконец, все улеглись. Мальчики на верхних полках, Джон и Анна внизу.

За окном в темноте ночи проносились мимо фонари полустанков. Колеса поезда негромко стучали, навевая дрему. «Как же я люблю поезда», – думал Ян. Он не мог себе объяснить за что, но просто обожал путешествовать поездом: этот запах, мерный стук колес «чу-чух-чу-чух», какое-то необычайно расслабленное состояние, когда ни о чем не надо думать, никуда не надо спешить...

К бабушке ездили каждое лето, сколько он себя помнил. С детства он любил ходить по вагону, держась за поручни, откидывать приставные креслица в коридоре и сидеть на них, глядя в окно. Ему нравилось все: и ковер на полу, и громадный титан с горячей водой и крантиком, из которого капала вода, и ручки на дверях купе, смотрящие вверх, и то, что само купе, как маленький уютный домик, который прячет их семью от всего остального, проносящегося мимо на огромной скорости мира, стоит только закрыть дверь.

Ты сидишь в таком домике, а за окном искрятся закатным солнцем речушки, озера, заводи вдоль железнодорожных путей, и создается впечатление, что ты расправил крылья и летишь над зеркальной поверхностью блестящей воды, а кругом мелькают камыши, цветы и травы, кусты и деревья, или туман стелется над низиной, создавая сказочный мир вокруг. Где-то там, в заводях, живут русалки, леший да кикиморы. На полях гуляют стада, а когда поезд проходит мост над большой рекой – вот уж страх-то – можно представить, что ты несешься прямо по воздуху.

Глава 9. Аномальная зона.

Перед тем, как погасить свет, Анна посмотрела на мужа и шепнула: «Надо предупредить его, думаю сейчас самое подходящее время». Они закрыли дверь купе на задвижку.

– Ян, ты знаешь, что место, где живет бабушка, люди прозвали «аномальной зоной». Это не просто так, – начал Джон.

– Это «жжжж» неспроста, это уж, как пить дать, дыма без огня не бывает, – усмехнулся с верхней полки Лэсли.

– Уже несколько веков, лет, примерно, четыреста, там происходят разные непонятные события. Даже мы до конца не понимаем, почему это происходит. Аномальная зона очень большая, но нам удалось определить ее эпицентр – это Муруджунская Игла, гора, внутри которой есть что-то, что не фиксируется никакими земными приборами, но дает очень мощное аномальное излучение, которое чувству-

ют сэнмиры. Никто не может понять, что там, возможно, это разлом миров, и поэтому территория эта обнесена зоной контроля. Мы пересечем границу аномальной зоны на поезде, поэтому проходить контроль будем прямо здесь.

– А почему раньше я ничего такого не замечал, хотя мы к бабушке каждое лето ездили?

– Зона контроля создана в параллельном измерении, поэтому все остальные люди, едущие в поезде, ничего не заметят, как и ты раньше не замечал. Ты все это сам сразу поймешь завтра утром. Зона контроля создана вне временного пространства Земли, то есть на период, пока мы будем проходить контроль, человеческое время остановится. Для этого нам понадобится лишь одна сотая доля земной секунды, которую мы растянем до нужных нам размеров...

– Не волнуйся, это не больно, – свесившись со второй полки и сделав страшные глаза, сказал Лэсли.

– Не о чем волноваться, сынок, это просто меры предосторожности. Мы не можем знать, сколько миров пересекается в зоне Иглы, и какие сущности там обитают, поэтому и были приняты эти меры, – Анна улыбнулась, подтыкая одеяло Яну, как будто ему было все еще 6 лет, – ну что, я гашу свет? Спокойной всем ночи.

Утром Ян проснулся под мерный стук колес и первым делом бросился надевать кольцо и очки.

– «Мама-миа!» – произнес он, – мы что, едем обратно?

И действительно, было чему удивиться, казалось, поезд ехал в обратном направлении.

– Мы что, назад едем?

– Интересно, да? То ли еще будет! – Лэсли спрыгнул с верхней полки и сел рядом с братом.

– Надо успеть умыться и позавтракать до КПП, – сказал Джон. – У нас минут сорок.

Вытирая лицо жестким вафельным полотенцем в туалете поезда, Ян смотрел в окно, в котором в бешеном темпе бежали деревья – справа налево. Ян надел очки и посмотрел в окно еще раз – все двигалось слева направо! Куда же все-таки едет поезд? На Юг или на Север? «Во всяком случае, вчера вечером он ехал на Юг», – Ян решил ничему не удивляться.

После завтрака, когда все попили чаю, и проводница собрала посуду, они сложили белье и скатали матрасы в плотные полосатые рулетики.

– Ну что, мы готовы. Ян, сейчас будет КПП – контрольно-пропускной пункт. Ничего страшного не происходит, просто это займет какое-то время. Состав поезда большой и надо набраться терпения, пока всех проверят. А который час? – спросила Анна.

Джон посмотрел на часы: «9:30», – сообщил он.

В ту же секунду поезд замедлил свое движение. Ян смотрел в окно: они въезжали в огороженный колючей проволокой туннель, вдоль которого ходили люди в серых шинелях

с оружием в руках. Ян не видел никогда такого прежде. Это были полутораметровые бластеры, судя по всему, очень тяжелые. Он испуганно посмотрел на Анну, она ободряюще улыбнулась.

– Все хорошо, сынок... для людей это оружие безвредно, как солнечный свет. Можешь думать, что это просто гигантский фонарик.

Поезд остановился, и ворота туннеля закрылись. Ян ждал. Все ждали. Их вагон был пятым. Прошло, наверное, минут 15, и тамбур вагона хлопнул – в него вошли люди в серых шинелях. Ян видел их, прижавшись к двери купе. Он не рискнул выйти в коридор, даже высунуть голову боялся. Были слышны короткие команды, которым беспрекословно повиновались все сэнмиры в поезде: они выходили из своих купе и через какое-то время возвращались обратно. Люди в сером шли дальше.

И вот, двое вошли в их купе. В руках одного был сферический сканер. Анна протянула руку с кольцом внутрь сферы, и та загорелась зеленым. Также сделали Джон и Лэсли. Когда настала очередь Яна, он протянул руку и почувствовал, как теплый луч пробежал по ней и, встретившись с кольцом, выдал также зеленый свет на приборной панели.

У второго человека в сером сканер был в виде специальных многослойных очков. В них было линз сорок, не меньше. В руке у него был маленький карманный фонарик.

– Прошу выйти из купе, – сказал он. Все вышли. Человек

осмотрел купе, поднял нижние полки и заглянул в углубления для чемоданов, расположенные под ними и осветил там фонариком.

– Ваш чемодан? Достаньте, пожалуйста.

Джон рывком вытащил чемодан из ниши под сиденьем.

– Откройте, будьте добры.

Несколько мгновений человек в серой шинели рассматривал содержимое чемодана через свои очки.

– Спасибо. Вы можете уйти, – и двое пошли дальше по вагону. Еще минут через 40 поезд тронулся и, набирая скорость, поехал дальше.

На часах Джона по-прежнему было «9:30», и только когда поезд набрал скорость, секундная стрелка дрогнула и побежала дальше по кругу.

Ян смотрел в окно. Мимо на бешеной скорости пролетали станции с торгующими чем-то людьми, обветшалые дома, огороды, вот промелькнуло стадо овец, речка, леса, озера... Солнце блестело в водной глади, было ощущение, что ты летишь над водой, а над заводами поднимается утренний туман, разгоняемый быстрым движением состава.

– Смотри, уже горы видно, скоро приедем, — сказал Джон.

– На вот, Янчик, прими дозу эндорфинов, – сказал Лэсли и протянул ему шоколадку, – гормон счастья в чистом виде!

Ян с благодарностью съел шоколадку, но у него и без этого в животе порхали тысячи бабочек. Он ехал к чему-то совершенно новому, неизвестному, любопытному и захватываю-

щему. Впереди были новые открытия, новые приключения.

Он отломил еще кусочек шоколада и положил его себе в рот. Он любил, чтобы шоколад полностью растаял, и тогда можно было представить, что ты пьешь его, как это делали древние индейские племена ацтеков, инков и майя, открывшие миру этот напиток богов 400 лет назад. Так они и ехали, пока, наконец, не зашла проводница.

– Подъезжаем. Билеты вам нужны?

Глава 10. Вечерние посиделки

У бабушки Лизы был очень интересный дом, свет в нем всегда был приглушенный, даже в самый жаркий летний полдень в доме, казалось, было сумеречно. Наверное, все дело было в особых бархатных занавесках с кисточками, всегда думал Ян, но сегодня он посмотрел на это по-другому. Окна бабушкиного дома были не из стекла, они были толще и плотнее, как будто сделаны из слюды, но очень прозрачной. Именно она давала такой эффект – полумрака. Как он потом узнает, эти стекла защищают дом от проникновения потусторонних существ, что было очень важно в аномальной зоне.

Солнце уже стало клониться к горизонту, когда они всей семьей усаживались за празднично накрытый стол в уютной комнате. В углу горел любимый бабушкин торшер с малиновым абажуром, отбрасывая на пестрый ковер причудливые тени. По стенам висели картины, которые, еще, будучи

мальчиком, рисовал отец Яна. Приглушенно стучали ходики, на покрытом тюлевой накидкой транзисторе стояли фигурки слоников разных размеров – от большого папы-слона, до самого маленького малыша. На окнах – глоксинии и фиалки распускали свои яркие венчики.

– Мама, а расскажи, как вы с папой познакомились, – спросил Ян, он полюбил эту историю, и, хотя слышал ее наверное, раз сто, каждый раз она волновала его. Так уютно было пить чай в бабушкиной гостиной, что ему непременно захотелось услышать любимую историю еще раз.

Анна улыбнулась, ей и самой было приятно унести в воспоминания юности.

– Он стоял на высоченной крепостной стене старинного замка в Олсборге, – начала свой рассказ она, – Я увидела его, и что-то вдруг заставило меня остановиться, я поняла, что не могу просто так пройти мимо, ничего не сделав. Мне безумно захотелось совершить что-то дерзкое, как будто тысячи бесенят прыгали во мне, как пузырьки в шампанском. И вот тогда я слепила снежок, подышала на него немного, подержала в руках без перчаток – для плотности – и бросила. Я не ожидала, что попаду в цель, я даже не могла представить, что снежок вообще пролетит и половину того расстояния, не то, что долетит до него, поэтому и кинула. Наверное, если бы я знала, что попаду прямо ему в лоб, я бы ни за что на это не решилась. Стена была высотой метров 10-15, а я ведь совсем не умела бросать снежки. У меня даже в школе тройка

всегда была за бросание гранаты...

Анна улыбнулась и с нежностью посмотрела на Джона. В руках она держала чашку чая, а взгляд ее вновь уносился вдаль.

– Да уж, метнула ты тогда знатно! – с улыбкой подтвердил Джон.

– О, да! Можете представить мое удивление? Я испуганно смотрела на него, как он вытирает мокрое от снега лицо и смотрит по сторонам в поисках того, кто это сделал. И тут он заметил меня. Я была готова провалиться сквозь землю, от страха я не соображала, что делаю, я развернулась и бросилась бежать. Тут-то он и понял, что это я – тот нахал, кто бросил снежок, ведь если бы я не побежала, он ни за что не догадался бы, что девочка моего роста и комплекции может так ловко попасть, да еще с такого большого расстояния.

И тут он сделал еще более невероятную вещь – он спрыгнул со стены – с 15-метровой стены – и бросился меня догонять. Сердце во мне колотилось с бешеной силой, готовое выскочить наружу, дыхания не хватало, снег был глубокий, и бежать было чрезвычайно тяжело. Я чувствовала себя зайцем, удиравшем от лисы...

– Куда уж зайчишке с лисой тягаться, – смеялся Лэсли.

– Да. Сердце в пятки ушло, как говорят. Он догнал меня в какие-то считанные секунды. В какой-то миг я обернулась, чтобы посмотреть, как далеко я смогла убежать, а он просто стоит за моей спиной. Именно стоит – не идет, не бежит, а

просто стоит и внимательно, с удивлением на меня смотрит.

– Еще бы не с удивлением, ведь это была ты – девушка его мечты! – опять вмешался Лэсли.

– И тут я увидела его глаза... – продолжала Анна, – Весь остальной мир просто перестал существовать. Я узнала его, как узнают близкого друга, родного и самого дорогого на свете человека. Я поскользнулась, или у меня просто подкосились ноги, а он подхватил меня и улыбнулся. Мы стояли так, глядя друг другу в глаза, наверное, целую вечность, и до того нам было хорошо просто так вот стоять и смотреть друг на друга. Нежность, тепло, счастье переполняли меня, и я знала, что он чувствует тоже самое. Он медленно провел пальцем по моему лицу, смахивая какую-то соринку, а я смотрела в его глаза и мне хотелось и смеяться, и плакать одновременно.

– Как это красиво, – бабушка Лиза, седовласая старушка с тугим пучком на голове, достала из кармана халата платочек и вытерла набежавшую слезу.

– А потом оказалось, что мы учимся с ней в одном институте, – продолжил рассказ Джон, но в разных потоках, и на практику в Олсборг приехали каким-то чудом одновременно...

– И что день рождения у нас почти в один день. У меня 22, а у него 24 мая.

– И что она – это та самая девушка с фотографии... Девушка мечты, – снова вставил свои пять копеек Лэсли, – ма-

ма, расскажи...

– Это просто эпохальная история, – рассмеялась Анна, – я же с подружкой ходила в фотоателье, мы сфотографировались, я забрала фотографии и забыла про это дело. Но оказалось, что я так понравилась фотографу, что он увеличил мое изображение и поставил в витрину своего салона вместо рекламы.

– А я случайно проходил мимо этой витрины, увидел портрет и с первого взгляда влюбился в эту красавицу, – продолжал Джон, – я долго ходил потом туда, ноги сами меня приводили к этому фото-салону, в конце концов, я все-таки уговорил фотографа, и он признался, что это фото реальной, живой девушки, его клиентки, которая живет в нашем городе, только вот ни адреса, ни телефона девушки у него не было. Я его очень упрашивал тогда, и он обещал мне напечатать портрет.

– И напечатал. Когда я пришла в гости к Джону, еще там, в Олсборге, он достал из своего чемодана какой-то учебник, а там вместо закладки – моя карточка! Вот уж я удивилась! А потом подумала, что не просто так я оказалась в Олсборге, это было какое-то феноменальное стечение обстоятельств. В обычной человеческой жизни такого ну просто не бывает. И моя навязчивая идея – пойти в тот день гулять к замку, странные чувства, когда я увидела его. Мной как будто двигала какая-то неведомая сила...

– Еще бы, папа же тебя загадал встретить, значит, это

должно было случиться – вы же оба сенмиры, – многозначительно подчеркнул Лэсли.

– Так мы и познакомились... и больше никогда не расставались, – сказал Джон.

– А после института нас распределили в Сноутон, и мы туда поехали уже мужем и женой. А потом родился Лэсли, еще в общежитии, помнишь?

– И когда мы принесли его домой и положили на единственное мягкое, что у нас было – на подушку...

– Он ее описал, – засмеялся Ян, который, конечно же, знал все эти истории наизусть, но только сейчас начал осознавать их смысл и значение.

– Так, давайте не будем уточнять кто, где и при каких обстоятельствах описался, – возразил было Лэсли.

– О нет, давайте будем, – перебил его Ян.

– Ну, тогда давайте еще вспомним, – сказал Джон, – Как в первом классе, не помню в каком месяце, но стояла осень, и было уже прилично холодно, у Лэсли случился неожиданный порыв братолюбия и он забрал кое-кого из садика...

– И мы прыгали на кроватях, а потом пошли гулять во двор прямо в домашних тапках, – продолжил было Ян.

– Да уж... мне соседи тогда рассказывали, – перебила его Анна, – двери нараспашку, дома никого нет, а эти двое в тапочках гуляют... в ноябре!

– Это еще что... – сказал Ян, – однажды мы играли, как будто попали в осаду, враги окружили наш город, продоволь-

ствие кончилось, и стало нечего есть, а ты, Лэсли, сделал похлебку из воды, сухих хлебных корок и растительного масла, да еще приговаривал, что эта похлебка для любого жителя осажденного города просто на вес золота, и заставлял меня ее есть...

– Это была игра, и ты умирал с голоду! Ты забыл? Эта похлебка была манной небесной! Да за нее буквально дрались все жители, а досталась она тебе, неблагодарный!

Вечер воспоминаний затянулся. Когда разошлись по спальням, уже давно зажглись на небе звезды, успокоился ветер, стояла глубокая, тихая ночь, время от времени где-то вдали лаял на привязи чей-то пёс, в открытые окна летел треск цикад.

Уже лежа в кровати, Ян вспоминал мамин рассказ, он любил слушать про их с папой встречу: было в этом что-то невероятно нежное и прекрасное. Хорошо, что мама и папа оказались сэнмирами, а то бы они могли никогда и не встретиться.

По мнению Яна, только сила папиного желания познакомиться с незнакомкой с портрета смогла сделать их встречу реальной. «Желания, сильные желания всегда исполняются», – любил повторять Джон, – «Так что будь очень осторожен в своих желаниях, сто раз подумай, прежде чем захотеть чего-то всем сердцем, с последствиями желаний тебе жить».

Кровать, на которой они лежали вдвоем с Лэсли «валетом», была чрезвычайно высокая, столько перин положила

на нее бабушка, не признававшая современных ортопедических матрасов. «На воздушьях самый сладкий сон», – говорила она. Ян буквально утонул в облаке, так было мягко и приятно.

Комната, в которой они спали с братом, была малюсенькая, всего-то в ней помещалась одна единственная скрипучая кровать, да платяной шкаф. Двери в комнату не было, вместо нее проем закрывала тяжелая, желтая бархатная занавеска с кисточками.

Лэсли уже спал под соседним одеялом, из зала доносились приглушенные голоса – это мама с папой укладывались спать на большом раскладном диване. Бабушка занимала самую маленькую комнатку в доме, в которой кроме узкой односпальной кровати вообще ничего не помещалось. На стене ее висел ковер и перехваченная бантом балалайка. Под тихий стук ходиков Ян провалился в сон.

Глава 11. И утренние воспоминания...

Утром Яна разбудили отчаянные вопли горластого петуха и бляенье овец, которых выпускали в загон перед домом. Всего овец было пять, а его самая любимая – Ярочка – нежная и ласковая овечка, появилась у бабушки в прошлом году, когда они приезжали на лето. Были еще Забияка, Мальчик, Малыш, а также огромных размеров баран с окладистыми бакенбардами – Пушкин, так его прозвала мама. У него были крутые рога и не менее крутой нрав. Ян с Лэсли любили

дразнить его, зная, что из загона он ничего им не сделает.

Лежа в постели, Ян вспоминал свое детство, как же им всегда было весело, когда они с Лэсли жили у бабушки летом. Он вспомнил, как один раз они уложили спать в бабушкину постель огромного деревянноо коня на колесиках, укрыли его одеялом, а потом и забыли про него. Коня нашла бабушка, когда ложилась спать. Эх, и смеялась она тогда!

– Что за чудо чудное, диво дивное, – причитала она, – ложусь в постель, а там занято! Лежит энта лошадиная голова и на меня своими глазищами зыркает!

В другой раз они с Лэсли поймали пеструю курицу, прокрались с ней прямо в дом и подбросили очумевшее животное в постель к спящей тетке Люси, сестре Джона. Тетка визжала, как боевая сирена, курица кудахтала изо всех куриных сил и металась по кровати, не находя выхода из этой опасной для ее куриной жизни ситуации, а двое сорванцов зажимали рты и носы за занавеской. Эх, и досталось им тогда!

А как они таскали огромные пиленые куски сахару прямо из мешка в погребе? А как нашли старый дедушкин пистолет-пугач с пистонами, и как он гроыхнул, «ажно дом затрясся»? А как лазили на крышу по приставной лестнице, на чердак – валяться в сене, а потом до ночи боялись спуститься? А как сладко пахла скошенная трава в дедушкином балаганчике, и как мастерили с ним на верстаке всякие деревянные игрушки, а потом красили их краской из трехлитровой банки... нежно-голубой, цвета неба! А как учили пла-

вать в вагонетке соседского кота? Слава высшим силам, он удрал от них на крышу, где его уже невозможно было поймать, а то, страшно представить, какой трагедией это могло закончиться!

Но, пожалуй, самое главное воспоминание – это как искали клад... Дедушка Алик был огромный выдумщик. Весь год, пока мальчишки учились в школе, он собирал мелкие монетки в большой глиняный горшок, а как наступало время каникул – ехал в ближайший лес и закапывал горшок в надежном месте. Разумеется, он рисовал для ребят карту сокровищ, и они увлеченно бегали по лесу в поисках пиратского клада. Сколько восторга было его найти! А уж как нелегко было его поделить, и представить невозможно! А как они дрались за найденные на дороге цветные черепки битых тарелок – непередаваемо! Бабушка Лиза тогда не выдержала смотреть на их баталии, вышла на дорогу и жახнула оземь огромную тарелку. Эх, не понимала бабуля, что жертва ее была напрасна, тарелка у нее ведь была белая, а весь смысл был найти именно цветной осколок! Много было воспоминаний. Счастливое было время...

Вместе с дедом они ездили за сеном для овец, дедушка косил, они оттаскивали траву в кузов их старенького пикапа, а потом сами садились в него, прямо на траву, и дедушка их вез, а они подскакивали на кочках, кто выше – как было весело. Он показывал им грибы и травы, учил в них разбираться. Он разрешал им все, любые шалости. Он очень лю-

бил своих внуков, хотя иногда Яну все-таки прилетало хворостинкой пониже спины – дедушка понимал только такой способ воспитания. Потом ему, конечно, объяснили, что он, мягко говоря, не прав, что наказывать надо по-другому, но Яну новые наказания нравились куда меньше. «Дедушка, ну ударь ты мне хворостинкой, и чтобы я опять бегал и играл, ну не могу я сидеть два часа, как бычок на привязи», – всегда умолял его Ян. Но дедушка был непреклонен: надо – значит надо... сиди, дорогой! Это, брат, педагогика! С ней не поспоришь...

Иногда он брал их с собой на работу – в спортивную школу – и разрешал делать все, что душе угодно. Ян и Лэсли залезали в кладовки, где хранился спортивный инвентарь по художественной гимнастике, брали все, что привлекало их внимание, от цветных мячей, до пестрых лент на палочках. Но самое главное было другое – в каждом зале стояло пианино! Совершенно не умея играть, мальчишки с воодушевлением брякали по клавишам, инструмент издавал душераздирающие звуки и отчаянные стоны, а они залиvisto смеялись, так им было весело.

А потом дедушки не стало. Он просто исчез, и никто так и не узнал, что с ним случилось. Все-таки, он был сенмиром, дозорным лисом в аномальной зоне. Все это понимали, но в глубине души надеялись, что может быть, когда-нибудь он вернется домой.

Ян сладко потянулся и открыл глаза, опустил ноги вниз

и нащупал тапочки. Сонно глядя по сторонам, он прошел в комнату – там никого не было, видимо, все уже встали. Он застал семью на кухне за завтраком. Бабушка напекла блинов, и все с аппетитом уплетали кружевные, ароматные кружочки, щедро политые маслом, обмакивая их в свежесваренное клубничное варенье с пенками, запивая чаем из горных трав. Ян подсел к столу. Бабушка тут же без лишних слов пододвинула ему тарелку.

Бабушкины блины, что может быть вкуснее в этой жизни? Да еще когда с них стекает душистый и сладкий клубничный сироп. Но больше всего Ян любил пенки – эти розовые ароматные облака... а бабушка суетилась вокруг внуков и подкладывала, и подкладывала добавку.

Глава 12. Дом вверх дном

После завтрака Лэсли заговорщицки подмигнул Яну и оттащил его в сторону за рукав рубашки.

– Пойдем, я тебе что-то покажу. Я тут в прошлом году обнаружил одну вещь... Только тсссс.

Они прошли кухню, и Ян увидел, что обычно запертая на ключ дверь кладовки приоткрыта. Они заглянули внутрь. Дверь вела в узкий коридор с лестницей, которую Ян видел впервые в своей жизни.

– Внизу – подвал, – объяснял Лэсли. – Там стоит какая-то допотопная техника, половины назначения которой я даже не знаю, но вот наверх... если идти вверх по лестнице – по-

падешь в какой-то отдельный пристрой или флигель, но войти в него у меня не выходит, дверь наглухо закрыта. И, кстати, вся фишка в том, что если смотреть с улицы – этого флигеля просто нет! А, тем не менее, наверху – еще целый этаж!

– Как это так – еще этаж наверху? Дом-то одноэтажный, – Ян непонимающе глядел то на брата, то на лестницу.

– Одноэтажный? Э, брат! Как бы не так, – Лэсли показал на убегающие вверх ступеньки.

Ян впервые попал в эту часть дома. Они поднимались по широкой деревянной лестнице, судя по всему, какого-то старинного особняка, ступеньки тихо поскрипывали под каждым их шагом. Перила были толстые, лакированные, стены обиты ценными породами дерева, в нише лестничного пролета стояла бархатная банкетка с подушками, высоченные витражные окна эркером обрамляли нишу. И вообще, все это никак не увязывалось с тем обычным бабушкиным домом, к которому привык Ян. Все здесь было какое-то богато-торжественное, как будто из другой эпохи или из другого мира.

Поднявшись на второй этаж, они оказались в маленьком кабинете, в углу которого стоял огромный старинный кожаный диван с высокой спинкой, вместо окна в стену был встроены витраж с изображением парящего голубя, от чего на пол и письменный стол падали разноцветные лучи, в комнате царил полумрак.

– А теперь самое интересное... – сказал Лэсли.

Они прошли кабинет насквозь и открыли еще одну дверь, которая сливалась со стеной и не была заметна стороннему взгляду. За ней была то ли ниша, то ли самый маленький шкаф из всех, которые Ян когда-либо видел. В глубине шкафа, на противоположной стене, скрывалась еще одна дверь.

– Куда ведет эта дверь? – спросил Ян.

– Вот! Этого я и не знаю, брат... – сокрушенно вздохнул Лэсли, – как я над ней не бился год назад – все без толку.

Ян нажал ручку двери – та не поддавалась. Он присел и посмотрел в замочную скважину.

– Темно, ничего не видно. Может это еще одна кладовка или фальшивая дверь, а за ней стена?

– Говорю тебе, там что-то стоящее, не зря нам про это ничего не сказали, да еще и дверь замуровали так, что не открыть.

– Тут какая-то загадка... Не может быть, чтобы там глухая стена была, а похоже на то. Может, попробуешь еще раз?

Лэсли встал в открытом дверном проеме и вытянул вперед руку с кольцом. Минуту он стоял неподвижно с закрытыми глазами и сосредоточенно молчал. Ничего не происходило.

Вдруг они услышали шаги на лестнице и приглушенные голоса. Видимо родители пошли их искать и, не найдя в доме, увидели, что дверь в пристрой открыта.

– Ой, балбесы, – подумал Ян, – что бы нам стоило прикрыть дверь за собой!

Шаги приближались.

– ... Еще бы, я бы тоже пошел. Интересно же... – раздавались обрывки фраз Джона.

– ... может быть опасно, надо было их предупредить, что ... – услышали они голос Анны.

Недолго думая, ребята залезли в шкаф и прикрыли за собой дверь. Голоса смолкли. Так они сидели минуты три, ничего не происходило, и, казалось, родители давно ушли, не найдя их в кабинете. Во всяком случае, тишина была полная. Наконец, Лэсли решился приоткрыть дверь шкафа...

Яркий свет ударил им в глаза. Посидев несколько минут в темноте, они отвыкли от дневного света? Ерунда! Все это было странно, ведь освещение в кабинете еще совсем недавно было очень мягким, ведь витраж практически не пропускал света! А тут их глаза резануло, как если бы они вышли в солнечный полдень из кинотеатра.

– Здесь что-то не так, – растерянно пробормотал Лэсли, прикрывая глаза тыльной стороной ладони.

Они вылезли из шкафа и поняли, что попали-таки в ту, другую, закрытую половину дома!

– Куда это мы попали? – воскликнул Ян.

– Так вот как открывается эта дверка с сюрпризом! – восторгался Лэсли, – Знаешь, как в басне, «а ларчик просто открывался».

Они стали ходить по дому, открывая и закрывая двери в разные комнаты. В доме оказался и еще один этаж, но он

скорее напоминал мансарду под крышей, там было еще две маленькие комнатки.

Окна всех комнат странным образом выходили на одну и ту же сторону дома, а сами они были расположены так, что можно было проходить сквозь них, как через длинный коридор или состав поезда. Все комнаты были обставлены с большим вкусом. Везде было чисто, как если бы уборку делали только вчера. В вазах стояли свежие цветы, на туалетных столиках тикали изящные часики, которые почему-то показывали разное время.

Проходя по комнатам, они заметили, насколько разным было в них и освещение. Где-то солнце било в глаза, как в полдень, а где-то из окна лились мягкие розовые потоки, как на закате.

– Смотри, часы показывают разное время! – догадался Ян, – И вид из окна... Ты только посмотри!

И действительно, оказалось, что из всех окон открывается абсолютно разный вид, как будто комнаты находились в разных домах. Из одного окна был виден старый, заброшенный сад, в гамаке, казалось, кто-то сидел и читал газету. Из другого окна врывались в дом яркие краски буйно цветущих кустов сирени, вишен, слив и яблонь, ребята увидели девушку в белом платье и соломенной шляпке, она собирала весенние цветы. Из третьего окна открывался вид на заснеженные вершины гор, а из четвертого – на улицу, где сновали прохожие и гудели машины. Их внимание привлек один малень-

кий мальчик с деревянной лошадкой на палочке, он катал ее по асфальту и, судя по всему, заливисто смеялся, но волшебные окна не пропускали звук. Мальчик почему-то показался ребятам знакомым, как будто они уже видели его где-то, но забыли где.

Только пейзаж из окон мансарды, казалось, отвечал реальному положению вещей – ребята увидели свой собственный сад и бабушку с тяпкой на грядках картошки, но только пейзаж этот был перевернутый, вверх ногами. Они одновременно скосили шеи набок, для того чтобы нормально все рассмотреть. Ян стал стучать в окно и звать бабушку, но та, казалось, его не слышала.

Какая-то смутная тревога вдруг наполнила душу Яна, он посмотрел на брата и понял – тот чувствует то же самое.

– Мне кажется, нам пора возвращаться... Что-то не нравится мне этот «дом вверх дном», – сказал Лэсли, хорошее настроение у него явно куда-то улетучилось.

Ребята, не сговариваясь, бросились через комнаты бегом. Добежав до самой первой из комнат, которая граничила со странным шкафом и кабинетом, они толкнули дверь и остолбенели: никакого шкафа и никакого кабинета там не оказалось, вместо этого там было зеркальное продолжение «дома вверх дном», как будто кто-то поставил в дверной проем большое зеркало. Это было неожиданно.

– Упс, – Ян опустился прямо на пол. Лэсли тоже присел на корточки и обнял его за плечи.

– Ничего, братишка, не кисни, мы обязательно найдем выход. В конце концов, здесь чисто, значит, кто-то приходит сюда убирать. Часы опять же заводить надо...

– Ты видел эти комнаты? откуда они вообще взялись? У меня такое чувство, что они все не только из разных мест, но и из разного времени!

– Пожалуй ты прав, – сказал Лэсли, – это скорее похоже на чьи-то воспоминания, а не на реальные вещи. Разное время на часах, опять же. И окна не открываются, как будто это не окна, а какие-то проекции... точно! Я понял, это же бабушкины воспоминания! – догадался он, – Да-да-да, я припоминаю: она же мне рассказывала, как наша тетка любила собирать в саду цветы, когда была маленькой, а этот мальчик с лошадкой – это же наш папа! То-то он показался мне знакомым...

– Как мы отсюда теперь выберемся? Да и кто сюда приходит? Бабушка?

– Не знаю. Знаю только, что паниковать нельзя в любом случае. Пойдем, сходим в эту часть дома. Может, там что-то другому?

Они вошли в «зеркальную» половину дома и снова прошли его от начала до мансарды, и снова все оказалось так же, как и в предыдущий раз. Только, заглянув в последнее окно, Лэсли ободряюще похлопал Яна по спине.

– Гляди, бабушка с тяткой продвинулась всего на треть грядки! Это значит, что хотя бы время здесь идет нормально!

– Успокоил, – Ян стоял, склонив голову на бок, и смотрел на бабушку.

– Ну а что, ты бы предпочёл, чтобы секунда здесь – 10 лет там? Сильно сомневаюсь, братишка.

Прошло часа два, как им казалось. Во всяком случае, бабушка Лиза закончила свои дела в огороде и ушла в дом. Захотелось пить и есть. К счастью, хоть туалеты в этом странном доме имелись. Или они появились тут только сейчас, когда в них возникла необходимость? В любом случае, туда тоже решили идти вместе, мало ли что, на всякий случай.

Туалет был, как парадная зала: огромный, с высоченными потолками, нарядный, в белоснежном кафеле и с огромными окнами, в которые было вставлено мутное, молочного цвета непрозрачное стекло. В центре стояла огромная ванная с позолоченным краном, деревянная вешалка с висящими на ней халатами и полотенцами, на мягком ковре стояли белые тапочки...

– Ничего себе, богатства какие, белые тапочки! – пошутил Лэсли, – да в этом доме сортир больше нашей с тобой комнаты, Янчик!

Он припал губами к позолоченному крану и жаднопил воду.

– Хорошо хоть вода льется настоящая, а то как бы мы... – Ян не договорил, глаза у него расширились, все лицо как будто онемело, слова застряли в горле. Вместо них он вытянул руку и показал в сторону окна. Там, на подоконнике,

сидело нечто бесформенное, напоминающее толи невероятных размеров сову, толи гигантского кота. Это нечто сидело против света и казалось каким-то бесформенным пятном в обрамлении золотящихся на свету шерстинок, поэтому они его не сразу заметили. Существо сидело к ним спиной и, казалось, его совершенно не волновало присутствие людей.

Глава 13. Мир Теней.

Минуту-другую ребята стояли, боясь пошевелиться, даже дышать старались через раз, чтобы ненароком не побеспокоить это странное существо. Вдруг у Яна невыносимо зашвербело в носу, и он неожиданно и очень громко чихнул. Он зажал себе рот и застыл от ужаса. Существо стало раскачиваться с боку на бок, а затем неуклюже повернулось на скрытых под длинной шерстью лапах. Оно, казалось, не было удивлено присутствием людей и продолжило смотреть на ребят круглыми янтарными глазами.

Первым заговорил Лэсли.

– Добрый день, мы заблудились в доме, мы приехали к бабушке Лизе, мы ее внуки.

Существо моргнуло и вновь уставилось на них стеклянным взглядом.

– Вы не могли бы нам помочь, найти выход? – Ян почувствовал, как от волнения у него пересохло в горле, язык заплетался и не слушался.

Существо наклонило голову набок, повело носом и два

раза медленно втянуло воздух, обнюхивая ребят.

– Он нас рассматривает, – шепнул Лэсли.

– И обнюхивает, – добавил Ян.

Затем оно издало какой-то удовлетворенный утробный звук, выражающий, судя по всему, одобрение, и прыгнуло с подоконника. Перебирая неуклюжими лапами, оно пошло к двери. Ребята последовали за ним.

Огромный, почти с добрый метр высотой странный обитатель дома шел, казалось, не замечая ребят. Он немного помедлил, прежде чем свернуть за угол, видимо, поджидая своих гостей, а затем вышел на лестничный пролет. Спустившись вниз, он подошел к запертой двери сбоку от лестницы, которую ребята не заметили ранее, а может быть, ее и не было вовсе?

Существо порылось в карманах, во всяком случае, именно так это выглядело, и вытащило небольшой ключ. По-прежнему, не говоря ни слова, оно вставило ключ в замочную скважину и повернуло его. Дверь поддалась и открылась.

– Это выход? – спросил Ян, – мы попадем на улицу?

– Послушай, Янчик, я бы не ходил туда... – Лэсли явно беспокоился. – Нет, спасибо, нам не надо на улицу, нам надо в другую часть дома, Вы понимаете? К бабушке Лизе!

Существо наклонило голову, хитро посмотрело на Лэсли и произнесло, не размыкая губ, его же голосом: «Понимаете? К Лизе!», – и на его морде появилось что-то наподобие улыбки.

– Ян... Не стоит нам туда ходить...

Но огромный Кот уже протягивал лапу в сторону двери: «Понимаете? К Лизе! Понимаете?» – повторил он голосом Лэсли и опять улыбнулся.

– Но нам надо, – Ян, сам не понимая почему, поклонился большому Коту и пошел к двери. Лэсли простонал и пошел за ним. Кот вышел следом и закрыл дверь на ключ, который тут же исчез в глубине его кармана.

Они вышли на широкий проспект с оживленным движением. Ян оглянулся на дом – это был великолепный старинный особняк, наподобие французских отелей эпохи Людовика XIV. Они стояли на посыпанной гравием дорожке посреди зеленого сквера, перед ними гудели и сновали машины. Кот стоял рядом и улыбался.

– Как любезно с вашей стороны, что вы решили проводить нас. Спасибо вам большое, – Ян еще раз поклонился в знак благодарности, Кот тоже ответил поклоном и зашагал вдоль шоссе. Ребята пошли за ним следом.

Удивительный город, в котором они оказались, совсем не был похож на бабушкину деревню. Дома здесь были большие, каменные, они скорее напоминали отели или особняки 400-летней давности, вокруг домов были разбиты сады.

– Смотри, Ян! – Лэсли указал рукой на противоположную сторону улицы. По ней двигалось нечто, похожее на плотное тёмно-серое облако, по форме напоминающее мужчину во фраке и цилиндре, в руках у него был зонтик тросточкой.

Невозможно было разглядеть ни лица, ни глаз человека. Он скорее напоминал тень и прогуливался по улице, не замечая уставившихся на него пришельцев.

– Что это, Лэсли? Кто это? Тень какая-то...

– Да, так и есть... смотри, тут кругом одни только тени, людей нет вообще, одни тени без тел ходят, словно плывут по воздуху... Мы с тобой в какой-то параллельный мир попали, братишка! – с восторгом прошептал Лэсли, – Вот, это я понимаю, приключение!

Город действительно был очень странный. Даже в машинах, мчащихся по шоссе за рулем сидели тени. Тени гуляли, сидели на лавочках, читали газеты, тени-мамочки катили коляски, тени-дети играли в мяч, прыгали, резвились или просто носились по аллеям парка, мимо которого вел их Кот. Наконец, они подошли к пустой автобусной остановке и сели на лавочку, болтая ногами. Кот тоже сел и уставился перед собой немигающим взглядом.

Кот опять порылся в карманах и извлек оттуда несколько карамелек. Ян и Лэсли приняли конфеты с благодарностью, еще бы, с бабушкиных блинов прошло уже довольно-таки много времени, и они жутко проголодались. Конфеты были странные, кисло-сладкие на вкус, но съев их, ребята поняли, что сыты, и удивились, что не испытывают ни голода, ни жажды.

Кот поднял руки над головой и резко опустил их, издав звучное: «МЯОУ!». Казалось, от этого странного звука по-

летела во все стороны звуковая волна. В тот же миг из-за поворота, слегка заваливаясь на один бок, на огромной скорости выплыл ярко-оранжевый автобус без водителя, точнее сказать даже без водительской кабины, зато с глазами вместо фар. Автобус резко затормозил. Двери перед ними открылись, и автобус скосил на пассажиров свои глаза, приглашая их войти внутрь. Они вошли и удобно расположились на заднем сидении. Тут же автобус рванул с бешеной скоростью, их даже вдавило в спинки сидения. Их мерно качало, как на волнах, а мимо проплывали городские пейзажи, вскоре их сменили поля и наконец, они въехали в густой лес. Ян мог поклясться, что автобус едет, не разбирая дороги, по какой-то ему одному понятной колее, а деревья сами собой расступаются, чтобы пропустить его.

И вдруг на горизонте показался новый город с уходящими ввысь остроконечными шпилями теряющихся в небесах домов. Заворожено смотрели ребята на этот таинственный город, в котором буквально все выглядело, как в фантастическом фильме: оживленное движение 10-типолосных магистралей, бесконечные развязки и небоскребы, подпирающие небо.

– Слушай, там-таки действительно была деревня! Ты только посмотри на эти небоскребы, Ян! Это какой-то удивительный мегаполис из параллельного мира! – сказал Лэсли.

Автобус выехал на круглую площадь и подъехал к ослепи-

тельно сверкавшему зданию вокзала с причудливыми зубцами башен. Все трое вышли из автобуса и тот умчался прочь.

Слегка подпрыгивая на толстых лапах Кот вошел в здание, и ребята поняли, что это действительно какой-то диковинный вокзал. Вверх и вниз бежали эскалаторы, разноцветными огнями светились, судя по всему, стойки регистрации, подписанные на непонятном языке, по-прежнему не было видно ни одной живой души – только тени. Они спустились в какой-то переход и вышли на платформу, к которой вело несколько тоннелей разной формы и вида: один был закручен по спирали и, казалось, вгрызлся в землю, он светился фиолетовым; другой уходил вверх, третий – вниз, был еще и треугольный тоннель с мерцающими и убегающими вглубь манящими огоньками...

Поезда, приходящие из этих тоннелей, тоже были разные. Из спиралевидного тоннеля примчался крохотный поезд красного цвета с малюсенькими круглыми вагончиками. Дверцы его открылись, и из его недр вырвались на волю маленькие галдящие букашки. Они промчались мимо ребят верещащей толпой и скрылись в глубине переходов.

Из треугольного тоннеля приехал серебристый поезд-стрела, в нем не было ни единой двери, тени входили и выходили из поезда прямо сквозь стены.

– Интересно, какого нам надо ждать поезда, и как мы его узнаем? – Ян переминался с ноги на ногу, его утомила поездка на автобусе, и хоть от всего увиденного глаза вылезали

из орбит, ему не терпелось поскорее очутиться дома.

Вдруг на одном из семафоров загорелся зеленый свет. Кот повернулся спиной к краю платформы, зашипел и оцетинился, а затем широко разинул гигантскую пасть и опять издал этот странный звук: «МЯОУ!». Звук в этот раз не был слышен, но Ян и Лэсли почувствовали его. У ребят зазвенело в ушах и загудело в голове.

Стена, на которую смотрел Кот, стала исчезать, а в открывшемся круглом проёме стал виден какой-то новый тоннель. Из него потянуло холодом, и ребята отчетливо услышали звук стучащих металлических колёс. Мимо них, сбавляя скорость на повороте, катил голубой состав самого обычного городского метро. Ян и Лэсли подбежали к растворившейся стене.

– Этот наш! Он точно наш! Метро! Ура!!!

Но поезд и не собирался останавливаться, он сбавил скорость и медленно входил в поворот. В его окнах виднелись люди, живые люди! Они сидели, не поднимая глаз, каждый был занят собственными мыслями, в окна, конечно, никто и не смотрел, да и что можно увидеть в черном тоннеле метро – темноту?

– Как же попасть в этот поезд? – спросил Ян у Кота.

И вот мимо них проплыл вагон, в котором, казалось, было меньше всего людей, и тут... Они не поняли, как это произошло, но почувствовали толчок в спину, шагнули вперед и, пройдя сквозь стену вагона, оказались внутри. Ян успел

обернуться и заметить, как огромный Кот улыбается и машет им лапой, а потом провал в стене исчез, как и сам Кот.

Глава 14. То-То.

Ян осмотрелся, Лэсли уже подошел к табличке на стене вагона и деловито читал карту метро.

– Мы в Свиттоне! Ого!

– А на какой станции нам выходить?

– Я был когда-то в Свиттоне на экскурсии с ребятами из школы, где работает бабуля. Там был городской автовокзал, именно оттуда мы уезжали в нашу деревню. Надо узнать какая это станция. Выйдем, сядем на автобус и доедем до дома.

Они подошли к пожилой женщине в фиолетовой кофте.

– Простите, вы не подскажете, на какой станции автовокзал?

– «Центральная», ребятки.

– Спасибо...

– Сколько там осталось до «Центральной»?

И вдруг они услышали механический голос из динамика вагона: «Внимание, говорит машинист поезда, мальчики Ян и Лэсли, ваши родители ждут вас на станции «Центральная», повторяю, мальчики Ян и Лэсли, ваши родители ждут вас на станции «Центральная».

– Ничего себе... – Ян не поверил своим ушам.

– Ох, и влетит же нам, – Лэсли глубоко вздохнул и почесал затылок.

Поезд неспешно подходил к станции. На платформе они увидели своих родителей.

– Ой, смотри, Лэсли! Это Мама! – Ян выбежал из поезда и бросился на шею Анне, никогда в жизни он еще не был так рад встрече.

Анна выглядела сурово. Неумолимая складка легла меж бровей. Глаза смотрели напряженно и строго. До машины она не проронила ни слова. Но вот уже Джон заводит старый бабушкин пикап, и они едут домой.

– Мы сразу поехали в Свиттон, как только поняли, что вы попали в бабушкины воспоминания, – сказал он, – Хорошо, что хоть пробок не было, и мы успели вас перехватить! – сказал Джон.

– Заставили вы нас поволноваться, ребятки! Ну, что за глупость была лезть туда, о чем вы понятия не имеете, – отчитывала детей Анна.

Когда она волновалась, то незаметно для себя начинала говорить строгим голосом. Как учительница в школе.

– Аня, Аня, не волнуйся, дорогая, – улыбался Джон, – Я же тебе говорил, что То-То проводит ребят на вокзал. Мы и помчались на «Центральную», встречать, а мама смотрела на все поезда, проходящие мимо, к нам даже полицейский подходил, такой у нас был растерянный вид. Мы объяснили, что ждем детей, что они не знают станции. Он даже любезно предложил дать оповещение по всем поездам.

– Мы слышали объявление! Это вы здорово придумали,

мам! – сказал Ян.

– Еще б не здорово, мамочка – талант, – Джон улыбнулся, глядя в зеркало заднего вида на своих мальчишек, затем взглянул на Анну и подмигнул ей, как будто хотел сказать: «Успокойся, все хорошо!»

– Папа, а То-То – это кто? Он такой забавный и милый, – Ян вспомнил улыбку гигантского Кота.

– Это, дружок, дух-хранитель бабушкиных воспоминаний. Она создала весь этот дом, все эти комнаты, чтобы в уединении наслаждаться теми моментами, которые были наиболее значимы в ее жизни, и поселила туда То-То. Ведь он так похож на героя какой-то книги из ее детства. Был такой персонаж в японском фольклоре, ей он очень нравился.

– А что это за книга?

– Сейчас уже не вспомню, надо будет у бабули спросить...

– Жаль, что у нас нет этой книжки...

– Но ведь всегда можно поискать по городским библиотекам.

Непринужденная беседа, как будто ничего серьезного не произошло, накалила и без того взвинченные нервы Анны. Как могут они так спокойно разговаривать о каких-то книжках, когда буквально час назад она места себе не находила от волнения.

– И все-таки, Джон! Ты думаешь, что ничего страшного не произошло, но... мир теней – это не прогулка в саду! – сказала она.

– Так это был мир теней? Ха, я так и думал! – Лэсли даже присвистнул от восторга.

Много раз он слышал об этом мире от отца, ведь по большей части вся его работа – работа дозорного лиса – была сосредоточена именно на пришельцах из мира теней. Только лисы были достаточно хитры и имели тонкий нюх, чтобы обнаружить и выследить зловещие тени, только лисы могли обмануть тень и заставить ее убраться из мира людей навсегда.

Лэсли не первый год нес свою службу в рядах сэнмиров, но ему еще ни разу в жизни не доводилось встречаться лицом к лицу с тенью.

– Да, вы попали в особенный мир, причем в один из самых враждебных человечеству миров, – уже серьезно сказал Джон.

– А почему? – удивился Ян.

– Давай по порядку. Каждый раз, когда рождается на Земле человек, в мире теней рождается его тень, по сути, его темная сторона. Чем больше негатива испытывает земной человек, тем сильнее, злее и коварнее его двойник в параллельном мире. Чем более радостной жизнью живет житель Земли, тем спокойнее и легче его тень. Такая тень даже может вести достаточно умиротворенное существование, в каком-то смысле даже обрести покой и гармонию...

– Но чем же они опасны? – Ян не понимал.

– Тени – это средоточие всего самого мерзкого, ужасного и отвратительного, что есть в людях, их темная сторона.

Пусть даже сам человек себе в этом не признается и не хочет видеть свою тёмную сущность, от этого она не делается лучше.

– Не каждый злодей признается сам себе в том, что он злодей. А иногда мы и вовсе не осознаем, что сделали что-то нехорошее, и замечаем свои плохие поступки только по их последствиям, – добавила Анна. – Но в отличие от теней мы способны осознать это.

– Да, – сказал Джон. – В этом нам помогает совесть. Но у теней нет совести, нет ни чести, ни морали. Они не умеют любить или сочувствовать. Им всего мало и они всегда голодны, они, как хищники, всегда ищут – ищут способы получить дополнительную пищу, а что может быть в этом отношении лучше для них, чем энергия негативных эмоций из мира людей? Пробраться к нам, чтобы питаться человеческим страхом, болью, гневом – да для них это как торт с мороженым. Вот почему мы и ведем с ними борьбу, ведь они разжигают войны, провоцируют людей на подлости, на обман и даже на убийства. Это многовековая война, ребятки... и мама права. Тени могут быть опасны.

– Но зачем тогда бабушке выход в мир теней из своего дома? – удивился Лэсли.

– Я предупреждал бабушку, – нахмурившись, ответил Джон, – она слишком легко использует аномальную зону для своих нужд. Но дорога в воспоминания – это билет в один конец, особенно для одинокого пожилого человека. Если жить

в воспоминаниях, то даже не заметишь, как сам станешь тусклой тенью. Вот почему ей каждый раз приходится возвращаться через мир теней. Это как напоминание о том, что можно потерять себя, если уйти в иллюзорный мир прошлого. Поэтому бабушке и нужен То-То – надежный проводник, он создан из самых позитивных детских воспоминаний бабы-Лизы. В мире теней, в мире отрицательных эмоций, ему ничто не угрожает. Он как луч света в темном царстве, радость жизни в чистом виде. Никакая меланхолия и депрессия к нему не прилипнут, никакое зло его не одолеет.

– Хорошо еще вы догадались послушаться То-То, а не сбежали погулять, с вас ведь станется! Если вы не будете думать головой, попадете в большие неприятности! – сказала Анна.

– Мы будем, обещаем, будем, – уверил ее Лэсли.

– Да-да! – подхватил Ян, – Обязательно. Вот увидишь, мы больше никуда не полезем.

– Тем более и в саду нам найдется, чем заняться, надо же поупражняться, мы будем тренироваться дома или в лесу...

– Лучше в лесу, – Анна позволила им увести разговор в другую плоскость. Она не могла долго сердиться на своих детей.

– Ну да, в лесу, там, у пруда есть отличная полянка, там вообще никогда никого не бывает, да и если кто появится – подумаешь, лису увидят, сказал Лэсли.

– Ребята, но мама все-таки права, будьте осторожны. И дело не в том, что вас кто-то заметит. Люди, вообще, склон-

ны сами себе объяснить с точки зрения логики даже самые немислимые вещи. Так что об этом можно не волноваться.

Вот, например, в прошлом году произошел «разлив тумана» – это когда какой-то из параллельных миров случайно вливается в наш через какую-то прореху, часто ведь бывает: то тут, то там рвется... Особенно здесь – все очень тонко. Так вот, тогда «разлив» был высоко в небе, из другого мира к нам влетел серебряный шар. Он завис на расстоянии 5 километров от земли и висел там несколько часов, пока мы не приняли меры и не залатали дыру.

Так вот, его видели, по крайней мере, человек триста! И что же? Кто-то решил, что это шаровая молния, кто-то убедил себя, что это зонд для изучения погоды или НЛО – мы ж в аномальной зоне. Но суть в том, что ровно через час-полтора все и думать про это забыли. Может быть, когда-то они будут рассказывать друг другу, что видели летающие тарелочки. Но кто в это поверит? Поэтому, даже если люди и увидят вас – они нафантазируют себе тысячу причин, почему это могло быть правдой. Лиса в городе – эка невидаль... подумаешь.

– То есть вы не стираете людям память? – Ян где-то видел это, в каком-то фильме...

– О чем ты? – засмеялся Джон, – Ни в коем случае! Главная наша политика – невмешательство. Да нам и не нужно стирать людям память, так как люди сами находят всему рациональное объяснение. Все, что мы делаем – основано на

законах природы, пусть еще и не известных человечеству. Пока не известных. А раз оно существует в природе – то может быть логически обосновано. Что, собственно говоря, люди и делают, чтобы у них мозг не взорвался.

Ян подумал про шпартгалку-гусеницу. Что бы было, если бы кто-то ее увидел? Наверное, решили бы, что он тянет ее за ниточку, или, что это просто наэлектризованная бумажка. Джон был прав, что бы ни происходило, даже самое невероятное, человек всегда найдет этому рациональное объяснение.

– Еще хочу предупредить, чего стоит опасаться, ребята, – продолжал Джон, – это не только тени, но и другие злобные сущности из других миров, которых полно в аномальной зоне, и они могут быть опасны. Не все они добродушные коты на толстых лапах. Так что будьте осторожны во время ваших тренировок.

– Да, кстати, ты прав, – сказал Лэсли, – там был очень интересный вокзал и, я так понял, разные поезда, и из них выходили разные сущности, они все обитатели мира теней?

– Не совсем, – сказал Джон, – мир теней – это только тени. Но, как это всегда и бывает, темная сторона очень привлекательна и тени давно научились сотрудничать с сущностями из других миров, с теми, кто может стать им полезным. В любом случае – вы должны всегда быть начеку.

– Там были такие букашечки, – вспомнил Ян.

– Это шмыкадявки, – улыбнулся Джон, – самые безобид-

ные из всех, они занимаются тем, что путают мысли. Вам повезло, что вы не встретили демогоргенов... это адские зверюги....

– Вот поэтому я и волновалась, Джон, – сказала Анна.

– Милая, с То-То они были в полной безопасности, – убедил ее Джон, – и вообще, пока человек в позитиве, ему ничего не страшно. Надо жить, наслаждаясь жизнью, радуясь каждому мгновению, надо жить в благодарности за все, что с тобой происходит, и тогда все у тебя будет хорошо, ни одна болезнь не возьмет тебя, ни один демон не одолеет...

Весь остаток пути только и разговоров было, что о сущностях из других миров. Чем они опасны, как питаются, какими энергиями и эмоциями. Ян слушал затаив дыхание, кто знает, с чем придется ему столкнуться в будущем, когда он станет дозорным лисом. Ведь ему придется ходить в разведку, искать аномалии в мире людей, проверять, не проникли ли на Землю сущности из других миров и измерений, и кто знает, быть может ему предстоит раскрыть зловещий заговор теней...

Глава 15. Лисенок Ян.

Через две недели родители уехали, а Ян и Лэсли остались на попечение бабушки Лизы. Для Яна начались самые интересные дни. Бабушки почти никогда не было дома. Она возилась в огороде, ходила на работу в школу, где следила за тем, как проходят отработку ее ученики: все ли подоконни-

ки и стулья покрашены и все ли окна вымыты. Наспех позавтракав молоком и хлебом, Ян с Лэсли убежали в лес, где старший брат учил его трансформации.

К лесу вела извилистая тропинка с торчащими ото всюду корнями сосен. Она вилась над высоким обрывом, внизу которого блестело голубое озеро. Иногда они, цепляясь за корни, спускались вниз и плавали в прозрачной, как кристалл, воде.

Лес летом источал тот прекрасный аромат свежести, который сочетает в себе запах хвои, нагретой на солнце сосновой смолы и нежных побегов крапивы и малины. Забираясь в лесные дебри, они находили спелые ягоды и тогда их рот и щеки становились ярко-красными от ягодного сока. Тренировки проходили на светлой полянке, обрамленной янтарными стволами.

– Вот смотри, когда ты лиса, ты можешь слышать и видеть все в двух измерениях сразу. При этом у тебя появляются сверхспособности, прям как у супермэна, – учил Лэсли, – Самое главное – ты можешь видеть сущности, забравшиеся в наш мир, но не только видеть, чувствовать!

– По запаху что ли? И чем они пахнут?

– Нет, не по запаху, хотя и это бывает. Самое главное – прислушиваться к ощущениям в теле. Где-то воздух плотнее обычного, где-то статическое электричество такое сильное, что шерсть встает дыбом, или в лапах покалывает начинается. Важно замечать все необычное. Это полезно для разведки,

ведь мы – дозорные лисы, не забывай. Искать аномалии – наша работа. Где что-то не так, там точно есть след какой-то сущности. А они могут быть очень злобными. Кто знает, может они вынашивают планы мирового господства. Ну, ладно, хватит болтать, давай лучше тренироваться...

И они тренировались. Лэсли лишь удивлялся, насколько хорошо у Яна все получается.

– У тебя явно способности выше среднего, – хвалил он своего ученика.

К концу лета во всей бабушкиной деревне не осталось ни одного необследованного уголка. Они посетили все близлежащие курятники, распугав до икоты пестрых несушек, залезли во все норы в лесу, обошли дозором все окрестности. Ян чувствовал себя уверенно. Ему доставляли огромное удовольствие новые ощущения в теле: его скорость, сила и энергия.

Он без устали выслеживал в лесу зайцев и мышей, шел по их следу часами, пока не достигал добычу, которая дико пугалась, но потом непонимающе убегала. Ведь Ян, конечно же, не съел ни одной мышки.

Помимо трансформаций Лэсли учил его древнему искусству поединка.

– Сам я пока еще мало что умею, но уж чему смогу, научу тебя. Это искусство перешло к нам из Японии около 400 лет назад. Синкагерю – закрытая школа самураев. О ней мало кто слышал. Ты знаешь, кто такие самураи?

– Конечно, японские рыцари.

– Это не просто рыцари, они возвели свое мастерство в искусство. Фехтование на самурайских мечах – это как каллиграфия, никогда нельзя сказать, что ты овладел мастерством полностью, всегда есть к чему стремиться. И как в каллиграфии здесь важно состояние духа воина – состояние покоя, незамутненной воды, спокойной как мельничный пруд. Сосредоточенность и спокойствие в самой ожесточенной схватке – вот дух самурая. Я дам тебе книгу «Путь воина», прочитай ее. Она поможет. Важно не просто научиться размахивать мечом, важно понять Путь.

– А зачем это нужно, если есть пистолеты и пулемёты? – спросил Ян.

– Затем, что это древнее искусство, которое обязан постичь сенмир. Затем, что это сила воли, дисциплина, ответственность, сила духа, выносливость, самоотдача, да много чего еще. Это воспитание внутренних качеств в себе. Это Путь, на который ты становишься, начиная свой дозор. Это готовность отдать свою жизнь, если это потребуется. Путь воина – Путь смерти. Надо принять это. Все мы смертны и все мы служим высшей цели. Прочитай книгу. Ты все поймешь. «Валлар Моргулис», – помнишь «Песнь льда и пламени»?

– Хорошо. Но что-то как-то не хочется мне на Путь смерти, – сказал Ян.

Лэсли рассмеялся.

– Никто и не собирается умирать. Это философия. А сейчас давай подберем тебе тренировочный меч, – и с этими словами Лэсли достал из воздуха обернутую в красный кожаный чехол палку и отдал ее Яну. Себе он взял такую же, только коричневую.

– Что это? – спросил Ян.

– Это, Братец Лис, бамбуковая палка. Конец ее расщеплен примерно на половину, а чтобы щепочки не летели во время ударов, ее обернули в кожаный чехол.

– А я думал, мы будем на мечах драться, – разочарованно сказал Ян.

– До этого еще очень далеко, мой юный падаван, – улыбнулся Лэсли.

– Ты что же себя возомнил Мастером Йодой? – засмеялся Ян.

– Да, юный Скайвокер, защищайся, – и Лэсли нанес Яну хлесткий удар по ногам.

– Ауч, – закричал Ян.

Тренировки с каждым днем становились все сложнее. Лэсли не просто учил отражать удары, он учил тому состоянию, при котором твой дух настолько спокоен, что ты можешь заранее видеть намерения противника и отражать удар уверенно и чётко. Ян понял, что самое главное – это вовсе не быстрота реакции, не напряжение и суета, а покой, состояние духа, близкое к медитации, при котором ты начинаешь видеть все, как в замедленной съемке, и тебе уже ничего не

стоит отразить удар и провести контратаку. Лэсли научил его двигаться, научил работать центром силы, и когда Ян при очередной атаке отскочил от него, как теннисный мячик отскакивает от стены, он сказал:

– Больше мне учить тебя нечему, Ян, дальше уже тебе будет нужен новый учитель и новый меч, – с этими словами он извлек из пространства учебный меч светлого дерева, оточенный по углам настоящего боевого меча, – Это дерево вымачивали в специальном составе, эта, казалось бы, палка крепче железа и выдерживает любые удары. Разрубить ею ничего нельзя, конечно, но и сломать ее невозможно. Владей!

Ян продолжал тренировки с Лэсли уже на деревянных мечах, но теперь он и сам чувствовал, что их силы равны. Лэсли пристально следил за его успехами, и как-то раз ему пришла в голову одна идея... тем более, что приближался день рождения брата, и он очень хотел сделать для него что-нибудь особенное.

Вечером, когда они уже ложились спать, Лэсли подошел к кровати Яна и, прищурившись, как будто задумал какую-то хитрость, тихим голосом сказал:

– Август, однако. Через 2 дня будет твой день рождения, Янчик, и я приготовил тебе сюрприз!

– И хочешь рассказать об этом сейчас, чтобы испортить мне все удовольствие? – Ян сонно зевнул, стараясь не выдать овладевшее им любопытство.

– Какой ты, нет, конечно, я не хочу портить тебе удовольствие, но к сюрпризу надо подготовиться, иначе ничего не выйдет.

– Ну, хорошо, что за сюрприз?

– Я предлагаю тебе взять старый бабушкин пикап и доехать до озер, там мы переночуем, сядем в лодку, я уже договорился с проводником, и переплывем на другой берег. Догадываешься, куда я тебя поведу?

– В горы?

– Ясное дело, вопрос на какую гору именно?

– Неужели на Иглу?

– Угумс... На Муруджу! Возьмем палатку, еще одна ночевка на берегу, потом начнем восхождение. Провожатый вернется за нами через 2 дня. Твой день рождения мы отметим на Игле!

– Здорово! Лэсли, ты лучший брат в мире! – его глаза горели ярче тысячи огней. Он пойдет в настоящий поход с братом! Впервые в жизни Лэсли берет его на серьезное дело!

– Так-то, смотри, почаще говори мне об этом! Я уже подготовил все что нужно. Спальники и провизию возьмем у бабушки, она сохранила походный инвентарь еще со времен молодости папы и мамы, там есть все необходимое.

– А что забудем – всегда можно наколдовать, да ведь? Котелки, палатку, в общем, все, что понадобится.

– В целом, ты уловил ход моих мыслей. Но я не хотел бы брать очки в поход... не по-настоящему это как-то, да и мало

ли, что случится, а трудности, мы же их не боимся, так ведь?

– Ну, если так, то я рад, что ты уже ходил в поход и знаешь, что к чему.

– Еще бы, сколько раз уже ходил. И в горы ходил... в прошлом году вдвоем с Раяном... Помнишь?

– Это когда вас две недели не было?

– Именно! Со мной не пропадешь. Я свое дело знаю.

– Вы же чуть не погибли тогда...

– Не так. Мы выжили. И именно благодаря моим знаниям и способностям. Хотя должны были тысячу раз погибнуть.

– А родители... Ты им сказал?

– Нет, конечно, они ни за что не отпустили бы, тем более на Иглу. И бабуле тоже предлагаю не говорить заранее. Напишем с утра записку и все. Ян! Это Игла! Неужели тебе не интересно?

– Безумно интересно!

– Ну, что, тогда решено?

– Спрашиваешь!

– Ну, тогда ложись спать. Нам рано вставать завтра...

Лэсли потрепал брата по волосам цвета спелой пшеницы и погасил свет. Но Ян не мог заснуть. Шутка ли, идти в поход на Иглу! Пожалуй, во всей своей жизни он еще не совершал ничего более безрассудного и опасного. Это покруче всех превращений – эпицентр аномальной зоны. Тревожное предчувствие сжимало сердце, но что это такое, в конце концов? Он что, испугался? Ну, уж нет! Он смотрел в окно,

сквозь тюлевые занавески. Яркие звезды блистали в небесах, черных как сажа. Значит, будет хорошая погода. С этой мыслью он, наконец, погрузился в беспокойный сон.

Глава 16. Поход.

Проснувшись еще до рассвета, они позавтракали, погрузили вещи в старый, выдавший виды пикап, наспех нацарапали бабушке записку, чтоб не волновалась, и поехали. Грунтовая дорога петляя, убегала вдаль, из-под колес вырывались камни, за машиной стоял столб пыли. Спустя час или два Лэсли припарковал машину в тени деревьев. Они вышли, и Ян уловил журчание воды. Они добрались до реки. Солнце уже поднялось, осветив ее крутые берега и быстрины вод.

– Дальше пешком, – скомандовал Лэсли.

Бросив машину на обочине, они нырнули в изумрудную глубину леса и скоро нашли едва приметную, ничем не обозначенную тропу среди ковров мягкого мха.

Сперва они поднимались круто вверх, с тяжелыми рюкзаками за плечами это было нелегко, потом шли с небольшим набором высоты вдоль оврага, со дна которого гремел ревущий поток. Через какое-то время тропа вывела их к реке, лес отступил, и они попали на открытое прогретое ярким солнцем место, а тропа все продолжала петлять в высокой траве.

Ян любовался красотой девственного леса. Изумительный воздух этого места пьянил, щебетание пташек в ветвях деревьев успокаивала и расслабляла, хотелось сделать привал и

насладиться настоящим лесом, первозданной природой, такой, какой она была и тысячу, и две тысячи лет назад. Но надо было двигаться вперед. Он подпернул лямки рюкзака и бодро зашагал за старшим братом.

Через 3 часа вышли на точку, где начинался подъем к озерам. Было решено сделать привал. На небольшом костерке жарили сосиски и хлеб, закусывая бабушкиными помидорами, синим луком и кинзой, позавтракали. Чай кипел в котелке, а ребята грызли сухари. Убрав место стоянки, они заторопились. Предстоял еще подъем через перевал до Голубого озера. Надо было успеть до темноты. Стадо туров мирно паслось неподалеку, а солнце уже начало клониться к закату...

И вот с перевала открылась долина Голубого озера. Горы в вечных снегах, подпирающие небо, синяя гладь воды, – все это было невероятно красиво. В траве мелькали нежные цветы: белые, желтые, фиолетовые. За озером неприступной стеной стояли горы, над ними возвышался искрящийся в закатном солнце ледник.

– Волшебное место, – изумился Ян. – Спасибо тебе, Лэсли!

– Всегда пожалуйста, братец! А вот и место для палатки! О! И нас уже ждут!

Они спустились к отлогому берегу. У воды горел костер, а рядом с ним сидел человек с поварешкой в руке. В его котелке что-то весело булькало. До ребят донесся изумительный аромат ухи.

– Это мы удачно зашли! Привет Карл! Как погода? Какие прогнозы?

– Самые благоприятные, садитесь к огню, суп уже готов, – ответил тот, кого называли Карлом. Ян и Лэсли не заставили себя просить дважды.

– Мммм... Карл, суп, как в санатории, каждый калорий на своем месте!

– Ешьте, ешьте, вам силы еще нужны будут.

Суп был восхитителен. Карл наловил форели в Голубом озере, пока дожидался Яна и Лэсли, и теперь, разливая суп по мискам, рассказывал все местные новости: за это лето на Муруджу не произошло никаких аномальных явлений, ну если не считать странного волнения Черного озера, когда волны шли против ветра, а также свечения воды по ночам.

– Но это все уже настолько привычно, что мы даже не обращаем на это внимания, – сказал он.

Пообедав и поставив палатку, устроились на ночлег. Палатка была хоть и старенькая, но надежная. Лэсли здорово управился с ней. Так ловко, что Ян подумал, что недостаточно хорошо знает своего брата, который, судя по всему, был специалист в походных делах высшего разряда.

Ян никогда еще не ночевал в горах. Воздух был прохладен и свеж. Огромные звезды нависали над самой головой. Вдали от костра было зябко, и Яну пришлось утеплиться на ночь. Он долго не мог заснуть. Какое-то смутное беспокойство овладело им. В темноте палатки было слышно мерное

дыхание брата.

– Лэсли, скажи, а зачем мы идем на Иглу? – шепотом спросил он, ему казалось, что стоит ему заговорить вслух, как магия этого места исчезнет.

– Ты помнишь, что это центр аномальной зоны? – так же шепотом ответил ему Лэсли. – Вот я и хочу сходить туда. Мне безумно интересно самому, своими глазами увидеть это. Понимаешь?

– Понимаю. А наш проводник пойдет с нами?

– Карл? Нет, он только переправит нас на другой берег. Под ледник. Так мы экономим день пути. Пройдем ледник, сделаем еще одну ночевку для акклиматизации, а утром начнем восхождение.

– А Карл он кто?

– Егерь. Он живет в горах, у него хижина неподалеку.

– А что еще он рассказывал тебе про Иглу?

– Много чего, про странное эхо, про животных, которые ходят кругами, про то, что люди забывают, кто они и откуда пришли, некоторые даже сходят с ума – это называется горная болезнь или мерячение. Это проклятое место, но я хочу все увидеть своими глазами.

– А мы не сойдем с ума? Что-то мне уже не хочется туда идти...

– Ну, ты даешь, Ян, все это байки из склепа, чтобы перепугать туристов до чертиков, чтобы поднять цену себе и своим услугам, как ты можешь верить во весь этот бред...

– Ну не знаю, что-то я волнуюсь...

– Не волнуйся, когда с тобой лучший специалист по походам в любых условиях, ладно? Договорились? Ну, спи, давай. Завтра вставать до рассвета.

Наконец, Ян заснул, и ему приснилось, что он стоит на берегу Черного озера. Вдруг, он стал расти, он рос и рос, пока не стал гигантского размера, такой большой, что смог взять гору одной рукой и вырвать ее с корнем. Сейчас же в лицо ему, как лава из недр земли, ударил свет, но это был не просто свет, он был жидкий. Ян стал вытираться, но только размазал свет по лицу. Свет не высыхал, как вода, напротив, его становилось больше и больше, и вот он уже заливает ему рот и нос, Ян не может дышать, он тонет в этом жидком свете. Он делает глубокий вдох, свет наполняет его легкие, и в тот же миг он понимает, что может им дышать.

Он находился под водой из света, как в глубине океана, а к нему издалека приближалось нечто едва различимое, легкий силуэт, как будто человеческая тень... Он едва мог ее видеть, но слышал в себе странный, манящий голос: «Два города... Два мира... Две жизни – одна судьба».

Ян открыл глаза, Лэсли светил ему в лицо фонариком.

– Ну, наконец-то! Крепко же ты спал, братец, я уже минут пять бужу тебя!

– Так это ты... – Ян еще не до конца очнулся ото сна, – Свет – это ты?

– Какой свет? Скоро рассвет! Просыпайся, соня, пора вы-

ходить. Цигель, цигель, ай-лю-лю...

В предрассветных сумерках они позавтракали, выпили кофе с сухарями и сложили палатку. Загрузив все в лодку, они поплыли на другой берег. Странная была погода – ни дуновения ветра. Тишина стояла полнейшая. Лодка беззвучно резала черную воду, волны разбегались клином. На минуту Яну показалось, что из черной воды на него кто-то смотрит.

– Жуткое место, – сказал он.

– Просто ночь еще не кончилась, – ответил Карл. – Днем вода голубая, прозрачная и очень холодная, и не мудрено, ведь глубина озера – около 50 метров!

Но вот гребни гор загорелись золотом, и тени стали отступать. Когда они достигли другого берега, горы уже стояли в ослепительном белоснежном блеске.

– По леднику лучше идти в кошках, – Лэсли достал из рюкзака металлические приспособления для альпинистов и каски.

Нацепив экипировку, они попрощались с Карлом и двинулись в путь.

– Он заберет нас через 2 дня. Мы пройдем перевал, сделаем остановку. Там получается приличный перепад высот, поэтому для акклиматизации нам надо будет провести ночь под горой. Утром восхождение, как раз в твой день рождения. А потом вниз и домой. Карл заберет нас вечером второго дня. Еще одна ночевка на берегу озера и все, мы дома, – говорил Лэсли.

Они шли через перевал вдоль длинного ущелья. Внизу – безумное буйство красок: синий, красный, фиолетовый, ярко-розовый, желтый... и все это на фоне белоснежного ледника! Они услышали шум воды, и, вскоре увидели водопад – метров 25 высотой. В какой-то момент им показалось, что подъем будет бесконечен, но, когда солнце покатилося на запад, они вышли к Черному озеру. Озеро меняло свой цвет от синего и прозрачно-изумрудного до бездонно-черного.

– Какая красота! – воскликнул Ян, он в жизни не видел ничего подобного.

– Волшебное место, здесь и заночуем. До пика осталось всего ничего.

Буквально через час они вышли на место стоянки. И опять Лэсли в мгновение ока поставил палатку, развел костер, на котором сразу что-то забулькало в маленьком котелочке.

Глава 17. Храм в горе и Черное озеро.

– Ну вот, теперь, когда рядом нет посторонних, я хочу осмотреться, – на Яна смотрел рыжий лис, – присмотри за супом, – услышал он у себя в голове голос брата, и лис побежал в сторону горы.

– Ну вот, сам ушел, я мне сиди здесь... – думал Ян. Он помешал суп деревянной ложкой, – Как бы не так, братец. Хитёр ты, но я тоже не лыком шит. Я тоже осмотрюсь, – сказал он, полез в рюкзак и достал футляр с очками. Хоть Лэсли и не велел брать их, но зная, куда они идут, Ян счел вполне

логичным, что они будут у него поблизости.

Надев очки, он огляделся. Гора, казалось, светилась изнутри, он также услышал мощный гул, исходивший из ее недр. Было похоже на то, как гудит трансформаторная будка. Что же там внутри? Он провел рукой перед собой и увидел, как за ней потянулся какой-то след, как будто воздух вокруг руки стал плотнее, и от движения за ней побежали волны. Ян вытянул вперед руку и внимательно посмотрел на нее, поворачивая пальцы то влево, то вправо. Из кончиков пальцев, как извивающиеся молнии, начали выходить потоки энергии, они тянулись вдаль, по направлению к Игле, искрясь и сверкая.

Уже начинало темнеть, и в полумраке отчетливо было видно, как бьют из пальцев руки лучи-молнии, вот они соединяются в единый поток, который льется вперед, пока не достигает какой-то невидимой сферической преграды, окружившей гору в форме шара. Луч огибает этот шар, обтекает его со всех сторон. И вот шар вспыхнул, заискрился, и в какую-то секунду Яна перенесло внутрь этой сферы.

Он четко понимал, что стоит внутри горы перед старинным храмом. Вокруг него бушевал ветер, резкие порывы которого слепили глаза. Волосы его разлетались в яростном потоке воздуха, метались в разные стороны. Ян пошёл вперед. Поднялся по ступеням храма и вошел внутрь. В самом центре храма стоял старинной работы алтарь, на котором был помещен невероятной красоты фиолетовый кристалл, имен-

но от него и исходило это сияние, которое пробивало гору, выходило через воды Черного озера, – понял Ян.

Он протянул руку и захотел дотронуться до камня, но тут же отдернул руку, ее обожгло огнем, а вместо кристалла он схватил лишь пустоту. Это был фантом, картинка. Ян поднял горящую руку и снял с лица очки. В ту же секунду он почувствовал нестерпимый холод. Оказывается, он стоял по пояс в воде. По берегу к нему со всех ног мчался Лэсли. Прямо с разбегу он кинулся в воду, к Яну, подхватил его и вынес на сушу.

– И что это ты вздумал ночные купания устраивать? Я не на шутку перепугался! Отошел-то всего на пару сотен метров, как вдруг, на месте стоянки молнии сверкают. Я кинулся назад, да не тут-то было! Бегу, а ноги не бегут, как в кошмарном сне, знаешь? Плотность такая, что не прорваться, как барьер какой – что-то меня держало изо всех сил, не пускало к тебе! С трудом я успел, смотрю, ты в воду полез, руками перед собой машешь. Я кричу, а слова не выходят, даже звук не идет в твою сторону! Что это все было-то? Как же ты меня напугал!

Они сняли мокрую одежду и переоделись, Лэсли растер Яна жестким полотенцем и велел залезть в два спальника сразу.

– А ты как же? – спросил Ян.

– А мозги на что? – и Лэсли, нацепив очки Яна, вытащил из воздуха еще один спальник, грелку, и чашку горячего бу-

льона, благо кольцо он не снимал никогда. – На вот, пей. Не обожгись только. Если бы я знал, что ты очки с собой потащил!

– Прости меня, но я не мог их не взять. Ведь Игла – это центр аномальной зоны, и мне очень хотелось посмотреть на нее вооруженным глазом.

– Эх ты, горе луковое, – Лэсли потрепал Яна по его вихрам на голове, – я тоже думал об этом, но решил, что лисой лучше получится. Перемудрил значит.

– Ты знаешь, а я храм видел.

– Какой еще храм?

– В горе. Внутри горы есть храм, это именно он светится и дает все эти эффекты аномальные. Там в нем какой-то очень красивый камень, я уверен, что именно из-за него вся эта зона получилась.

– Первый раз такое слышу. Сколько сэнмиров приходило сюда, ты хоть догадываешься? Ни один не видел никакого храма.

– А я видел, – настаивал Ян.

– Хотя, погоди, ты знаешь, вот тот же Карл говорил, что стоял здесь храм, давно, был и исчез лет 400 назад, а построен он был еще при Царе Горохе, в 9 веке, кажется. Ну, да ладно, позже разберемся. Согрелся?

Ян кивнул.

При наличии очков смысла варить суп на костре уже не было, они плотно пообедали блинами с икрой и легли спать.

Тишина стояла непередаваемая, ветер стих, ни одна травинка не колыхалась, ни одна мышка не шуршала, если они, конечно, водятся так высоко в горах. Ян этого не знал. Он думал о том, что вот уже совсем скоро ему исполнится 13 лет. Это особенный возраст у сенмиров. Он станет взрослым. Как удивительно, что он встретит этот день в самом центре аномальной зоны, на Муруджунской Игле, которая приоткрыла ему свои тайны. Он вспомнил Храм внутри горы, он был прекрасен и манил его своими тайнами. Так, в приятных духах он заснул.

Ночью у Яна началась лихорадка, его бил озноб, он тихо стонал. Обожженная рука болела. Лэсли склонился над братом. Он чувствовал свою вину за случившееся. Нельзя было оставлять его одного и так беспечно убегать на разведку. Под утро Яну стало совсем плохо, жар не спадал. Пересохшими губами он шептал какие-то бессвязные речи. Он был в бреду.

– Две жизни, одна судьба, – шептал он. – Храм, храм, он не в этом мире... Да, здесь его нет! Гора не отдаст свою тайну... Только избранный сможет...

– Эта гора на тебя как-то не так действует, братишка, надо уносить тебя отсюда. И как можно быстрее. Зря я потащил тебя сюда.

Лэсли надел очки, движением руки убрал место стоянки и поднял рюкзаки и брата в воздух, Ян парил перед ним, как гигантская сосиска, затянутая в спальные мешки. Так добрались они через ледник до берега Голубого озера. Там Яну

стало немного легче, он даже смог открыть глаза и выпить несколько глотков воды. Лэсли мысленно приказал Карлу поспешить к ним, надеясь, что это сработает. И действительно, через 2 часа они уже плыли в лодке по голубым водам.

– Что тут у вас произошло? Меня как подбросило, и мысль такая навязчивая, что надо ехать за вами... так и не выходила из головы... Жена велела собираться и ехать к вам, – говорил Карл.

– Свалился в Черное озеро, простыл, наверное... – с тяжелым сердцем сказал Лэсли.

Карл с подозрением посмотрел на Яна и нахмурился. Тяжелая мысль проникла в его сердце. Еще немного сидел он, задумавшись, затем резко развернул лодку и поплыл в противоположном направлении.

– Нет, не простыл он. Но я знаю, куда вам надо, – глубокомысленно сказал он.

Причалив к берегу, пробирались через густой лес, лодку и всю поклажу пришлось бросить на берегу. Ян не мог идти сам, ноги его подкашивались, а внутри все нестерпимо болело, от чего он поминутно стонал. Карл и Лэсли несли его на носилках, сделанных из спальных мешков. Лэсли не мог нести Яна по воздуху при егере, как ни доверял он этому человеку, увидеть такое тот был явно не готов.

Вскоре они добрались до ветхой хижины, которая, казалось, уже много веков назад вросла в землю почти по самую крышу. Карл толкнул дверь плечом. Внутри, на длинной лав-

ке, среди развешенных по стенам трав и кореньев, сидела самая настоящая Баба Яга. Рыжеволосая ведьма смотрела на них взглядом удивительно пронизательных глаз.

– Вот, Матильда, принимай гостей, – сказал Карл. – Купался в Черном озере...

Глава 18. Матильда.

Женщина, которую звали Матильда, с проворством девочки подскочила к Яну. Она провела над его бьющимся в ознобе телом своими костлявыми руками с сухими, скрюченными пальцами с длинными черными ногтями. Ее рот задрожал и заходил ходуном, выдавая глухие, шамкающие звуки.

– Зачем ты полез в озеро, сынок, – раздался вдруг совсем юный голос, – разве ты не знаешь, что оно ядовитое...

Ведьма засуетилась, раскачиваясь на скрюченных ногах, стала срывать со стен и сыпать в котел какие-то травы. Варевое забурлило, и из котла повалил удушливый, сладковатый пар, от которого у Лэсли начало мутнеть в глазах. В какой-то момент ведьма неожиданно обернулась и подмигнула Лэсли. Он потер глаза, ему показалось, что он видит перед собой молодую рыжеволосую красавицу, с блестящими глазами, полными губами и прозрачной, светящейся кожей. Она смотрела на него, не мигая, гипнотизирующим взглядом. Лэсли тряхнул головой. Что за наваждение? Матильда отвернулась от него, и опять перед котлом стояла скрючен-

ная старуха, которой было, по крайней мере, лет триста, а то и четыреста. Казалось, тронь ее пальцем, и она рассыплется в прах.

– Почудится же такое, – подумал Лэсли, – Видимо озеро и на меня подействовало.

– Пей, – раздался у него над ухом шершавый старческий голос. Лэсли взял чашу и выпил. Какая-то жуткая горечь разлилась по его телу, комок подкатил к горлу, язык и нёбо обожгло огнем, жар прошел по рукам, ногам, и вышел из тела.

– Что, драконит?

– Есть немного...

Как ни странно, питье помогло: мысли Лэсли стали ясными, четкими, он огляделся и как будто впервые увидел обстановку этой избушки.

Он понял, что находится в самой обычной лесной землянке, ничего мистического: сложенная из кирпича маленькая печурка, в углу – застеленная лоскутным одеялом кровать, над очагом – бурлящий котелок с ароматной похлебкой, бревенчатые стены сплошь увешаны разномастными букетиками из сухих трав, большая лавка вдоль стены и деревянный стол грубой работы, – вот и все убранство этой лесной хижины.

– Ты парень за брата твоего не бойся, я же вижу кто ты! Ты не из этого мира. У тебя есть средство для него. Подумай сам. Я ему помочь не могу. Это зелье для тебя было, чтобы в чувства привести. А на брате твоём заклятие сложное. Нена-

шинское. Ты и сам не наш, так что тебе его и лечить.

Лэсли надел очки и внимательно посмотрел на Яна. Он осторожно расстегнул его рубашку и под одеждой увидел, как что-то длинное и черное, похожее на змею, обвилось вокруг его тела и присосалось, как пиявка. Тогда, в темноте, он просто не заметил, что Яна атаковала какая-то сущность. Не растерявшись, он схватил змею за голову и рванул что было силы. Яна подбросило над кроватью, он застонал от боли, но змея не поддалась. Тогда Лэсли достал из кармана электрический фонарик и стал светить им на змею. От света фонаря кожа змеи пошла пузырями, она задрожала всем телом, выпустила свою жертву и рванулась к двери.

– Закрой дверь, – заорал Лэсли.

В дверях стоял Карл, одним рывком он захлопнул дверь, и невидимая человеческому глазу сущность с размаху влетела в нее головой, сотрясая избушку так, что стены задрожали и с них посыпалась вековая пыль. Лэсли продолжал светить фонарем, но змея вырвалась из света фонарика и метнулась к окну. Раздался звон разбитого стекла.

– Ушла, зараза, – сказал Лэсли, – Ну, что ж, дайте ему теперь вашего драконьего варева.

Он показал на притихшего Яна, казалось, что он уже просто мирно спал. Матильда влила ему ложку зелья, потто дру-гую. Щеки Яна порозовели, на лбу выступила испарина.

– Жар выходит, – сказала Матильда, вытирая лицо мальчика чистым рушником. – Это хорошо.

Ночью Ян уже спал спокойно, жар спал, и дыхание его было ровным. Едва забрезжил свет, он был уже на ногах. Лэсли всю ночь не отходил от его постели и ждал его пробуждения.

– С Днем Рождения, братик! Как же ты меня напугал! Я уж было подумал, что тебе так никогда и не исполнится 13 лет. И возраст то особенный, совсем ты большой стал. Я бы заколдовал тебе телефон сейчас, чтобы маме с папой позвонить, но, увы, не знаю, как телефоны делают. Это тебе не чай и не спальник с грелкой...

Ян улыбался, чувствовал он себя прекрасно, силы стремительно возвращались к нему. Матильда дала мальчишкам по чашке горячего бульона. Ян отпил немного.

– Что со мной было? – спросил он.

– Ты вошел в Черное озеро, и видимо подцепил какую-то дрянь из других миров. Мы же в аномальной зоне. Но все уже позади. Ты хоть что-нибудь помнишь? – ответил Лэсли.

Ян посмотрел на ожог на руке. Что это, откуда?

– Смутно, я помню только, что гора как будто хотела мне что-то сказать...

– Ты говорил про храм...

Матильда дернулась от этих слов и посмотрела на него удивленным взглядом.

– Храм? Я не помню.

– Ну ладно. Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо. Вполне.

– Тогда давай собираться домой. Хватит с нас приключе-

ний на сегодня. И вообще, у кого-то ведь День Рождения, бабуля Лиза наверняка уже печет торт, нельзя же заставлять торт себя ждать.

Матильда, которая слушала весь этот разговор очень внимательно, вдруг шепотом произнесла: «Итак, свершилось». Затем она посмотрела на Яна, и он услышал ее голос у себя в голове.

– Ты еще вернешься сюда, мальчик! Настанет твое время, а сейчас иди, ты здоров, тебе ничего не угрожает.

Поблагодарив хозяйку лесной хижины, Ян и Лэсли двинулись в обратный путь. Карл с шутками-прибаутками благополучно переправил их на нужный берег, и уже к вечеру они нашли свой пикап, брошенный на обочине дороги. Кажалось, никакого происшествия и не случилось с ними. Все было простым и обыденным. И все-таки что-то произошло там, в горах. Что-то важное, о чем они даже еще не догадывались.

Глава 19. Праздник и прощание.

Они ввалились в дом, когда уже начинало темнеть. Бабушка Лиза сразу засуетилась и, подмигнув мальчикам, повела их наверх по той самой лестнице, ведущей в кабинет с витражом голубя.

– У меня для вас сюрприз. Его придумал один ваш новый друг.

– Что еще за друг, бабуля? – спросил Ян.

– Сейчас сами все увидите, – улыбнулась она.

Они открыли дверь кабинета. Там, сидя на старинном кожаном диване, их уже ждал принарядившийся по случаю праздника То-То. Он был во фраке и при бабочке!

При появлении мальчиков Кот вскочил и изысканно поклонился. Ян бросился к нему на шею и со всей любовью обнял пушистого друга.

– То-То! Как я рад тебя видеть! Вот так сюрприз, спасибо!

Кот удовлетворенно замурчал. Но это было далеко не весь сюрприз.

– Давай, открывай нам портал, То-То, – сказала бабушка Лиза.

Тогда Кот издал свое громогласное «МЯОУ!», и в стене образовался проход с длинным коридором. Он первый вошел в него, поманив всех остальных за собой. В конце коридора была маленькая дверца. Достав из своих меховых карманов нужный ключ, То-То отпер дверь, и они вошли в свою собственную гостиную, в их родном доме на Эпл-Блум. Там, на их стареньком диване сидели Анна и Джон.

– Мама, папа! – закричали в один голос Ян и Лэсли, – Вот это да!

Ян бросился к родителям, он хотел обнять их, но его руки поймали лишь воздух.

– Поздравляем тебя, Ян, сыночек! – говорил Джон, – Как ваши дела? Как успехи в лисьей науке?

– Все прекрасно, пап! – ответил Ян. Он был очень удив-

лен и не понимал, что происходит. Джон заметил замешательство сына.

– Место, где вы сейчас находитесь, – пояснил он, – это на самом деле просто зеркальное отражение, копия нашего дома в параллельном мире, а не настоящая наша квартира. То-То создал зеркальную проекцию в новом измерении, где мы можем видеть и слышать друг друга, но на самом деле между нами тысячи километров, так что даже обняться не получается. Мы с вами как будто по разные стороны зеркала. В одной комнате, но с разных сторон.

– Кажется, я понимаю, – сказал Ян.

– Ян, сынок, мы с папой приготовили тебе подарок, – сказала Анна, – но получишь ты его только когда вернешься.

– Да, это новые, усовершенствованные очки. Опытный образец. Наши разработчики дают потестить, но только одну пару. Мы с мамой решили, что тебе они пригодятся, – сказал Джон.

– О, пап, спасибо, это просто замечательно!

– Так, я что-то не понял, у нас Ян теперь самый крутой в семье? – шутливо возмутился Лэсли.

– Лэсли, не завидуй, – со смехом сказала Анна, – ты все равно в колледж уедешь. Да у тебя и так очень хорошая модель.

– Это все так, но я бы отдал эту хорошую модель Яну, а братишка? – подмигнул брату Лэсли.

– Ну, уж фиг! – Ян смеялся, – сегодня мой день рождения!

– Я шучу, конечно, шучу, если хочешь я тебе и свои отдам тоже.

– Хватит болтать, портал закроется через час, надо еще успеть чаю попить, – засуетилась бабуля, – У каждого свой чай и свой торт. Наливайте у себя там чай, Аня, а я здесь за именинником поухаживаю.

– Самый первый кусочек дайте, пожалуйста, То-То, – сказал Ян, – это самая лучшая идея, сделать такую штуку!

– Да уж, самим нам такое никогда бы не придумать, – ответила бабушка Лиза, – так что торт – это совершенно заслуженно!

Поднялась суета, в сплетенном из двух измерений мире разливали чай, каждый со своей стороны зеркала, резали торт, передавали тарелки, оживленно болтая. Мама с папой пересказали все новости. Оказывается, летом сэнмиры заметили странную активность в городе, и к службе теперь привлекают даже самых юных лисят. Ян был в восторге, наконец, ему исполнилось 13 лет, и он сможет на полных основаниях вступить в дозор. Знаний, которыми он овладел за лето для этих целей, будет более чем достаточно. Впереди его ждут новые, захватывающие приключения.

Через час вся компания и То-То, наевшись торта, тем же коридором возвращались назад.

– Это был лучший день рождения в моей жизни, – сонно зевая, говорил Ян.

На следующий день Лэсли начал собираться обратно в

Сноутон. Перед отъездом в колледж надо было заехать домой, чтобы собрать нужные вещи и документы, повидать родителей. Ян оставался у бабушки до конца лета. Прямо перед началом учебного года за ним должен был приехать Джон.

Предстоящая разлука с братом давила на Лэсли. Слишком много загадок оставалось: что хотела сказать гора его брату, о каком таинственном Храме упоминал Ян?

Ожег на руке Яна заживал, и, казалось, он совсем не вспоминает о приключении на Игле. Лэсли же, наоборот, думал об этом все больше и больше. Его беспокоили и слова Матильды, что Ян должен вернуться, он невольно подслушал их тогда в хижине, но ничего не сказал брату. Матильда – всего лишь человек, но человек не простой, а знающий. Что она скрывает? Она ведьма, ведунья, которая знает гораздо больше, чем может показаться с первого взгляда. И ее предсказание настораживало Лэсли.

Настал день расставания. Лэсли упаковал свои вещи в большой походный рюкзак, попрощался с бабушкой, и вдвоем с Яном поехал на вокзал на старом пикапчике.

– Эх, если бы можно было по-настоящему пройти через портал и очутиться дома, – сказал Ян.

– Говорят, они были раньше, но это было очень давно, лет 400 назад. Тогда сэнмиры были сильнее...

– А что же произошло тогда?

– Ну, ты, конечно, выбрал самое лучшее время для таких разговоров, у меня поезд отправляется через минуту, – со-

крушенно говорил Лэсли.

Ему вдруг очень захотелось все рассказать брату, как будто в этом таился какой-то великий смысл. Вдруг, неожиданная мысль поразила его, как молния, – 400 лет назад исчез Храм на горе, 400 лет как сэнмиры потеряли свою силу, и это не могло быть простым совпадением. Что же произошло на самом деле 400 лет назад?

Стоянка поезда в этой маленькой деревушке была короткой. Всего 3 минуты. Настало время прощаться. Лэсли достал из кармана маленький электрический фонарик, тот самый, которым в домике Матильды он спугнул сущность, приставшую к Яну на Черном озере.

– Смотри, Ян, этот фонарик подарил мне один человек. Скажем так, не из нашего мира. Он светит даже через самый густой туман, проявляя все, что скрыто. Надеюсь, он тебе не пригодится, но на всякий случай, носи его с собой. Всегда. Обещаешь?

– Спасибо, буду носить, обещаю, – сказал Ян.

Лэсли закинул рюкзак в вагон, а сам еще долго стоял на подножке, пока поезд, наконец, не стал набирать ход, и взволнованная молоденькая проводница не начала умолять его зайти внутрь. Волосы его развевались по ветру, на глаза набегали слезы от ветра или, может быть, от чего-то другого, но он упорно стоял, пока фигура брата, а потом и сам вокзал не скрылись из виду.

Лэсли уехал, а Ян остался с какой-то пустотой внутри.

Нет больше рядом старшего брата, этого весельчака, который всегда готов прийти на помощь. Ушла беспечная пора, пришло время ему взрослеть, самому брать ответственность за свою жизнь. Не будет больше человека, который сможет прикрыть тебя, исправить твои ошибки, теперь все придется решать и делать самому. И от этой мысли взгляд его как-то вдруг стал твёрже, слетела с лица мальчишеская беспечность. Как-то разом он вдруг повзрослел. Еще бы... ведь ему было уже 13 лет. Для сэнмира – это особенный возраст: начинается его дозор.

– Я не подведу тебя, брат! Я не подведу! – говорил он себе, впервые возвращаясь домой один, – сам за рулем старого бабушкиного пикапа.

ЧАСТЬ 2. ПРОКЛЯТЫЕ ПРИЗРАКИ

Глава 1. Мёртвый город.

Снег толстым ватным одеялом укутывал Сноутон, приглушая любые звуки и навевая на полночный город глубокий сон. Он медленно и тихо ложился на землю крупными хлопьями, заслоняя и свет фонарей, и тьму опустевших улиц. Белые птицы-снежинки падали в полном безмолвии, кружились в причудливом танце, казалось, снег изо всех сил старается укрыть город до самых крыш, убаюкать его навеки.

За почти непроглядной снежной пеленой едва различ-

мо поблескивал старинный витой фонарь. В кругу тусклого света на снегу, поджав мягкие лапки, сидел маленький рыжий лисенок, с белым пятнышком на кончике пушистого хвоста. Он поднял вверх свой черненький носик, глазки-бусинки смотрели на часы на фонарном столбе. Снежинки ложились на острую мордочку, забивались в нос, от чего лисенок смешно фыркал. Он ждал.

И вот большая, длинная стрелка часов задрожала и прыгнула вверх, часы показывали полночь. Пора. Он пошел, семеня маленькими лапками, вытянув мордочку вперед. Завернув за угол, он обернулся, фонаря уже не было видно, – вздохнув о чем-то своем, он побрел вдоль старых, покосившихся домов.

Пройдя еще несколько кварталов, он осмотрелся, вглядываясь в темноту пустынных улиц. Как ему казалось, это должно было быть именно здесь, в самом центре стоявшего в руинах Мёртвого города. Это было особое место: пустынные кварталы брошенных в спешке домов, в которых вот уже несколько сотен лет не входило ни одно живое существо, не слышалась людская речь или детский смех.

Присмотревшись внимательнее, он заметил, что один из наметенных вдоль полуразрушенного дома сугробов как будто светится изнутри. Он подошел ближе.

– Вот ты их и нашел, – мысленно сказал Ян самому себе, – Теперь спокойствие, только спокойствие – подберемся еще поближе.

Прижавшись к земле, он пополз вдоль снежных наметов, и вскоре убедился, что светящийся изнутри сугроб – не игра его воображения – это светится маленькое полуподвальное окошечко, полностью занесенное снегом. Такие окна, наполовину скрытые под землей, часто встречаются среди заброшенных домов, то ли просевших в землю от старости, то ли занесенных илом и глиной всемирного потопа.

Когда-то давно, когда он был еще совсем маленьким, его отец рассказывал ему легенду о том, что всемирный потоп был вовсе не в какие-то стародавние времена, а совсем недавно, лет четыреста тому назад. А может это и не сказка была вовсе, а правдивая история, и его отец заранее готовил его к чему-то важному? «Сказка ложь, да в ней намек», – любил повторять он, – «Помни, мой мальчик, вещи не всегда таковы, какими они нам кажутся на первый взгляд. Смотри вглубь, смотри не глазами, а сердцем, и ты увидишь все сам!».

– Теперь я вижу, папа, – прошептал лисёнок.

Перекошенные временем развалины Мёртвого города были наполовину погребены под землёй, двери, ставни сорваны с петель, уцелели только просевшие от времени крыши. По всему было видно, что когда-то город постигло какое-то стихийное бедствие.

«Мёртвый город» – так называли заброшенный квартал на окраинах Сноутона – был забыт много веков назад, все живое покинуло этот район, как и почему – сейчас уже ни-

кто не помнил. Это была земля, ступить на которую не смел ни один человек, как будто над городом тяготело какое-то страшное проклятие. Люди просто ушли, бросив все. Никто не хотел жить в этом месте. Это была мёртвая земля, её обходили стороной, даже бродячие собаки побаивались этих гиблых мест. Тем подозрительнее было то, что в окне пустого полусгнившего дома горел свет.

Лисенок подошел к пятну света и стал усердно работать лапками, разгребая снег. Наконец, ему это удалось, и он заглянул в зияющую бездну пустого окна. Удивительная картина предстала его взору. В густой темноте едва мерцали тусклые огоньки свечей, плавали в воздухе клубы табачного дыма. В полумраке комнаты медленно и плавно двигались нечеткие тени в потертых старинных камзолах и рваных картузах на косматых, всклокоченных головах. Они возбужденно обсуждали что-то, склонившись над разохшимся и потемневшим от времени столом.

Убедившись, что его не заметили, лисенок двинулся вдоль дома в поисках двери. Вскоре он нашел ее – покосившуюся от старости, висящую лишь на одной петле. Щели под дверь было достаточно для него, он просунул голову внутрь и осмотрелся: «Голова пролезла – все пролезет», – храбро сказал он самому себе и скрылся в дверном проеме.

Он поднимался по ветхим деревянным ступенькам, стараясь ступать как можно мягче, чтобы ни одна из старых, скрипучих досок не выдала его. На толстом слое пыли отпе-

чатались следы маленьких лапок.

В темноте парадной он пробирався наощупь и вскоре уткнулся в тяжелую, на удивление крепко сколоченную дверь.

– Если попытаться открыть ее, она, чего доброго, заскрипит, – подумал он, привстал на задних лапках и приткнулся одним глазом к замочной скважине.

Сначала он ничего не мог разобрать, так было в комнате темно и накурено, потом стал различать тени, плавно движущиеся вокруг стола, на котором мерцали свечи в старинных канделябрах. Никто, казалась, не подозревал о присутствии незваного гостя, тени были чем-то сильно увлечены, в маленькой комнате разгорался горячий спор.

– Мы долго терпели унижение и боль, пора нам раз и навсегда с этим покончить! – прорычал чей-то грубый и резкий голос.

– Ты прав, Ларсон! И все, что нам нужно для этого – это камень, – отозвался из темноты какой-то неприятный, сдавленный писк.

– То, о чем вы говорите – бессмыслица, – тихо и грустно сказал кто-то третий с протяжным вздохом, – Нельзя просто так прийти и взять камень, до него совсем непросто добраться. Даже, если бы мы знали, в каком из миров он сейчас находится, в хранилище может быть тысяча измерений, многоуровневая система защиты, только тот, кому предназначено, сможет найти камень в нужном пространстве и времени,

только избранному это под силу.

– Без камня мы навечно так и останемся изгоями, изгнанниками этого мира. Сколько еще нам скитаться? Мне надоело быть призраком, проклятым призраком, – снова пропищал второй голос.

– А может пора оставить уже эту затею, а Дулли? – снова сказал грустный голос, – Нам и так несказанно повезло. Звезды-магнитары открыли портал, который открывается раз в 3000 лет, и мы, наконец-то, снова свободны! Скоро пройдет трансформация, в человеческом теле мы все снова сможем жить! Разве этого мало?

– Ну, уж нет, – прогремел гневный голос Ларсона, – довольствоваться краюхой хлеба, зная, что к твоим ногам может пасть весь мир! Это не по мне! Вот-вот опять зажжется сверхновая звезда, это величайшая удача, несказанное везение! Более благоприятных условий у нас уже не будет. Сейчас или уже никогда!

Ян весь напрягся, даже шерсть у него встала дыбом, он старался не пропустить ни звука. Тени зловеще покачивались в воздухе...

– Да, портал очень кстати выпустил нас из мира теней, – раздался четвертый голос откуда-то сбоку.

Ян увидел, что в углу комнаты стоит огромное изодранное кресло с высокой спинкой, в котором сидела еще одна, не замеченная им сразу сторбленная тень и курила длинную трубку.

– Мы смогли выйти из многовекового заточения, и я не намерен прозябать в этом мире. Тем более с ним у меня, – призрак сдавленно усмехнулся, – старые счета.

«Так вот в чем дело», – подумал Ян, – «Я давно это подозревал! Тени-призраки... Они здесь! Они среди нас! Портал открыт, и теперь они ходят с нами по одним улицам, дышат с нами одним воздухом».

Он этих мыслей у него даже зазвенело в ушах, в глазах потемнело, горький комок подкатил к горлу, он дышал часто и прерывисто, стараясь успокоиться, чтобы не быть замеченным.

Мир теней! Сколько раз он воображал, что повстречается с ним лицом к лицу, придумывал разные необычайные истории, в которых он всегда побеждал злобные тени, но вот сейчас – все происходит с ним на самом деле, по-настоящему! Холод сковывал его тело, но не зимняя стужа была тому виной, – кровь застывала в жилах от смертельного ужаса.

Сколько раз, бывало, он чувствовал присутствие тайного мира, когда заглядывал в пустые окна сторевших или заброшенных домов, пробегая мимо них во время своего дежурства. Всегда ему было не по себе, когда он спускался в их подвалы или поднимался на чердаки. Абсолютно любое живое существо, повинувшись инстинкту самосохранения, интуитивно обходит такие места, даже не подозревая, почему делает это. Но его всегда влекло в самое «пекло», и чем страшнее, тем интереснее...

И вот, осенью, буквально сразу после того, как он вернулся с летних каникул в Сноутон, Яну стало казаться, что что-то неуловимо изменилось в привычном ему мире. Он не понимал, что именно, совершая ночные вылазки маленькой дозорной лисой, но его как будто манило что-то.

И вот однажды, когда уже выпал снег, он случайно набрел на старинный заброшенный квартал Мёртвого города. Его как магнитом туда тянуло, это не было простое любопытство, скорее страсть, которая всецело подчиняет себе. Тогда-то он и нашел этот дом.

Это сложно было объяснить, но воздух вокруг него был как будто плотнее, у него бежали мурашки по спине от этого дома, он чувствовал едва уловимое покалывание в лапах, а шерсть стояла дыбом, как будто ее натерли эбонитовой палочкой.

Каждый раз он приходил или слишком рано, или слишком поздно. Но в этом доме явно кто-то был, что-то происходило. И вот именно сегодня он увидел их, четырёх призраков из мира теней, и все встало на свои места. Открыт портал, который открывается раз в 3000 лет! Тени вошли в мир людей, они не по-детски злы и чрезвычайно опасны!

Глава 2. Проклятые призраки.

Обстановка в заброшенном доме была гнетущая: по всему было видно, что запустение и разруха царили в нем уже века. Со стен тянулись длинные клочья паутины, полуистлевшие

обрывки чего-то неопределенного грязно-серого цвета, свисали с покосившихся окон, потолок совершенно развалился и представлял собой огромную дыру с торчащими во все стороны гнилыми досками, через которые было видно небо. В комнату, медленно кружась, падали белые хлопья снега. По комнате гуляли ледяные сквозняки, свечи в канделябрах дрожали и отбрасывали на стены зловещие отблески.

По углам комнаты стояли старые лавки, на которых были навалены груды истлевшего тряпья, на столе – под толстым слоем многовековой пыли – глиняная посуда. Было ощущение, что обитатели дома впопыхах бросили все нажитое и бежали вон, без оглядки, движимые одним лишь первобытным чувством – страхом, как будто вселенский ужас гнал их прочь, готовый поглотить живьем, как будто все демоны ада кинулись в погоню за ними.

Тот, кого называли Ларсон, был огромного роста с всклокоченной бородой и свирепого вида глазами, глядящими из-под кустистых бровей. Весь его облик напоминал черного мохнатого медведя, злого и кровожадного. Его крепкая фигура внушала страх и почтение всем присутствующим. Он расхаживал взад и вперед по комнате, меряя ее своими гигантскими шагами. Ларсон – олицетворение грубой силы, свирепой мощи и гнева, самый жестокий и безжалостный призрак из всей четверки, метался по комнате, как медведь, запертый в клетке.

Второй призрак имел скорее безжизненный, усталый и

опустошенный вид. Кливерт Сорроу, угрюмый, сгорбленный старик с крючковатым носом, опиравшийся на такую же скрюченную, как и он сам, палку, весь его облик – средоточие немощи и скорби, печали и смертельной тоски. Его жалкая фигура держалась в тени, он не любил приближаться к свету и поэтому не подходил близко к столу, на котором горели свечи.

Еще один призрак сидел в кресле с развернутой к двери высокой спинкой и курил длинную голландскую трубку. Один глаз у него был прикрыт, как будто лицо его свела жестокая судорога. Уголок этого глаза был оттянут вниз, что придавало одной половине его лица трагическое выражение. Вторым страшным пустым чёрным глазом он внимательно смотрел на Ларсона. Это был самый коварный и хитрый из всех теней, собравшихся в доме, – двуличный призрак сэра Смолл.

Последний в этой четверке – Дулли или Дулитл – невысокого роста, круглый человечек мерзкого вида был больше всего похож на жирного, раскормленного поросенка. Лицо его напоминало свиное рыло, редкие сальные волоски на черепе были зачесаны назад и собраны в жиденский поросичий хвостик, острые уши торчали вверх. Он все время подобострастно приседал и заискивающе складывал перед собой свои ручонки. Голос его, высокий, тонкий, до мерзости противный, казалось, не соответствовал его комплекции, а принадлежал маленькому ребенку.

– Рождение сверхновой звезды всегда сопровождается перерождением мира, – заговорил низкий, гипнотический голос из кресла, – Последний раз, когда зажглась сверхновая звезда, звезда Кеплера, вы помните? Четыре века назад...

– Как не помнить тот ужасный високосный год, – пискнул Дулли.

Смолл неторопливо курил трубку, вперяя взгляд единственного черного глаза в стоявших вокруг стола призраков.

– Верно, тысяча шестьсот четвертый, если быть точным. Снег выпал в сентябре, по всей Московии разразился страшный голод, будущие мертвецы хоронили уже умерших, живых просто не осталось. Толпы умирающих оборванцев на дорогах – и это было только начало. Вы все знаете, чем это стало для нас...

– Началом конца, – вздохнул Кливерт.

– Да, и все это случилось именно здесь, в этом местечке, название которого люди уже забыли – Сноутон, ха! Когда-то здесь был величайший город – Московия! А эти человечки, эти глупцы считают, что это место проклято, они вообще все забыли, они ничего не помнят, – Смолл выпустил в потолок кольцо дыма и продолжил, – Московия погибла, ибо так решил я. Звезда Кеплера мне в этом помогла. Соединив ее энергию с силой камня, я послал на Московию воды всемирного потопа, я хотел стереть ее с лица Земли, но, все предвидеть и просчитать невозможно. Бывает, что при взрыве сверхновой она становится черной дырой. На нашу

беду, это и случилось. Через нее-то нас и унесло в проклятый мир теней, откуда нет выхода, а камень – камень просто исчез. Да... Мы потеряли власть над ним и над всей своей жизнью...

– Нельзя беспечно использовать энергию звезд, – сказал Кливерт.

– Мы стали призраками, проклятыми призраками, – всхлипывал Дулли.

– А я вообще удивлен, что людишки смогли выжить после этого, – пробасил Ларсон, – чует мое сердце, без сэнмиров здесь не обошлось.

– Сердце? Вот уж удивил, – глухим смехом отозвался Смолл и закашлялся, – Вот уж не знал, что у тебя есть сердце, Ларсон. Что бы здесь ни случилось, кто бы им ни помог, это уже не важно. Выжили и выжили... Важно другое: не долго нам осталось мучиться. Здесь это началось – здесь и закончится. Сейчас у нас будет возможность все исправить – зажжется новая звезда, она даст нам шанс все изменить, нужно только отыскать потерянный камень и вновь обрести нашу былую власть и силу!

– Будет знак, воссияет в небе звезда, новая заря, – пропищал Дулли.

– Все это так, но я уже говорил, что камень потерян, – вмешался Кливерт, – В случае непредвиденных событий он всегда возвращается в Хранилище, но мы не знаем, что с ним стало после того конца света, который ты устроил...

– Вот это ты нам и скажи, бывший хранитель, – сказал Ларсон.

– И скажу. Я не могу дать гарантию, что Храм устоял, я не могу дать гарантию, что вообще смогу найти его и взять камень, ведь взять его может только избранный, а я потерял это право, как ты помнишь! После взрыва нас унесло в черную дыру, но в какое измерение попал камень – этого не знает никто! – сказал Кливерт.

– Хватит говорить, пора действовать! Портал открыт, мы здесь, на Земле, скоро квантовый переход завершится, и мы обретем человеческую сущность, а пока – надо найти камень и быть готовыми! – Ларсон стукнул кулаком по столу.

– Будем. А сейчас... Я чувствую что-то... не могу понять, – Смолл настороженно стал озираться по сторонам, повел носом воздух, приняхиваясь, как будто почувствовал чьё-то присутствие, – Помоги мне встать, Ларсон, давайте собираться. Задуй свечи, Дулли, нам пора идти, – и в темноте только и было слышно, как скрипит кресло, да удаляются шаги по коридорам.

Ян не стал задерживаться в этом доме.

Глава 3. Старый друг лучше новых двух.

Ян бежал домой со всех ног, ему даже не приходило в голову, что мальчик тринадцати лет, опрометью мчащийся по ночному городу – это весьма необычное явление. Куда он бежит? От кого спасается? Почему не спит дома в тёплой

постели, как все нормальные дети? Ни о чем этом он не думал. Его задачей было как можно быстрее добраться домой и все рассказать отцу.

Ноги несли его с невероятной скоростью, мысли при этом мчались еще быстрее: случилось что-то очень важное, такое, что может привести весь мир к неминуемой катастрофе, и только от него сейчас зависит – успеет ли человечество узнать об этом прежде, чем будет слишком поздно.

Но постепенно, каким-то восьмым или даже девятым чувством он ощутил, что что-то вклинивается в стремительный поток его мыслей. Какое-то навязчивое постороннее ... чего не должно было быть... Как будто эхо...он бежит, но при этом слышит свои шаги и... еще одни... в таком же ритме, с той же частотой... да, кто-то преследует его, бежит за ним! Он ускорил свой бег, преследователь не отставал.

Ян обернулся. Метрах в ста от себя он увидел фигуру такого же мальчишки, как и он сам, может быть только немного повыше. «Та-а-а-к», – подумал Ян, – «Вот и началось!»

Он весь сжался в тугую пружину и побежал еще быстрее, хотя казалось, что быстрее бежать уже просто невозможно. Он задыхался, обжигая легкие ледяным воздухом, но его преследователь не отставал. Ян устал, силы покидали его, и вот, он остановился, опустил голову, упершись руками в колени, и заплетающимся языком проговорил.

– Все. Не могу больше.

Если принимать бой, то здесь и сейчас, пока остатки сил

еще не покинули его. Еще есть в запасе несколько секунд, прежде чем враг настигнет его. Мгновенно в его руках оказалась длинная, специальным образом оточенная деревянная палка – учебный меч Синкагерю, тайной школы самураев, основанной в беспокойное для всего мира время – около 400 лет назад. Такие деревянные мечи не ломались даже при самых сильных ударах, и Ян знал, что теперь голыми руками его уже точно не возьмешь, ведь бой на мечах – основа боевого искусства сенмиров, которое он начал постигать уже этим летом, и весьма в нём преуспел.

Когда он снова поднял голову, готовый к атаке, то увидел мальчишку прямо перед собой. Тот смеялся и глядел на него веселыми искрящимися глазами, лицо его было наполовину скрыто темным платком. Ян отступил и отвел меч назад, открывая плечо и заманивая противника.

– О, какое грозное оружие у тебя, – сказал мальчишка и засмеялся.

Вдруг, в его руках оказался точно такой же меч. Он держал его перед собой, подняв кончик меча на уровень глаз, и обходил Яна по большой дуге, заставляя его менять позицию.

– А это уже интересно, – сказал мальчишка. – Что ж, поглядим, на что ты способен!

Резкий выпад, атака, но Ян выносит вперед центр корпуса с поднятыми вверх руками и принимает удар, как бетонная стена. Незнакомец отскакивает от него как пробка, отходит,

готовится, встает в позицию. Ян начинает сближение. Мелкими шажками он подходит к незнакомцу, пристально смотря ему в глаза и покачивая мечом при каждом шаге, гипнотизируя противника, как змея. И вдруг, одним прыжком достигает его и бьет сверху. Мальчишка не успевает закрыться, только и получилось, что неловко подставить меч, и удар Яна валит его на землю. Ян наклоняется к нему и протягивает руку, чтобы сорвать платок, закрывающий его лицо. Мальчишка смеется и, ловко увернувшись, отпрыгивает в сторону и исчезает в снежном вихре. Ян опускает меч, он не верит своим глазам. Перед ним сидит рыжий лисенок, с большими, лопоухими ушами.

– Привет, ты разве не узнаешь меня? – услышал он голос в своей голове, – Ты, верно, не ожидал увидеть меня, а я давно за тобой слежу. Что ты делал в том заброшенном доме? Я не хотел мешать, поэтому подождал тебя за углом. Там было что-то интересное, да? Расскажи же!

– Кто ты такой? – спросил Ян, – Разве мы знакомы?

– Как? Ты не узнал меня? – огорчился голос в его голове.

– Я понятия не имею, кто ты, – ответил Ян.

Тогда перед ним опять появился мальчишка, на вид лет пятнадцати. Он был высокого роста, волосы ежиком, в глазах, казалось, пляшут маленькие лукавые искорки. Он слушал, слегка наклонив голову и прищулив глаза, от чего казалось, что он задумал какую-то шалость. Наконец он поднял руку и сдернул с лица платок, скрывающий его.

– Тим! – воскликнул Ян, как мог он не узнать своего товарища, с которым играл в футбол в одном дворе!

– Аллилуйя! Ну, наконец-то, а то я уже и не знал, что и думать!

– Я не знал, что ты тоже сенмир, – ответил Ян.

– Ну, об этом на лбу ведь не написано. Я тоже долго не знал про тебя. Хотя, когда сосны вдруг стали подыгрывать нашей команде, что-то, конечно, я заподозрил, – улыбнулся Тим, – Мы ведь ни разу так и не проиграли с тех пор, а это так не по-человечески! У нормальных людей так не бывает.

– Но очень хотелось, честное слово.

– Ха-ха, знаю. Ну да ладно, ты лучше расскажи, что же ты делал в Мёртвом городе?

– Так, всяко-разно...

– Это опасный район, Ян, – уже серьезно сказал Тим, – Но зная твой характер... В общем, я приглядывал за тобой после твоего возвращения с летних каникул, ведь тебе уже исполнилось 13, а значит, тебя должны были уже отрядить в дозор!

– Отец попросил?

– Ты что, нет, конечно, нет! Твой отец полностью доверяет тебе, и, кстати, не уверен, что он вообще в курсе, что я сенмир.

– Уж он-то в курсе всего, можешь не сомневаться, – ухмыльнулся Ян.

– Я следил за тобой, чтобы с тобой ничего не случилось,

ведь у новоначальных вечно свербит в одном месте, я сам такой был! А еще знаешь, как говорят: «Новичкам везет». Вот я и подумал, что ты точно найдешь что-то стоящее, и, кажется, я не ошибся, да? Тебе повезло?

– Да уж, повезло, так повезло... – буркнул Ян.

– Ты что-то узнал, и можешь мне не говорить, но я решил проводить тебя, чтобы убедиться, что с тобой все в порядке. Ты заметил меня, уж не знаю, как... Видимо слух у тебя и в жизни, как у лисы. Пойдем, провожу тебя до дома, ты ведь домой бежал, я правильно понял?

– Да, но нам надо спешить, у меня очень важные новости, а до дома даже бегом час добираться...

– Тогда предлагаю срезать, – сказал Тим и поманил Яна за собой.

Они пошли по заснеженному парку, кутаясь в теплые куртки. Метель вдруг улеглась, ветер, который еще пять минут назад буквально валил с ног, стих, на небе показались яркие бриллианты звезд. Казалось, сама природа хочет, чтобы они добрались до дома как можно быстрее.

Они подошли к высокому решетчатому забору, отделявшему парк от дороги. Тяжелые кованые прутья были изогнуты в причудливые узоры, но в одном месте, подальше от нахоженных тропинок, один прут был выломан, и между ними зияла небольшая дыра. Тим первый пошёл в нее. Сначала голова, затем и все тело пролезли в узкую щель между прутьями, и Тим исчез. За забором его не оказалось. Удивлен-

ный Ян присел на корточки и посмотрел сквозь дыру в заборе. Там, среди высоких сосен был виден желтый дом, самый желтый на всей Эпл-блум. Вот это да! Маленькая дырочка в заборе вела в его родной двор! Недолго думая, он последовал за товарищем. Тим уже подждал его, отряхивая снег с одежды.

– Ух ты! Как ты это сделал? – удивленно спросил Ян.

– Ничего особенного, если знать карту кротовых нор, – ответил Тим.

– Чего-чего?

– Как тебе объяснить, – сказал Тим, и, порывшись у себя в кармане, извлек оттуда небольшую бумажку, – Вот, смотри, на примере покажу. Что ты видишь?

– Ну, автобусный билет, – сказал Ян.

– Нет, дело вовсе не в этом, смотри, у билета – два конца, и они далеко друг от друга, но если сложить билет – вот так, – и Тим соединил концы билета...

– То они соединяются в одной точке, – пробормотал пораженный Ян.

– Именно.

– Вот чудеса...

– Никакого волшебства, заметь, только научные знания! У меня дома есть карта, на которой я отмечаю такие «пролазы». Не знаю, сколько их всего в городе, на самом деле это как искать иголку в стог сена, но иногда попадаются прекрасные экземпляры, как вот этот, например.

Ребята спешили к дому по протоптанным между соснами дорожкам. В окне третьего этажа горел свет – это было единственное освещенное окно во всем доме. Резко распахнув дверь подъезда, Ян буквально взлетел вверх по ступенькам.

Глава 4. Тревога.

Было уже глубоко за полночь по земному времени, но отец все еще не спал. Из-под двери его комнаты легла косая полоса света. Склонившись над письменным столом, Джон что-то обдумывал. В углу горел торшер, создавая уютную обстановку рабочего кабинета. Вдоль стен стояли бесконечные стеллажи с книгами.

Ян проскользнул в комнату.

– Папа, нам срочно надо поговорить! – с порога выпалил он.

– Ян, что-то случилось? – оторвавшись от своих расчётов, взволнованно спросил Джон.

Он знал, что Ян участвует в патрулировании, но в силу возраста ему пока не выделяли специальный участок. Он был свободен в своих передвижениях, сам выбирал, куда идти, и в этом было определенное преимущество. Патрулирование начиналось ровно в полночь, которую сэнмиры раздвигали на необходимое для дозора время. Поэтому к суткам всегда можно было прибавить лишних пару-тройку часов...

Ян тяжело дышал, от быстрого бега колело в боку.

– Папа, ты знаком с Тимом? – Тим вошел в кабинет вслед за Яном и протянул руку Джону.

– Да, конечно, это твой товарищ, я помню, – Джон растерянно пожал протянутую ему руку и удивленно посмотрел на сына.

– Я только сейчас узнал: он тоже сэнмир! Я могу говорить при нем?

– Я знаю это, Ян, и, разумеется, ты можешь при нем говорить, – взгляд Джона метнулся на незваного гостя и снова вернулся к Яну.

– Ладно. Так вот, папа... – и Ян рассказал всё о своей встрече с призраками. О том, как выследил заброшенный дом, который так странно манил и притягивал его, как увидел свет, бьющий буквально из-под снежного сугроба, как обнаружил там четырех пришельцев из другого мира, и о том, что они говорили. Когда он закончил свой рассказ, лицо отца стало суровым, таким он еще никогда его не видел.

– Так ты говоришь, их было четверо? – спросил он, наконец.

– Четверо, – ответил Ян.

– И они говорили о звезде Кеплера?

– Да, она зажглась ... 400 лет назад.

– Да, да, в 1604 году, я знаю, – Джон молчал. Ему надо было подумать.

Он придвинул к себе стул и, взобравшись на него, достал с верхней полки старинную запыленную книгу «Мифы и ле-

генды древней Московии». Бережно положив книгу на стол, Джон стал листать ее, стараясь найти объяснение происходящему. Ян посмотрел на Тима, тот стоял рядом, уставившись на книгу, и кусал себя за согнутый большой палец.

По мере того, как Джон углублялся в чтение, брови его сходились над переносицей, взгляд делался твердым, как металл, все мышцы тела напряглись, пальцы свело в крепко сжатые кулаки. Когда он, наконец, оторвался от книги, взгляд его пылал огнем.

– Это просто невысказано! – сказал потрясенный Джон, – Легенды, сказки, которые мы читаем детям на ночь, стали реальностью! Четыре проклятых призрака вернулись в наш мир, но почему сейчас?! Как?

– Они говорили о каком-то портале, который открывается раз в три тысячи лет, – сказал Ян.

– Три тысячи лет? Так вот в чем дело! Я уже месяц бьюсь над расчётами, а ответы на все мои вопросы принёс мне мой младший сын. Это невысказано! Теперь стало понятно, почему пошла активация теней по всем фронтам. Я искал, где прореха между мирами, и не понимал. Все расчеты показывали, что все должно было быть в порядке. Но я-то искал земную причину, а она оказалась совсем в другом! В космосе! Подумать только! Магнитары...

– Точно! Он также сказал. Магнитары! А что это такое, пап? – спросил Ян.

– Пульсирующие звезды, способные менять материю.

Примерно раз в три тысячи лет они встают в определенную конфигурацию, и сливаются наши миры воедино, вот как получилось, что четыре проклятых призрака разгуливают по нашим улицам, как у себя дома. Пройдет немного времени, и они обретут земную плоть, и я утверждаю – все мы в большой опасности.

Он посмотрел на застывших ребят тяжелым взглядом.

– Пора объявлять тревогу. Надо послать сойку, – сказал он.

Несколько минут в полнейшей тишине Джон писал, сосредоточенно подбирая слова. Когда письмо было готово, он сходил на кухню и вернулся, держа в руке коробок спичек. Джон положил письмо на металлическое блюдо, стоявшее на краю его стола, чиркнул спичкой и поджег его.

Бумага быстро вспыхнула, пламя пробежало по листку, и тот свернулся в мерцающий яркими искрами комок пепла. Джон осторожно поднял над ним руку, сосредоточенно посмотрел на сгоревший листок и стал медленно вытягивать руку вверх. За рукой, как за магнитом, оторвались от сморщенной бумаги и поплыли вверх искрящиеся, как угольки, буквы. Вскоре Ян увидел, что весь отпечатанный текст повис в воздухе под рукой отца. Через мгновение буквы обернулись птицей и вылетели сквозь закрытое окно, прямо через стекло, не разбив его.

– Всё. Дело сделано. Через пару часов все будут оповещены. Все сэнмиры должны собраться на совет. То, что про-

изошло – очень серьезно.

Джон устало сел в кресло, снова взглянул на мальчишек и улыбнулся.

– Да вы же все продрогли! Давайте раздевайтесь быстренько, мойте руки и марш на кухню, буду вас кормить... – сказал он.

Зашумел на плите чайник, на столе, застеленном красной клеенкой, появились бутерброды, сложенные аккуратной стопкой на тарелочке с голубой каемочкой. Джон достал из настенного шкафчика две расписные чашки и поставил на стол перед ребятами, налил заварки и кипятку, взял чайную ложечку и добавил в каждую чашку по три добрых ложки сахара, чтобы мальчишки поскорее согрелись и пришли в себя. Ян и Тим молча жевали, а Джон ходил по кухне, рассуждая вслух.

– Мы всех предупредили, это хорошо, теперь важно подумать, что нам делать дальше. Общий сбор назначат на ближайшее время, а до тех пор всем нам надо быть начеку. Хорошо, что ты увидел их, Ян, мы смогли поднять тревогу, но, увы, я не уверен, что они не видели тебя.

– Я не знаю, пап, мне кажется, меня не заметили, – сказал Ян, прожевывая кусок хлеба.

– Увы, но это практически невозможно, – глубоко вздохнув, сказал Джон, – эти твари очень хитры... Ты был там, и в любом случае там остался твой след. Не исключая, что они вышлют ищейку.

– А это еще что? – спросил Ян обеспокоенно.

– Это мерзкое создание из мира теней. Напоминает гигантского осьминога или спрута. Он невидим для человеческого глаза, передвигается по воздуху и засовывает свои щупальца везде, где только может найти энергии человека, которого ищет. Он будет проверять дом за домом, зависая над крышей. Он пойдет по следу, но будем надеяться, что наш городок не настолько мал, чтобы он успел это сделать за 24 земных часа. А там, мы будем уже далеко. И, кстати, школу вы завтра оба пропустите, а после обеда я перевезу вас в безопасное место.

– Ах, любимая школа, – притворно огорчившись, сказал Ян, – какая жалость, что мы не увидимся завтра...

– Вы думаете, ищейка будет искать Яна? – спросил Тим.

– Присутствие любого сэнмира где бы то ни было оставляет энергетический след. Мы пока ничего, увы, не можем с этим поделать. Мы всегда рискуем, отправляясь в дозор, и должны быть к этому готовы. Тени... они могут чувствовать все на тонком уровне, тем более эта четверка, ведь они такие же, как и мы, раньше они тоже были сэнмирами.

– Как? – удивился Ян.

– Я читал об этом, – тихо сказал Тим, – четыре проклятых призрака – это бывшие сэнмиры, предатели.

– Да, все так и было, – сказал Джон, – Около четырехсот лет назад...

– Так все это было из-за какой-то звезды? – спросил Ян.

– И да, и нет... – ответил Джон, – просто это такая история, которую в школе не расскажут. Итак, все по порядку...

Глава 5. Московия.

То был легендарный царский род – род Рюрика, раздробившийся с течением времени на множество ветвей, правящих во многих княжествах и прославленных королевствах. Последние правители этого царского рода жили в нашей стране, когда она еще называлась – Московия, и род этот оборвался в череде трагических событий, ознаменованных восхождением сверхновой звезды – звезды Кеплера.

Зажглась сверхновая звезда, зажглась в тринадцатом созвездии, самом мистическом и зловещем – созвездии Змееносца. Это произошло на расстоянии 20 тысяч световых лет от Солнца, и все же звезда была невооруженным глазом видна в небе в течение целого года, она была не просто ярче всех звезд на небе, она была ярче луны! Это событие поразило самого Галилея и всех его современников. В это же время к Земле приближается Марс – планета войн и конфликтов, так что судьба всего человечества была под большой угрозой.

Рождение сверхновой звезды сопровождалось мощным взрывом, во время которого ее оболочка разлетелась с невероятной скоростью, образуя энергию, которую легко могли использовать те, кто знал, как это делается – сэнмиры. Все, что осталось от множества обитаемых миров на расстоянии 6000 парсек от нас – это звездная пыль, видимая с земли как

некая туманность. Вот какая сила, только представьте, чего можно достичь с ее помощью!

– Но я не понимаю, – сказал Тим, – у сэнмиров разве есть такие технологии?

– Были, Тим. Были такие технологии. Кристалл судьбы – вот эта технология, ныне утерянная, к сожалению. С его помощью можно было не только контролировать энергетические потоки любой мощности, но и трансформировать их во все, что только пожелаешь.

– Как очки и кольцо? – спросил Ян.

– Очки и кольцо – это лишь усилитель наших природных способностей – они используют энергию мысли сэнмира, – продолжал Джон, – по сути это не нужные приспособления, которые мы используем только из-за большой лени. Если потренироваться, они и не нужны вовсе. А вот Кристалл позволял использовать и трансформировать любую энергию: энергию ветра, энергию Солнца, даже энергию от взрыва сверхновой. С такой колоссальной энергией можно не просто управлять стихиями, а создавать новые миры. Мощь необычайная.

Так вот, во времена правления Рюрика, сейчас в школе вас учат, что его звали Иван Грозный, жили четверо сэнмиров, которые, предвидя рождение сверхновой звезды, захотели с помощью Кристалла судьбы подчинить себе весь мир. Это были Кливерт, Смолл, Ларсон и Дулли. Они вмешались в ход человеческой истории, а закончилось все тем, что они

сдвинули точку сборки, и, если бы мы не успели вовремя, – наш мир просто исчез бы с лица земли.

– Значит, четыре врага рода человеческого, – проговорил потрясенный Ян.

– Злым гением всего заговора был сэр Смолл, или как тогда его звали земные жители Малюта...

– Малюта Скуратов – опричник Ивана Грозного? – удивился Тим.

– Он самый.

– А Кливерт? – спросил Ян.

– Кливерт? Кливерт был началом, спусковым крючком, первопричиной череды разрушительных событий, если хочешь, ведь кливер – это самый первый парус на носу корабля...

У Кристалла судьбы всегда были хранители, избранные, которые отказывались от всего ради своего служения. Когда умирал один хранитель, всегда на Земле появлялся новый, причем им мог быть кто угодно, Кристалл сам призывал хранителя, пробуждая в нем особую силу. Так вот, Кливерт и был в те времена хранителем Кристалла.

– Как? Проклятый призрак был хранителем?

– Он не всегда был плохим, но в силу определенных причин стал таковым.

– Так вот оно что! Он и есть предатель! И что было дальше? – спросил Тим.

– Давайте вернемся на четыре сотни лет назад, и я открою

вам правду о том, как четверо проклятых призраков уничтожили род великого Рюрика и погубили Московию.

Мировое господство всегда было идеей фикс земных правителей еще с сотворения мира, но мы не могли даже подумывать, что это может соблазнить сэнмиров. Эта идея, как ржавый гвоздь, засела в по-змеиному коварной голове Смолла. И он решил, что сделает все возможное, чтобы добиться цели. Уж не знаю, как он сумел убедить Кливерта, но тот передал ему Кристалл судьбы, и Смолл воспользовался им. Он призвал к себе на службу все низменные сущности, все силы зла, существующие в мире людей и все с одной целью – уничтожить царский род и властвовать самому.

Вы помните знаменитую картину – «Иван Грозный убивает своего сына»? Так вот, это все подделка. Переписанная история. Царевич вовсе не умер от руки своего родителя. Он умирал долго и мучительно, все тело его было пропитано ртутью и мышьяком, – сильнейшими по тем временам ядами. Его убили силы зла, которых призвал на свою службу Смолл, завладевший Кристаллом судьбы.

– Он его украл? – спросил Ян.

– О нет, Кристалл нельзя украсть. Ты умрешь, если прикоснешься к нему. Кристалл должен быть передан тебе в руки хранителем добровольно.

Так вот, молодой наследник Ивана Грозного, юный царевич – святая душа, чувствует беду, нависшую над его домом,

и отправляется на богомолье, которое, как он надеялся, спасет его род. Он не был сэнмиром, но был человеком тонким и чувствующим, с хорошо развитой интуицией – он отправился в путь, зная, что это может стоить ему жизни, в самое зловещее время в году, в ноябре месяце, во время скорпиона-змееносца – он все-таки рискнул, но, увы, звезда зажглась, царевич был обречен.

Смолл был тогда особой, приближенной к царскому дому, правой рукой царевича. Каждый день он подносит царевичу воду, которую информационно насыщает мышьяком и ртутью. Физические свойства воды это не меняет, и царевич ни о чем не догадывается, но пьет настоящий яд.

Другому заговорщику он отдает приказ убить еще не рожденного младенца, наследника во чреве жены царевича. Она рождает мертвого ребенка, мальчика. За это злодейство и дано ему будет его проклятое имя Ду-литл – Дулли.

Царевич умирает от яда, наследника у него уже нет, и на престол заговорщики ставят другого сына царя, которого они попросту сводят с ума. Народ прозвал его «блаженным», а иностранные послы писали просто: «дурак».

Оставался еще один наследник, самый младший сын Рюрика, царевич Димитрий, последняя угроза для замыслов Смолла. Рожден царевич был при столь странных и даже мистических обстоятельствах, что в народе полагали тогда, что этот ребенок – новое воплощение царского первенца. Про реинкарнацию никто еще и не знал тогда из людей.

Узнав об этом, Ларсон, последний из заговорщиков, навел на царевича падучую болезнь, эпилепсию, и во время одного из приступов тот упал на свой собственный нож. Ларсон – производное от ЛастСон – последний сын. Это самый жестокий из всех призраков. Царевич умер на руках своей кормилицы. Очевидцы писали: «нашла на царевича болезнь черная». Так призраки стерли весь царский род с лица земли. Предана смерти была целая династия. Это был заговор – подлый, беспощадный. Целая ветка истории ушла в небытие. Мир был втянут в хаос и смуту.

На престол возводят человека, по сути, уже правящего страной при царе-дураке. И кто это был? Зять Малюты Скуратова – Борис Годунов! Заговорщики достигли своей цели. Но дело было в том, что маховик сил зла уже был запущен.

Смолл и его сообщники еще не знали, к чему это приведет. Зло служило заговорщикам: они отравили первого царевича, свели с ума второго, убили третьего, но после достижения поставленной цели силы зла остались «без дела», а пренебрежения они не прощают – они набросились на своих же хозяев. Не находя себе другой цели, они обрушились на земной мир. В стране разразился страшный голод, три неурожая подряд, вспыхнули восстания, по сути – гражданская война. Началась смута. Силы зла привели в страну иноземцев, они же создали лжецарей, которые драконили землю еще много лет...

Тут уже и сами заговорщики стали понимать, что что-то

пошло не так, не по плану, так сказать. Призвав в союзники силы зла, они не смогли их контролировать, все стало оборачиваться против них. И тогда Смолл принял то решение – использовать энергию сверхновой звезды, создать новый мир, которым он смог бы править безраздельно. Старая Московия подлежала уничтожению.

– И чем все закончилось?

– Наводнением и взрывом, но мы успели вовремя. Наш мир пострадал, но не погиб. Увы, Московии больше нет на картах Земли, мало кто помнит о ее существовании, но человечество выжило, а четырех заговорщиков перенесло в мир теней. Проклятые призраки – вот во что была превращена эта четверка.

В это время прямо через закрытое окно влетела сойка. Джон посадил ее на лист бумаги и прочитал послание.

– Собрание назначено на завтра, ровно в полночь, – сказал он. – Тим, уже поздно, я позвоню твоим родителям. Лучше тебе остаться сегодня здесь. Кровать Лэсли пустует, тебе будет удобно. А сейчас, прошу прощения, у меня есть одно неотложное дело.

Глава 6. Спасти Софию Саливан.

Ровно в 8 утра Яна разбудил звонок в дверь. На пороге дома стояла его школьная подруга – София Саливан. Каждый день, они вместе шли в школу, ждали друг друга у подъезда, и изменить это могли только очень серьезные обстоя-

тельствва.

– Ян, привет. Ты что, в школу не идешь? Почему ты все еще в пижаме? Я уже даже вышла на улицу, все ноги отморозила ждать тебя.

«Как ей объяснить, почему я не иду в школу...», – подумал Ян, – «Может сказать, что заболел?»

– Я болею, не пойду сегодня. Иди без меня, – извиняющимся голосом сказал Ян и покашлял для правдоподобности.

– А позвонить ты не мог?

– Я спал... Прости...

– Ну, можешь спать дальше... – обиженно сказала София, – но учти, что сегодня контрольная, решающая оценка в четверти! – и она побежала вниз, перепрыгивая через две ступеньки.

Ян вошел в комнату, поежился от холода и опять залез под одеяло. Как уютно было лежать в мягкой, тёплой постельке...

– Кто это был? – неожиданно раздался сверху чей-то голос. Ян чуть не свалился с кровати... и тут же вспомнил события предыдущей ночи.

– Тим! Я чуть не умер, нельзя ж так пугать...

– Ха-ха, не говори мне, что забыл, что я здесь. Так, кто это был, ты так и не ответил... Забавная девчонка, – Тим стоял у окна и смотрел в след убегавшей в школу Софии.

– Моя хорошая знакомая, – уклончиво ответил Ян.

– Настолько хорошая, что ходит к тебе по утрам домой?

– Мы просто ходим в школу вместе, что тут такого?

– Да нет, ничего особенного, – Тим улыбнулся хитрыми глазами, и пригладил ежик волос у себя на голове.

Ян встал и пошел на кухню. Хлопнула дверца холодильника, зазвенели чашки.

– Есть будешь? – раздался его голос.

– Спрашиваешь, – вскочил Тим и поплелся на зов желудка, манящего на кухню.

Они намазали хлеб маслом и джемом, наколдовали себе две большие кружки обжигающе-горячего какао и сели завтракать. Но спокойно поесть им не удалось. Затрещал телефон, Ян бросился к трубке. Звонила мама.

– Ян, сынок, проснулся? Завтракаешь? Не хотела тебя будить с утра, ты же знаешь, как я рано ухожу на работу. Папа мне все рассказал, и я волнуюсь, как у тебя дела?

– Все нормально, мам, сидим вот с Тимом, завтракаем... София заходила, в школу звала, пришлось наврать ей...

– София? Заходила? Вы стояли рядом?

– Да, а что?

– Ян, милый, на ней теперь есть твой след, и это может быть опасно для нее. Даже не знаю, что теперь делать. Я перезвоню, – и мама повесила трубку.

– Блииин, – простонал Ян.

– Что случилось? – Тим с бутербродом во рту вышел из кухни.

– Вот я осёл! Не надо было открывать ей дверь вообще!

– Кому?

– Да кому-кому... Софийке. Теперь этот спрут, омар-кальмар будет охотиться на нее, ведь она последняя кто меня видел, на ней самый свежак! Понимаешь ты! – и Ян протяжно застонал.

– Так, ничего хорошего, конечно, но давай без паники, мы что-нибудь придумаем, – сказал Тим, наконец-то прожевав кусок.

Они сидели молча, сосредоточенно жевали бутерброды, запивая обжигающим какао, и думали... Думали... Громко тикали часы, дворник на улице скреб лопатой снег. Вдруг Ян восторженно просиял.

– Придумал! Давай запутывать следы! Как зайцы! – вдруг предложил он.

– Это как?

– Будем бегать по городу. По разным улицам. Я тебе дам свою одежду, чтобы ты был ну, как я, и запутаем спрута! Те-ма?

– Заметь, не я это предложил. Ты хоть соображаешь, что такое ищейка? – и Тим покрутил пальцем у виска.

Их разговор прервал телефонный звонок. Ян, от стремительного порыва у него с ноги слетел тапок, на одной ноге подскочил к аппарату. Звонил Джон.

– Ян, – голос отца был серьезен, – мама мне рассказала про девочку. Ян, надо забрать ее из школы. Я не могу за ней

сходить, мама тоже, придется вам с Тимом. Но вам нельзя выходить на улицу без плащей.

– Каких плащей, папа, сейчас зима, – удивился Ян.

– Это особенные плащи-невидимки. Они лежат в шкафу. Смотри, сейчас ты пойдешь ко мне в кабинет и откроешь гардероб, там есть «двойное дно», откроешь фальшивую стенку, возьмешь 2 плаща, тебе и Тиму. Наденете плащи синей стороной вверх, прямо на одежду. Хорошо? Синим вверх. Так ты будешь виден в мире людей, но невидим для любых других существей, плащ скроет твои энергии. Ты все понял?

– Да, пап, синей стороной вверх...

– Ну, давай, не тяни с этим, заберете Софию и пойдете к Тиму на Бликкер стрит, так безопаснее, там пока еще нет твоего следа. Домой не возвращайся, – и Джон положил трубку.

Ян с трудом открыл фальшь-панель у гардероба. Столько там было непонятных вещей, что у него разбежались глаза. Так хотелось все это рассмотреть, потрогать, примерить на себя, но он помнил слова отца, что Софию надо забрать из школы как можно быстрее. Ян бережно закрыл шкаф и вышел из кабинета. Тим уже оделся и ждал его.

– На вот, держи! Плащ-невидимка, новейшая модель, нанотехнология! – и Ян протянул ему один из плащей, – Одеваем синей стороной вверх, это чтобы нас не видели существей.

– А другой стороной?

– Не знаю.

– Давай проверим?

– Давай.

Мальчишки вывернули плащи на изнанку и набросили на плечи.

– Ой, Ян, ты пропал, тебя ж не видно!

– Тебя тоже! Вот класс! Настоящий плащ-невидимка! Что ж я раньше про такой плащик не знал... Очень, понимаешь, полезная вещь...

– У моих предков, поди, тоже такие есть, но они не говорили никогда...

– Не было повода, наверное.

– Да, наверное.

– Ну что, – спросил Ян, снимая плащ, – как мы пойдем в школу в этих плащах. Не понимаю... Прямо по улице что ли? На нас все пальцем показывать будут.

– Ну да, это, наверное, плащ для путешествия по другим мирам, чтобы там невидимыми быть.

– Да уж... Что думаешь, пойдем, ну как дебилы, да?

– Не знаю. А может нам просто взять их с собой? Увидим спрута, наденем плащи, а?

– Да, давай. Не очень мне хочется по улицам в плаще до пят ходить, как клоун какой. Одно дело очки, другое дело вот это...

И они, упаковав плащи в сумку, вышли из дома. Сне-

жок поскрипывал под ботинками, дышалось свободно и легко. Яблонева улица была озарена утренним светом, от чего желтый дом Яна, казалось, светится изнутри. До школы было всего 2 квартала по диагонали. Дорога, двор наискосок, еще дорога и еще один двор, и вот, они уже у школы.

– А как мы в школу-то войдем посреди занятий, не будет вопросов лишних? Может, наденем плащи серебряной стороной вверх? – предложил Тим.

– Да, пожалуй. Не очень ведь хочется, чтобы учителя тебя застукали и начали спрашивать: «Где ты был, почему не на уроке...». Объясняться с ними ну совсем не хочется, – Ян поддержал идею друга.

Дверь в школу открылась и закрылась, а два невидимых мальчика прошмыгнули внутрь. В каморке возле входа сидела пожилая женщина и клевала носом над вязанием.

«Ветер что ли?» – подумала гроза всех опаздывающих учеников престарелая вахтерша Марья, а Ян и Тим уже спешили к доске с расписанием.

– Смотри, вот ее класс, давай посмотрим, какой сейчас урок идет. Сколько сейчас времени? – прошептал Ян.

– Половина двенадцатого, – так же шепотом ответил Тим, взглянув на школьные часы в коридоре.

– Кто тут? – вскочила со своего места встревоженная вахтерша, услышав непонятный шепот.

– Смотри, литература, это второй этаж, идем, только тихо, – опять зашептал Ян.

– Эй, кто тута пьчется! Выходи щаз-жа! – Начала сердиться Марья, но до нее донесся только шум удаляющихся шагов и едва сдерживаемый смех. Долго она еще заглядывала за угол, пытаясь поймать хулиганов. Притаится и ждет... потом как выскочит с победным криком: «Ага!!!! Вот я вас!» – а нет никого. В конце концов, ей это надоело, и она пошла к своему месту, уселась на стул, но все равно видно было, что прислушивается. «Ходят тут, понимаешь... Топают, шушуют... бездельники», – ворчала Марья.

Кабинет литературы был на втором этаже. Урок недавно начался, и у них были все шансы успеть забрать Софию и выйти из школы незамеченными до того, как прозвенит звонок. Ян приоткрыл дверь и осторожно заглянул в класс.

– Её там нет, – сказал он удивленно.

– Как так нет? А где она?

– Понятия не имею.

Они прислушались к тому, что говорила учительница, вдруг станет что-то понятно. Но учительница преспокойно продолжала вести урок.

– Времени мало, нам надо что-то придумать, – Ян явно нервничал.

– Сходи и спроси кого-нибудь, где она.

– Кого спросить? А главное как?

– Эх ты... всему тебя учить надо... – и Тим прямо в плаще-невидимке шагнул в класс.

Он вошел в класс и осмотрелся. На среднем ряду, на по-

следней парте сидел какой-то двоечник и явно клевал носом. Тим подошел и сел рядом. Затем он незаметно взял карандаш и тетрадку мальчика, тот даже бровью не повел. Тим открыл тетрадь и начал писать в ней: «Где сейчас София Саливан?» – карандаш плавал в воздухе и выводил круглые буквы. Взгляд сонных глаз вдруг стал заинтересованным, мальчик стал оглядываться по сторонам, потом пододвинул к себе тетрадку и прочитал надпись. Он еще раз посмотрел по сторонам, взял карандаш и написал: «На репетиции, в актовом зале». Тиму только это и было нужно.

Потом этот мальчишка с пеной у рта будет доказывать одноклассникам, что его карандаш сам умеет писать, но никто ему не поверит. В конце концов, он и сам начнет думать, что все это было лишь игрой его воображения. Всякое бывает в жизни...

Глава 7. «Белоснежка» и лошадиная голова.

– Сейчас идем в актовый зал, там прячемся за сценой. Потом снимаем плащи, подходим к Софии и говорим: так, мол, и так, надо срочно, чтобы ты с нами шла... – сказал Тим, увлекая Яна за собой вверх по лестнице.

Первую часть плана они выполнили успешно. Они незамеченные пробрались в актовый зал. Репетиция была в самом разгаре, и никто не обратил на них никакого внимания. Плащи были свернуты и спрятаны за кулисами среди множества театральных костюмов.

София была на сцене. Осталось лишь придумать, как добраться до нее, не привлекая к себе особого внимания.

– Как бы нам на сцену выйти, чтобы нас никто не узнал? Не больно-то хочется показываться... Ты-то здесь чужой, а я соврал, что болен и в школу не пошел, – сказал Ян.

– А как ты предлагаешь это сделать?

– А вон, смотри, сколько театральных костюмов, давай оденемся в них и выйдем!

– Как это? – не понял Тим.

На сцене играли «Белоснежку». Разумеется, Белоснежкой была София. Был уже почти самый конец постановки, и София лежала в «хрустальном гробу», сделанном из оргстекла и поставленном на двух табуретках. Прекрасный принц уже проскакал на боевом коне пол страны и готов был подойти к гробу – целовать принцессу, но что-то не клеилось в его роли, и он уже в десятый раз читал свой монолог. Белоснежка терпеливо продолжала лежать в гробу, весь актерский состав с печалью и тоской в глазах взирал на это безобразие из зрительного зала.

Ян исчез и через секунду вдруг вынырнул из недр кулис с чем-то громадным в руках: с одной стороны торчал мощный, почему-то блестящий хвост, а с другой – лошадиная морда, с подпрыгивающими при каждом движении косыми глазами.

– О! Смотри! Махнул, не глядя! Костюмчик знатный! Конь-огонь! – и Ян свалил свою добычу к ногам друга.

Костюм был, как в цирке, когда 2 клоуна влезают в один

костюм лошади, первый одевает на себя голову, а второй – задние ноги с хвостом, потом они сцепляются и двигаются вместе, изображая лошадь.

– Терзают меня смутные сомнения... – сказал Тим.

– Ну а как еще выйти на сцену, чтобы нас никто не узнал при этом, а? Сам посуди... у принца же должен быть конь, вот, пожалуйста – вуаля, – Ян похлопал коня по голове и глаза его подпрыгнули в выпученных глазницах, – прекрасный костюмчик... мы его наденем...

– А настоящий конь где? – спросил Тим.

– Откуда мне знать, покурить вышел... – сказал Ян.

– Лошади не курят, их никотин убивает.

– Ну, это фигура речи, не цепляйся к словам!

– Ну давай тогда, ты лезь в голову... А я это... ногами буду что ли, – сказал Тим, – А то тебе ж с Софией разговаривать... Надо чтобы голова говорила, а не ... ну сам понимаешь.

Они быстро впрыгнули в костюм. Пока прекрасный принц в сотый раз повторял свои слова, конь стал потихонечку выходить на сцену. Лошадиная голова показалась и исчезла за кулисами. Над партером прокатилась волна дружеского ржания – это смеялись ребята из зрительного зала.

Неуклюже перебирая ногами, конь вывалился на сцену, зал притих, ожидая, что же будет дальше. А Белоснежка по-прежнему лежала в гробу, смотрела в потолок и ничего не подозревала. Конь, незамеченный принцем, тихо-тихо, буквально крадучись, подошел к ней и склонился над гробом.

Косые глаза его собрались у носа в кучу и задергались в огромных глазницах, готовые выпрыгнуть, нижняя челюсть открылась и произнесла: «ПРИВЕТ!»

Оглушительный вопль, а за ним грохот потрясли школьные стены – это рухнул со своих табуреток «хрустальный гроб» со всем его содержимым.

– Дебилы! Какие вы идиоты! А ты, Ян, ну уж никак от тебя такого не ожидала! – ругалась София, потирая ушибленное плечо, – Я чуть не разбилась! И вообще... Ты ведь вроде болееешь, какого лешего ты припёрся в школу? И кто это вообще с тобой?

– Это Тим... – красный, как рак, Ян виновато стоял, опустив глаза в пол и не зная, что ей ответить. Он никак не ожидал, что его появление возымеет такой неожиданный эффект. Голова коня с грустными глазами, смотрящими в одну точку, валялась у его ног.

– София, пожалуйста, – голос Тима остановил поток ругательств на одно мгновение. – Мы должны с Яном кое-что тебе сейчас объяснить.

– Ну, уж нет! Это я вам сейчас буду объяснять, господа хорошие!

– София, я очень тебя прошу, пожалуйста, пройдем за сцену, – сказал Ян и потащил сопротивляющуюся Софию за кулисы.

Тим, поддерживая ноги боевого коня, плелся следом.

– Ну, что вам от меня надо, – сказала София, наконец,

успокоившись.

– София... как давно ты знаешь Яна Енсена? – спросил вдруг Тим.

– С первого класса... – удивилась неожиданному вопросу девочка.

– Ты знаешь Яна давно, – сказал он, – но ты не знаешь, кто он. Мы никогда не открыли бы тебе эту тайну, если бы не серьезные обстоятельства...

– Какую тайну? Что за обстоятельства? Очередная придурь?

– Это не розыгрыш! Тебе угрожает опасность, – вмешался в разговор Ян. София рассмеялась.

– Да, именно! Опасность быть убитой на месте огромным радужным единорогом, или кто это у вас такой, – она с силой пнула лошадиную голову, так что глаза вновь запрыгали.

– Ну, что ты будешь с ней делать, – сказал Тим. С этими словами он ушел куда-то, но через секунду уже вернулся, держа в руках сэнмировские плащи-невидимки. Он надел один из них, и, разумеется, тут же растворился в воздухе, а София широко раскрыла глаза и удивленно вскрикнула. Тогда Тим снял с себя плащ и заговорил.

– Ну, убедилась, что это не розыгрыш? Теперь ты знаешь, что мы не врем, и ты должна поверить нам. Твоя жизнь, как и наша, собственно говоря, в опасности. И сейчас нам нужно как можно быстрее увести тебя из школы.

– Всем бы нам, надо поскорее слинять отсюда! – вставил

Ян.

– Все это здорово, конечно, но как я сбегу с уроков?

– И еще, надо будет уйти из дома на несколько дней. А на сколько, я даже не знаю, – Ян смотрел на нее умоляющими глазами.

– Это вы замечательно придумали, а что я скажу родителям... куда я делась?

– Не волнуйся за это, – улыбнулся Тим, и в глазах его запрыгали озорные искорки, – мы сделаем твой фантом. Это будет точная копия тебя на момент здесь и сейчас. Он будет знать все то, что знаешь ты, всех друзей в классе, учителей, заданные уроки... Он будет действовать по привычным для тебя шаблонам: отвечать на вопросы, есть, спать, – в общем, вести себя в точности, как вела бы себя ты. Конечно, любых шаблонов в экстренных ситуациях будет недостаточно, но я надеюсь, что на пару дней этого хватит.

Тим достал из кармана и надел очки, затем он соединил две руки над головой Софии и плавно, с усилием стал разводить их в стороны. От Софии отделилась ее точная копия и сместилась в сторону от девочки.

– Ничего себе, – воскликнул пораженный Ян, – кто тебя научил?

– Сам научился! Главное всегда помнить, что невозможного не бывает! Все ограничения – вот здесь, – и он постучал пальцем по голове Яна, – Тук-тук.

– Да-да, войдите, – ответил тот с улыбкой.

– Ребята, ну вы даете, – София просто остолбенела от удивления, она трогала пальцем свою копию, – Как живая!

– Конечно живая! И это ты... на пока. Ну, все, нам пора уходить, Ян одевай плащ.

– А как же София? – сказал Ян.

– А что София?

– На нее же нет плаща!

– Марья меня ни за что не выпустит из школы до конца всех уроков! – сказала София.

– Хм... А мы ее отвлечем! – заявил Тим, – Ян, возьми ... ну хоть эту лошадиную голову...

– Хорошо, только сначала... я должен кое-что сделать, – сказал Ян.

– До звонка осталось совсем ничего, ты не успеешь! – возразил Тим.

– О, нет! Успею! – и Ян, схватив плащ, бросился бежать вниз по лестнице. – Спускайтесь, София, одевайся пока, я буду ровно через минуту! – крикнул он.

Вахтерша Марья уже довязывала свой шарф, когда в пустоте коридора раздалось конское ржание.

– Что еще такое... Опять хулюганы этакие! – она взяла большую швабру и пошла в сторону удаляющегося звука лошадиного ржания и топота копыт. Никого...

– Иго-го! – заржала лошадь над самым ее ухом, и вдруг, прямо из пустоты выскочила лошадиная голова и дико задергала косыми глазами.

О! Что это была за голова! Лучшая в мире голова: нижняя челюсть болтается в разные стороны, а грива, грива... наэлектризованным блестящим веером из мишуры – просто дыбом стоит и огнем горит!

– АААААААА! – заорала Марья и бросилась бежать сломя голову. Она добежала до своей коморки, закрылась на все замки и вышла оттуда только после того, как директор лично пришел подтвердить, что никакой опасности ей не угрожает. Но это было потом, а пока...

Фантом Софии вернулся в класс и благополучно сел за свою парту. Прозвенел звонок, а Ян, Тим и София уже давно вышли из школы.

– Ну и зачем же ты убежал, может быть, расскажешь все-таки? – с любопытством спросил Тим.

– Да так, проведал старых друзей, – ответил Ян.

Он рассказал, что вспомнил, как Тим незамеченным вошел в класс Софии. Воспользовавшись моментом, он надел плащ и вошел в свой собственный класс. Шел урок истории, и учителя мало кто слушал, все были заняты своими делами. Старые знакомые Яна, Фред и Мартин сидели вдвоем на последней парте и увлеченно играли в морской бой. Ян нырнул под парту и осторожно связал шнурки на ботинках своим «новым друзьям».

– Пусть повеселятся, – со смехом сказал он. – Ну, когда еще придешь в школу в плаще-невидимке.

Глава 8. Лисьи норы.

Тим жил на Бликкер стрит. Это была просторная квартира на 18 этаже высотного дома, очень уютная – четыре комнаты и кухня. Обстановка квартиры не была роскошной, но во всем чувствовался тонкий вкус и стиль. Отделка была по последнему писку моды, дубовый паркет ложился в причудливые узоры, по стенам висели картины в изящных рамах.

Тим как гостеприимный хозяин пригласил гостей выпить чаю, наступало время обеда, и ребята здорово проголодались. Тим ухаживал за Софией, он заботливо пододвигал девочке то баночку с вареньем, то вазочку с печеньем, то корзину с фруктами. Смущенная таким вниманием София, косилась на Яна, который уплетал за обе щеки, ничуть не стесняясь.

Входная дверь хлопнула, и в кухню вошла голубоглазая, светловолосая девушка лет семнадцати – в длинном платье, с распущенными волосами она была бы похожа на фею из сказки, если бы не очки.

– О! Привет, сестренка! Знакомьтесь, ребята, это моя старшая сестра Адель.

– Привет-привет, – ответила Адель, – Все про вас знаю, хорошо, что кушаете, силы вам сегодня еще понадобятся, дорога будет долгой и не простой. Мы все сегодня отправляемся в общий дом сэнмиров.

– Какой-какой дом? – удивленно переспросила София.

– Ну, это такой общий дом, где могут сразу все собраться

– ответил Тим, – ты, разумеется, идешь с нами. Какие новости? – спросил он у Адель.

– Ищейка в доме у Яна, – просто и спокойно ответила девушка.

– Как? – изумился Ян.

– Могу показать, если хочешь, только дайте сперва горяченького, а то я замерзла, как цуцик, – улыбнулась она.

Тим мгновенно налил ей кипятка из стоящего на плите чайника.

Адель отхлебнула чай из протянутой ей чашки, потёрла ладони друг о друга и пошла к Яну.

– Таааак, – растягивая слова, проговорила она, продолжая потирать и похлопывать ладонями, – Давай, посмотрим. Закрой-ка глаза, – и она положила все еще холодные руки на виски Яна.

Он увидел свою комнату: все предметы знакомые с детства были искажены, как в кривом зеркале. Он мысленно прошел дальше, как бы сквозь стену и оказался в гостиной. Там, под потолком, раскинув длинные и тонкие нити-щупальца, висело нечто мутное, как сгусток темноты, оно мерно покачивалось, шевеля щупальцами и изучая каждый сантиметр пространства.

– Фу! Что это? Гадость редкая, – сказал Ян.

– Это ищейка, ищет тебя, – как бы, между прочим, сказала Адель. – Твои энергии оставили след в доме, где ты видел призраков, сейчас ищейка нашла твой дом, там она собира-

ет информацию, чтобы передать своему владельцу. Изучает, ждет, что ты вернешься, но скоро поймет, что к чему, и двинется искать дальше...

– Мальчик-мальчик, гроб на колесиках ищет твою улицу, – рассмеялся Тим.

– Не смешно, – ответил Ян.

– Ну, ребятки, ешьте спокойно, я отлучусь ненадолго, – с этими словами Адель вышла в подъезд, но не прошло и 5 минут, как она буквально ворвалась в квартиру, сильно хлопнув дверью. Тяжело дыша, она прижалась спиной к закрытой двери.

– А что так быстро? – удивился Тим.

– Ну-ка рассказывайте, что у вас там случилось, и почему ищейка уже над нашим домом? – спросила Адель.

– Как над нашим домом? – сглотнул чай Тим.

– А так! Я даже из подъезда толком выйти не успела, соседка задержала, у нее пёсик беленький такой, милашка, вот мы и разговорились. Выхожу из дома, ба! Шевелит своими щупальцами уже по нашей крыше! Ползет, зараза такая! На все реагирует, меня почувствовал и прям ускорился, гад! Тянет ко мне свои клешни...

– Это все из-за плащей, – прошептал Ян, шлепнув себя с размаху ладонью по лбу, – Надо было все-таки их надеть.

– Эх вы, ну чисто дети, – рассердилась Адель, – С ищейкой шутки плохи. Думаю, у нас есть пара минут, но не секундой больше. Тим, берем только самое необходимое. Где

твои очки?

Тим метнулся в комнату и вышел оттуда уже в очках. Затем он подошел к Софии.

– Нам пора, – Тим схватил девочку за руку и потащи в коридор, на ходу хватая пальто.

– Эй, товарищи мои дорогие, куда вы? Не собираетесь же вы выйти в дверь? – Адель кричала им из комнаты. – Идите сюда, да побыстрее.

Войдя в комнату, они увидели Адель, на ней было накинуто длинное белое пальто. Ковер на стене был откинут в сторону, и за ним зиял чернотой огромный проем распахнутой настежь двери. В руках у Адель был горящий электрический фонарик, точно такой же какой подарил Яну его брат Лесли перед отъездом.

В узком, затянутом паутиной коридоре пахло плесенью, сырым цементом и какой-то едой из вытяжек соседних квартир. Там было очень тесно и грязно. Не обращая внимания на грязь на стенах, Адель быстро продвигалась вглубь.

– Этот коридор проведет нас сквозь весь дом к запасному выходу, – говорила она, – Сначала идём до трубы, а по ней – в точку высадки. Такие ходы есть во всех домах, где живут сэнмиры-лисы. Второй выход из норы должен быть всегда – это закон.

Они шли в темноте, освещаемой лишь лучом фонаря. Через несколько мгновений луч нащупал металлический люк в полу. Он был большой и широкий, со старинной литой

двухстворчатой крышкой. С трудом Адель сдвинула тяжелые створки люка и посветила фонариком в глубину проема.

– Путь свободен. Никого, – сказала она.

– Что у тебя за фонарик такой? – спросил Ян, – Мне брат подарил такой же...

– О! Тебе очень повезло! Это большая редкость! Таких фонариков осталось во всем мире не больше десятка. Их уже не выпускают. Это очень ценный подарок. Фонарик не просто светит, в его луч, если попадает что-то тайное – оно становится явным, ничто не скроется. Например, если бы в люке были какие-то сущности, даже пусть и крохотные, даже пусть и невидимые – мы бы их заметили. Этого фонарика они боятся, как огня! И не удивительно! Он их жжет огнем! А для человека – абсолютно безопасно: свет и свет. Там просто лампочка с расширенным спектром, если ты, конечно, понимаешь, о чем я...

– В общих чертах, – пробормотал Ян.

– Ну что, никто высоты не боится? – с лукавой улыбкой спросила Адель, – все-таки у нас 18 этаж...

– Не дури, Адель, мы что, туда прыгать будем? Там лестницы нет? – Тим заглянул в темную бездну, которая, казалось, втягивает воздух. Ему совсем туда не хотелось.

– Не дрейфь! – Адель уже сидела на краю люка, – там вихревое поле создается, когда туда человек попадает, как в аэротрубе, будешь скользить плавно.

– А когда последний раз это проверяли? – тихо спросил

Ян.

– А я почему знаю, – сказала Адель и спрыгнула вниз.

София вскрикнула.

– Нет. Ребята, вы что издеваетесь? Я не полезу туда, вы все больные на голову.

– Надо, София, это, правда, надо сделать. Ищейка... Спрут... ты не представляешь, что он делает со своими жертвами. И право же, этого лучше не знать, – сказал Тим, – Давай сделаем это вместе. Садись на край, не смотри вниз. Смотри мне в глаза. На счет три, ладно? Один, два... – и он подхватил Софию за талию, и они сорвались вниз. Ян только услышал из трубы отчаянный визг.

Он тоже должен, он сможет... Медленно он склонился над черной бездной люка. «Я не трус, но я боюсь», – сказал он в пустоту. Ян зажмурился, стоя на краю, затем сложил руки крестом, как бы крепко себя обнимая, и стал считать: «Один, два...», – и его ноги шагнули в бездну. Мгновенно мощный поток воздуха подхватил его, не давая разогнаться.

Несколько секунд он плавно летел с закрытыми глазами и думал: ну лечу, вроде и не страшно даже. Тогда он открыл глаза. Было темно, но где-то в глубине тоннеля виден был мерцающий свет фонарика Адель. В его отблесках было видно, что летит она не так уж и быстро. Ян осмотрелся, пытаясь понять, сколько он уже пролетел. Странно, ему казалось, что уже давно пора было бы приземляться. Потом он осознал, что летит не столько вниз, сколько куда-то вбок. Иногда тон-

нель делал поворот, и тогда становилось очевидно, что летят они куда-то очень далеко от дома.

Ян расслабился, лег на ветер и вытянул руки вперед. Он представлял себя дельфином, рассекающим волны, птицей, парящей в вышине, какое это было непередаваемое ощущение – полёта. «Почему люди не летают», – мелькнула мысль у него в голове, – "Почему они не летают как птицы? Свободные и красивые". Но ему не пришлось долго размышлять. Вдруг, вокруг него стал мелькать свет, это горели светящиеся кольца внутри трубы: они встречались все чаще и чаще, пока, наконец, не превратились в сплошной световой поток.

– Точка высадки! Поток здесь тебя оттормозит, но, если упадешь, сразу откатывайся в сторону, – услышал он крик Адель откуда-то снизу. Затем послышался звук упавшего тела, потом еще два – это уже приземлились Тим и София. Раз – и его ноги коснулись земли, он пробежал еще метров пять и остановился.

Они были в каком-то не то бункере, не то подземелье... Сводчатые потолки его уходили метров на 10 вверх. Все это было похоже на готическую подземную церковь или старинный вокзал.

– Что это за место? – спросил Ян.

– Точка высадки. Сюда ведут все тоннели из всех домов сэнмиров, – сказала Адель, – Мы сейчас под площадью Сан Мишель. Под ратушей.

– Ничего себе. Как у вас все интересно! – говорила Со-

фия, – а лететь мне даже понравилось, – она с улыбкой посмотрела на Тима.

– Мне тоже, – Ян стоял рядом с друзьями, и на душе у него было легко и спокойно. Столько приключений за один день, это же с ума сойти можно. Он совсем не боялся. Почему-то было ощущение, что все идет, как надо, что всегда кто-то придет на помощь, что все происходит именно так, как и должно происходить, что все в итоге будет хорошо. Просто потому, что по-другому и быть не может.

– Адель, твое пальто, – показал Тим на когда-то белое пальто Адель. Она ничего не сказала, просто провела рукой сверху вниз, и пальто стало ослепительно белым, как только что из химчистки.

– Ну, куда дальше? – Тим вопросительно посмотрел на сестру.

– Идите за мной, – сказала Адель.

Глава 9. Из зимы в лето.

Они вышли во двор ратуши через какой-то холмик с дверкой, можно было подумать, что это убежище на случай урагана или погреб посреди городской площади... Подойдя к автобусной остановке, они сели в подошедший автобус. Устроившись на заднем сидении и весело болтая, примерно через час они доехали до Ньютон-хилс, маленькой живописной деревеньки, на окраине Сноутона.

– Куда мы сейчас направляемся? – спросила София.

– В секретный штаб сэнмиров, – дико вращая глазами, сказал Тим.

– Идти далеко, так что соберитесь, – сказала Адель, спускаясь по замерзшим ступенькам автобуса. Она осмотрелась и махнула рукой. – Вооон туда нам.

Сначала пересекли заснеженное поле, потом добрались до соснового бора, долго пробирались через лес, занесенной глубокими сугробами, по еле заметной узкой тропинке. Адель вела свой маленький отряд уже часа полтора, когда солнце стало клониться к закату. Бесконечные просеки, замерзшие озера, на обход которых тратилось драгоценное время, – Ян уже совершенно потерял счет времени и не понимал, куда они в итоге идут. Они сворачивали то направо, то налево, то взбирались вверх по холму, то спускались к какому-то ручью, журчавшему в снегах...

– Далеко еще? – Ян поглядывал на Тима, стараясь понять, знает ли он дорогу.

– Уже рядом. Ручей – граница, ни человек, ни зверь не переходят ее. Просто не захотят. Внутренний голос не позволит, – ответила за брата Адель.

И в самом деле, противоположный берег ручья был высокий, поросший кустами и высокой травой, занесенной снегом. Заросли стеной преграждали путь. К тому же сам ручей в этом месте был широкий, перепрыгнуть его было просто невозможно, а лед был очень тонкий, кое-где проступала бурным потоком вода. Кроме того, даже при беглом взгля-

де на противоположный берег чувствовалась какая-то опасность, незримое напряжение разливалось в воздухе. Хотелось уйти оттуда как можно быстрее.

– А здесь водятся рыси? – вдруг спросила София.

– Наверное, а что? – ответил Ян.

– Да так, мне кто-то рассказывал, что рыси очень хорошо чувствуют запахи. И особенно запах французских духов. Он их приводит в бешенство! Они нападают и могут разорвать человека. Из нас никто сегодня не душился французскими духами?

– Я душилась, бежим скорей, – со смехом сказала Адель и бросилась бежать, София, не понимая, что она шутит, бросилась за ней. Тим и Ян громко засмеялись.

– Стой, София, куда ты, а как же рыси, – хохотал Ян.

– Вот дураки, – обиделась София.

– Ну, ладно, не обижайся. Зато мы уже пришли, – сказала Адель, показав рукой на противоположный берег.

– Но как мы перейдем на другую сторону? – спросила София.

– По мосту.

– Здесь есть мост?

– Смотри сама, – ответила Адель и посветила фонариком, в луче которого стали видны ажурные перила моста, дугой перекинувшегося с берега на берег. Мост, казалось, был сделан из голубого, как небо, камня.

– А если мост найдут? – спросил Ян.

– Это невозможно, – улыбнулась Адель.

– Даже если найдут, его никто не сможет перейти из наших врагов, – добавил Тим. – Голубой камень, видишь? Это ларимар. Он создает такое поле, что любую злую сущность разрывает на мелкие кусочки.

– Да, – подтвердила Адель, – Ларимар – камень позитива и радости. Он не пропустит ничего плохого.

Они перешли мост и, пройдя еще несколько сотен метров, оказались в каком-то парке. Широкой полосой от леса вверх по холму вела липовая аллея. Деревья на ней были посажены так близко друг к другу, что формировали почти глухую стену. По мере продвижения вперед они заметили, что дорожки на аллее были вычищены до гравия, снега не было и в помине.

Когда они поднялись на вершину холма – на аллее была уже не зима, а поздняя осень! Их ноги ступали по шуршащим камешкам, а с деревьев плавно кружась, падали листья. Вдалеке показалась усадьба, и чем ближе они подходили к ней, тем теплее делалось вокруг, им даже сразу захотелось снять с себя теплые шапки и шарфы. Осень катилась вспять по мере того, как они продвигались вперед, и вот, они вышли на широкую зеленую лужайку перед красивым домом, над которой порхали бабочки, а в высокой траве стрекотали кузнечики. Сам дом был покрыт красной черепичной крышей и утопал в зелени. Огромные витражные окна блестели чистотой стекла.

– Красота-то какая! Прямо как в сказке про 12 месяцев, – сказала удивленная София, глядя вокруг широко распахнутыми глазами.

Тим взглянул на Софию. Было в ней что-то неуловимо нежное, от чего хотелось защищать ее от всех опасностей, как рыцарь без страха и упрека. Он улыбнулся, поймав себя на этих мыслях.

Ян уже привык ничему не удивляться, он просто принимал все как есть, хотя лето среди зимы, бесспорно, – было удивительно. Дом был небольшой, с маленькими зубчатыми башенками и узкими окнами он напоминал какой-то уютный летний дворец. На площадке перед домом вокруг пруда с водяными лилиями стояло 12 статуй животных и птиц.

– О! Смотри, Тим, лиса! – показал Ян на одну из статуй.

– Да, это наш род, а есть еще и другие... Вот орлы, например, гордые, смелые бойцы, а еще есть чайки, волки, змеи, крысы, – пояснил Тим.

– Фу, крысы... гадость какая, – сказала София.

– Хорьки еще, рыбы и жабы... всего 12 родов, – уточнил Тим.

– Жабы? – удивилась София.

– Не жабы, а царевны-лягушки. Мудрейшие существа и красавицы писанные. Вы что же, сказок не читали? Про царевну-лягушку не слышали? – сказала Адель.

– Слышали, конечно, но никогда не думали, что это правда, – сказала София.

– Сказка ложь, да в ней намек. Но лягушки – это уже вымерший род. Их не осталось, к сожалению, – сказала Адель, – А еще есть кошки – потерянный род. О них тоже никто не слышал уже много веков. Но вот мы и пришли.

Посыпанная песком дорожка уперлась в мраморную лестницу, по краям которой сидели огромные львы и стояли вазоны с пушистыми гортензиями. Адель открыла тяжелую дубовую дверь и проводила ребят в прихожую. На звук открывающейся двери вышли родители Яна.

– О! Наконец-то, мы уже заждались! – всплеснула руками Анна.

– Не волнуйся, мама, все в порядке, вот Софийку привел, – сказал Ян.

– Привет, София, проходи, пожалуйста, почувствуй себя, как дома. Проходите дети, проходите. Вам надо поесть и хорошенько отдохнуть. Я покажу вам ваши комнаты. Смотрите, здесь гостиная, можно сидеть у камина, а вон там шахматы стоят, Тим, это я тебе говорю, ты же любишь шахматы?

– Я тоже люблю, – сказала София и почему-то смутилась.

– Ну, вот и отлично, отдохнете немного, можете поиграть. Ужин будет в восемь часов. София, к полуночи мы тебя покинем. У нас будет одно очень важное дело. Мы раздвинем время, чтобы утрясти все наши дела, так что ты даже не заметишь нашего отсутствия, нас не будет какие-то считанные минуты. Ничего не бойся, дом абсолютно безопасен. Здесь есть свой домовый, если тебе что-либо понадобится, просто

позови, его зовут Дивон.

– Я не волнуюсь, мне здесь все очень нравится, а еще... я никогда не видела домовых.

– Вот и увидишь. А сейчас идите на кухню, а потом – всем отдыхать.

Все пошли на кухню, подкрепить силы, а Ян немного помедлил и подошел к матери.

– Мама, это что, наш дом?

– О нет, – улыбнулась Анна. – Это общий дом сэнмиров, но он разделен на бесчисленное число параллелей, так что мы все здесь живем, не мешая друг другу. Достаточно сдвинуть точку сборки на 1 сотую часть секунды и мир уже другой. В этом доме могут жить сотни, тысячи семей одновременно, даже не зная об этом.

– Круто! Как здорово это у вас все придумано.

– У нас, Ян, – ответила Анна, – это и твой дом тоже.

В это время дверь открылась и на пороге дома появился...

– Лэсли! – закричал Ян и бросился на шею брату.

Глава 10. Вспомнить все.

В саду сгущались сумерки. Окна закрыли, чтобы вечерняя сырость не проникала в дом. Разожгли камин. Дрова в нем уютно потрескивали, создавая атмосферу безмятежности и покоя.

– Ну и влип же ты в историю, братец! – с завистью и восхищением говорил Лэсли, когда, дожидаясь ужина, все от-

дышали на мягких диванах в гостиной и смотрели на горящий в камине огонь, – А главное, почему все это происходит именно с тобой! Ведь ты такой еще малыш, – и Лэсли потрепал Яна по вихрам на голове.

– Тебе просто завидно, – парировал Ян, – а если серьезно, то я даже не уверен, что понимаю во что ввязался. Такую кашу заварил... на совет придут все кланы, все семьи... ужас...

– Не дрейфь, прорвемся, – подбодрил его Лэсли, – Твое дело – свидетельствовать о том, что ты видел и слышал.

– Да я сам уже не понимаю, что я видел. Вдруг я скажу что-нибудь не так.

– Если что, тебя никто ругать не будет, ты же всего на всего маленький мальчик, – улыбнулся Лэсли.

– Но-но! Я совершеннолетний! Мне уже 13 лет! – со смехом возразил Ян.

Тим с Софией увлеченно играли в шахматы. София держалась изо всех сил, но Тим уже «сожрал» ее ладью, и коня, и три пешки, и вот уже он подбирается к ферзю... Джон и Анна отдыхали, глядя на пляшущие языки пламени. Анна сидела, склонив голову на плечо мужа, который тихо шептал ей что-то на ухо.

Наконец, из своей комнаты вышла Адель.

– Добрый вечер, – сказала она, оглядев собравшихся. Ее внимание тут же привлёк новый обитатель дома – она впервые видела Лэсли.

– Добрый вечер, Адель, – ответили Джон и Анна.

Лэсли пристально всматривался в незнакомое лицо. Девушка понравилась ему, он почувствовал, как от нее исходит какая-то удивительно теплая волна.

– И вам вечер добрый, – проговорил он.

Адель устроилась на мягких разноцветных подушках, брошенных прямо на пол у камина. Задумчиво глядя на дрожащее пламя, она вдруг поёжилась, как от холода, хотя у камина было очень тепло, и произнесла:

– Вы знаете, я все думаю, думаю. Никак у меня из головы не выходит это.

– О чем речь, дорогая, поделись с нами своими мыслями, – сказала Анна.

– Я все думаю о встрече Яна с призраками. И все мне кажется, что я что-то упускаю, это не дает мне покоя.

– Что именно? – спросил Джон.

– Призраки. Такие хитрые, коварные, и так легко дали себя обнаружить? Во всей этой истории что-то не так. Что-то не сходится у меня в голове, что-то, что я никак не могу поймать. Мы что-то упустили, какую-то мелочь, но она даст разгадку всему. Ведь неспроста Ян нашел их, а в случайности я не верю, – она обернулась и посмотрела на Яна, – Ян, как ты попал туда в тот вечер? Есть что-то, о чем ты еще не сказал?

– Вроде все сказал, но если подумать, то действительно, меня словно что-то притянуло туда, ведь я несколько дней ходил вокруг этого дома. Он как будто манил меня.

– Вот! Этого не бывает просто так, без причины. Если сэн-

мир не хочет, его найти очень сложно. Призраки – сенмиры гораздо более опытные, чем мы можем себе вообразить. Получается, они хотели быть обнаруженными? Что-то не похоже на правду. Зачем им это? Но все-таки, кто-то хотел, чтобы ты пришел туда и все увидел, понимаешь? Этот кто-то сделал прореху в защите намеренно, ведь призраки – далеко не глупцы, чтобы не поставить экран над домом, в котором они собираются обсуждать свои планы. Точно так, как стоит экран над этим домом, найти который просто невозможно, если кто-то не позвал тебя и не ждет тебя в гости. Ян, я уверена, что есть еще что-то, о чем ты еще не сказал. Может быть, это кажется тебе мелочью, неважным... но любая мелочь может дать нам зацепку, понимаешь?

– Но я не знаю, о чем речь, как я это вспомню?

– Я помогу тебе, хорошо?

Ян посмотрел на Джона, тот кивнул головой.

– Я согласен, – сказал он.

Адель подошла к нему и положила ладони ему на виски.

– Закрой глаза, сосредоточься, каждая деталь может иметь колоссальное значение... Твои глаза это уже видели, твои уши это уже слышали. Даже если в тот момент ты это не осознал – оно есть в тебе... Вспомни!

Ян закрыл глаза и вновь очутился возле занесенного снегом перекосившегося деревянного дома. Вокруг ночь, тишина, только снег падает и падает сверху. Дом, свет, дверь, голоса... все это он видел и раньше. Вот призраки задули свечи

и стали расходиться... вот и все, он ничего не смог вспомнить...

– Не получается...

– Попробуй еще раз, ну... пожалуйста, – Адель практически умоляла его.

Ян еще раз пережил встречу с призраками, но в этот раз все было как в замедленной, очень замедленной съемке и он услышал...

– Стоп! Вот оно! – он прислушался еще раз. Сколько удаляющихся шагов он слышит, скольких призраков? Он еще раз прокрутил в голове этот момент. Так и есть – двое!

– Двое ушли из дома в ту ночь! Но еще двое остались! Я только сейчас понял это! В темноте я думал, что ушли все, я спешил домой, я не обратил внимания тогда... – Ян открыл глаза. Все с волнением смотрели на него.

– Что это значит? – спросил Тим.

– А то, что, если двое захотели обсудить что-то без свидетелей, видимо в рядах противника наметился раскол! – Адель светилась от внутренней уверенности, – Я больше, чем уверена, что один из них заставил Яна найти этот дом. Один из них хочет, чтобы мы узнали об их планах! Он не согласен с остальными! Но кто?

– Это точно не Ларсон, он жесток и безрассуден, – сказал Джон, – Это точно не Смолл – эта ядовитая змея. Подлый хорёк Дулли? Strong сомневаюсь. Остается Кливерт. А что, если предположить, что бывшего хранителя заела совесть?

Это вполне логично после того, что он натворил. Тогда все сходится.

– Так что же получается, они догадались? Они заподозрили Кливерта, если решили разделиться, или просто не доверяют ему? – спросил Лэсли.

– А еще, не забывайте, они почувствовали присутствие Яна, не зря они послали ищейку по его следу, – сказала Анна, – а раз так, то они могли заподозрить, что среди них – предатель. Ведь кто-то должен был показать Яну тот дом... сам бы он его никогда не нашел.

– Смолл заметил меня тогда, теперь я это точно понял, – вмешался в разговор Ян, – он даже сказал, что что-то чувствует, а потом они резко начали собираться...

– Вот! Поэтому Смолл и остался, он мог захотеть обсудить это с кем-то, кому он доверяет... поэтому он и остался там вдвоем с Ларсоном, руку даю на отсечение, что доверенное лицо Смолла – это именно Ларсон... Все сходится! – заключила Адель.

Джон подался вперед.

– Итак... Кливерт на нашей стороне, ты уверена в этом, Адель?

– Факты – вещь упрямая. Я не верю в совпадения, но я верю в то, что Ян не случайно нашел тот дом, и понимаю теперь, что Кливерт в опасности.

– И что он будет делать, по-твоему? – спросил Лэсли.

– Им нужен кристалл, а Кливерт – бывший хранитель, и

если, я подчеркиваю, если он на нашей стороне – он захочет найти его первым. Он будет втайне от остальных искать Кристалл Судьбы.

– Враг твоего врага – твой друг, – сказал Лэсли, – Я думаю, нам надо будет помочь Кливерту.

– Не торопись, – сказал Джон, – мы не знаем его истинных намерений. Я не стал бы ему доверять.

– Надо обо всем рассказать на совете – сказала Анна. – А сейчас нам всем надо подкрепить силы. Ночь будет долгой.

– Я очень проголодался, – сказал Лэсли и первым пошел к накрытому к ужину столу.

Каждый сразу увидел предназначавшееся для него место – для каждого было приготовлено его любимое блюдо. София удивлялась, откуда Дивон узнал, что она любит салат из крабовых палочек и чебуреки. А Лэсли удивлялся, что прямо напротив него оказалась Адель. Весь ужин он не отрывал от неё глаз и приговаривал: «Ай да Дивон, ай да духов сын».

Глава 11. Дулли отправляется в путь.

Часы на городской ратуше пробили без четверти восемь. Большеглазый автобус подкатил к привокзальной площади. Двери его раскрылись, и оттуда неудержимой рекой хлынул людской поток. Кто-то спускал тяжеленный, подпрыгивающий на каждой ступеньке чемодан, кто-то шёл с легкой дорожной сумкой, а кто-то с рюкзаком, – но уже с первого взгляда было понятно, что все это – пассажиры скорого поез-

да на Филлерт, который отправлялся с первой и единственной железнодорожной платформы города в восемь часов вечера.

Люди шли по направлению к зданию вокзала, они спешили. Последними из автобуса вышли три невидимые тени. Они шли налегке, не торопясь, как будто точно знали, что без них поезд не тронется с места.

– Терпеть не могу подобного рода передвижения, и как это люди ездят, набившись в повозку, как кильки в бочке? – кричал недовольный голос Дулли.

– Зато в поезде поедешь в мягком, эти места всегда пустуют, – ответил ему другой: грубый, властный, резкий – голос Ларсона.

– «Noblesse oblige» – положение обязывает, – отозвался глухой, низкий голос Смолла, – идти пешком заняло бы слишком много времени, а оно нам сейчас дорого, как никогда.

Три незримые обычному глазу тени двигались сквозь толпу прохожих. Они шли по платформе, ведущей к ярко зеленому поезду. Черный, блестящий локомотивчик уже пускал клубы пара в небо, словно ворча и приговаривая: «Пора ехать! Пора еххххать!». Тени пробирались к последнему вагону в составе – это были три проклятых призрака: Смолл, Ларсон и Дулли. Кливерта меж ними не было.

– Время, время... оно решает все сейчас. Как же успеть обогнать время и раньше Кливерта приехать в Филлерт, ведь

он-то выехал еще рано утром! Как мне догнать его? Ах, как же я сразу обо всем не догадался. Я ведь проследил за ним до самого кладбища, – в сотый раз заныл Дулли, – когда мы вышли из того дома, он постарался отделаться от меня. Я сделал вид, что отстал, а сам пошёл следом и проследил, куда он направил свои стопы. Он пошел прямо на кладбище, он ходил по свежим могилам ипил застывшую там скорбь, набирался сил.

– Все мы должны питаться, чтобы не сгинуть в мире людей. Здесь наши энергии уязвимы, пока не закончен переход... Страх, гнев, горе, ненависть, зависть – питательные и сильные эмоции, вкусные даже, если представить, что у них есть вкус... Горя на кладбищах больше, чем можно вообразить, вот он и ходил туда, – ответил Ларсон.

– Он не просто ходил, он копил энергию для долгого перехода, как я сразу не понял, не сложил дважды два, я упустил его, и теперь вот, он исчез, этот бывший хранитель... Я никогда не доверял ему. Всегда ждал от него подвоха, – подобострастно складывая ручки, пищал Дулли.

– Что ж ты тогда его проворонил, эх ты, бестолочь, – прорычал Ларсон, – Ищи теперь ветра в поле. Единственное поручение тебе было дано, не терять его из виду, и то... ни на что ты не годное существо.

– Я не зря насторожился в том доме. Там был сэнмир, лисенок... мальчишка совсем, – сказал Смолл.

– Да. Спрут вернулся и принес сведения о нем, – ответил

Ларсон.

– Да! Тогда я понял все, – и Смолл поднял кверху сухой указательный палец, – Он решил продать нас сэнмирам! Ничего, он еще умоется кровавыми слезами, мы сумеем отомстить, но! Есть одно НО! Кливерт был нам нужен тогда, нужен и сейчас. Он единственный кто может знать, где хранится камень сэнмиров. Он единственный знает, как вычислить избранного, того, кто сможет достать камень из тысячи измерений, выбрав нужное. И поэтому нам нельзя убить его сейчас, когда мы уже на полпути к цели. Нельзя потерять его из виду, ведь именно туда он и идет, за камнем!

– И что ты сделаешь? – спросил Ларсон.

– Уже сделал. Я принял меры: еще вчера вечером, сразу после нашей встречи в том доме я послал гончих псов по его следу. Он выехал на юг, в свой родной город, Филлерт, но, как мне доложили, он сошел с поезда и идет пешком, видимо почуял, что за ним следят, и теперь запутывает следы. Но ничего, мы все равно перехитрим его, поэтому ты и едешь в Филлерт, Дулли, будешь ждать его там. Но смотри, не прово-ронь его еще раз, а то не сносить тебе головы. Ну, давай, по-торопись, а у нас с Ларсоном здесь есть еще одно дельце, – и одноглазый старик хитро усмехнулся, он явно не собирался посвящать Дулли в свои планы, тот был лишь мелкой пешкой в его игре.

– Так, хватит болтать, шагай, посадку уже давно объявили. Ты будешь ждать его в Филлерте, вот он удивится, когда

увидит тебя, – сказал Ларсон.

– Да уж... Но я боюсь, что не удивится. Он хитер, этот старый лис, – прошептал Дулли, – если он сошел с поезда, то, может, уже и знает, что мы следим за ним.

– Пусть петляет, как заяц, ему не уйти от гончих псов, это уж точно. Они будут вести его столько, сколько нужно, и где бы он ни был, если он решит отклониться от маршрута, они дадут нам знать, – сказал Смолл, – но где бы он ни ходил, конечный путь приведет его именно в Филлерт, я это знаю, как если бы сам шёл туда. Именно там он начнет свои поиски...

– Ты думаешь, камень там? – спросил Ларсон.

– О нет, это было бы слишком просто, если бы хранилище было в его родном городе. Камень в Храме, в горах, в случае опасности он всегда возвращается в Храм Судьбы, но не известно, цел ли еще этот Храм, столько времени прошло...

– Нам ни в коем случае нельзя спугнуть его, иначе он прекратит свои поиски, – сказал Дулли.

– Мои гончие будут вести его тихо, – ответил Смолл, – Им дан приказ, не обнаруживая себя, следить за его передвижениями. Он сам приведет нас к камню, надо только научиться ждать и быть всегда рядом. Не верю я в сказки про избранного, если этот избранный только не он сам. Он затеял свою игру... Вот и посмотрим, чья в итоге возьмет.

Они стояли на краю платформы, Смолл курил свою трубку, Ларсон, нахмутив брови, смотрел на Дулли. Никогда ему не нравился этот подобострастный хорёк, но что ж, ничего

не поделаешь, по крайней мере, его можно еще какое-то время использовать для своих целей. Девушка проводница стала подниматься в вагон, и Ларсон грубо толкнул плечом Дулли.

– Шагай уже...

Дулли поднялся в вагон поезда по витым ступенькам и удобно устроился в свободном купе. Через окно он смотрел, как уходят прочь Смолл и Ларсон. Он чувствовал неприязнь с их стороны, он понимал, что допустил промах, потерял Кливерта из виду, и прежнего доверия к нему у Смолла уже нет. Его это терзало и мучило. Он боялся оказаться лишним в этой игре, боялся, что его вышвырнут, как бесполезную вещь, используют и выбросят, как отработанный материал, как ненужный мусор, выжатый лимон. Страшная идея проникла в его мозг в тот момент.

– Я им еще покажу, – думал он, – я доберусь до Филлерта и буду ждать его там. Он думает, что мы не знаем, куда он идет, он думает, что сможет запутать след... Как бы не так. Я буду ждать его в его родном городе, и там, я сумею опередить всех, когда он найдет камень. Я еще докажу, что со мной нужно считаться! Они еще пожалеют, что так разговаривали со мной, – думал он с ненавистью.

Поезд тронулся, поплыл перрон, а Дулли, погруженный в свои мысли, раскачивался из стороны в сторону, все повторяя: «Я им покажу... Я покажу».

Поезд мчался сквозь снега, унося своих пассажиров на юг,

прямо к КПП в аномальной зоне. Но Дуллине знал об этом, и некому было предупредить его. Уже рано утром поезд приблизится к пропускному пункту сенмиров, где стражи в серых шинелях не пропустят ни одну проклятую тень.

Глава 11. Совет.

Когда старинные часы пробили без четверти двенадцать, Джон встал и, подав руку жене, направился к холлу.

– Нам пора собираться на совет, – сказал Джон, обращаясь к Софии. – Ничего не бойся, мы скоро вернемся. Ты уже знакома с нашим домовым?

– Нет.

– Ну что ж, сейчас у тебя появится такая возможность, – улыбнулся он.

– Ой, мне страшно, – прошептала девочка.

– Не бойся. Он совсем не страшный. Выйди, Дивон, покажись, – Джон позвал домового. И тут же, от каминной полки отделилась маленькая фигура – это спрыгнул и подошел к ним невысокого роста толи человек, толи маленький игрушечный медвежонок. Он был весь покрыт густой шерстью, только глаза поблескивали черными пуговками. Он подошел к Софии и, не произнося ни слова, поклонился ей. Она тоже поклонилась, от чего Дивон пришел в неопиcуемый восторг.

– Какой хорошенький, я так себе домовых и представляла.

– Именно поэтому он такой и есть, – улыбнулся Джон. – Они всегда выглядят так, как мы себе это воображаем. Од-

нако, интересное у тебя представление о домовых, даже забавное, и я рад, что ты не вообразила себе страшилище какое-нибудь, а то, пожалуй, мы бы все уже лежали в обмороке, а?

– А для вас он как выглядит?

– А мне не надо его себе представлять, я с ним разговариваю просто как с духом. Духом этого дома. А дух – он бесплотен. В общем, если что-то понадобится – Дивон всегда рад помочь. Всё, нам пора, – обратился он к остальным.

Все прошли в большой холл, на стене которого висело большое старинное зеркало в массивной деревянной раме, на которой были вырезаны фигурки 12 зверей. Вся семья Енсен, Тим и Адель подошли к нему. Это был портал, соединявший время для всех участников совета сэнмиров.

Джон первым пошел в зазеркалье. Он коснулся рукой с кольцом зеркальной поверхности, и та задрожала, как вода в озере. Тогда он смело шагнул вперед. Все остальные последовали за ним. Ян подошел к зеркалу. Тронул зеркальную гладь, и она задрожала, по зеркальной поверхности побежали круги. Он просунул вперед руку и почувствовал, как она вошла в портал, словно он окунул ее в ледяную воду. Тогда он набрал в легкие побольше воздуха, зажмурил глаза и шагнул вперед.

В гостиной по ту сторону зеркала было жарко натоплено, горел свет, искрясь и сверкая в массивных хрустальных люстрах, играла приятная легкая музыка, на многочислен-

ных диванах и креслах сидели группы красиво одетых людей. Как они там все поместились – оставалось загадкой, а люди все продолжали прибывать и прибывать сквозь зеркала, висящие по всем стенам комнаты.

Ян впервые увидел всех сэнмиров разом. Казалось – это обычные люди. Он с удивлением поздоровался со своим знакомым почтальоном сэром Робертсоном, булочником Мэтью... Были там и родители Тима и Адель. Остальные лица он видел впервые.

Яну казалось, что размеры гостиной увеличиваются по мере пребывания людей. Он с недоумением посмотрел на поджидавшего его Лэсли.

– Комната растет! Как такое возможно?

– Комната реплицирует себя под необходимые параметры. Это еще что, когда соберутся все, она будет, наверное, размером с футбольное поле!

– О чем вы тут беседуете? – Адель подошла к ребятам с изящной фарфоровой чашкой в руках, – Может быть чайку?

– Действительно, Ян, ночь только начинается, пойдем, возьмем чего-нибудь, – сказал Лэсли.

Они подошли к маленькому круглому столику, за которым уже сидел Тим и махал им рукой. Они подсели к нему за столик, и на котором сейчас же появилось еще 2 чашки – одна с кофе, другая с горячим шоколадом.

– Мне, чур, шоколад, – сказал Ян.

– Я и не сомневался, – засмеялся Лэсли.

Адель подсела к ним.

– Тебе еще бы пончиков к кофе, – улыбнулась она. И сейчас же на столе появилось блюдо с глазированными пончиками.

– Благодарю, – ответил Лэсли, – Но эгоистом быть тоже нельзя, угощайтесь все, пожалуйста.

– Адель Штерн, – Адель протянула свою изящную ручку с тонкими пальцами пианистки, – Нас, кажется, еще не представили друг другу.

– Лэсли Енсен, – ответил Лэсли и пожал протянутую ему руку, – А моего братца ты уже знаешь.

– А это мой брат, Тим.

– Я помню Тима, вы ведь с Яном в футбол играли, если я не ошибаюсь.

– Точно, – пробубнил Тим, рот у него был занят пончиком.

– Ясно, ну и чем занимается Адель Штерн, когда не разгадывает коварные замыслы проклятых призраков? Ты ведь медиум, я угадал?

Адель слегка зарделась, смутившись.

– Я еще учусь в выпускном, планирую поступать в музыкальное училище по классу фортепиано.

– Я закончил в этом году, сейчас – в институте Овербаха.

И тут часы начали бить полночь. Ян занервничал. Ведь это из-за него, собственно говоря, поднялся весь этот сырбор, именно из-за него все семьи сэнмиров собрались в этой

гостиной, действительно напоминавшей теперь своими размерами футбольное поле. Именно на него сейчас устремятся все взгляды.

Откуда-то в самом центре гостиной появилась трибуна, на которую вышел пожилой человек в длинной черной мантии. Это был глава рода сэнмиров Леон Харт. Он держался уверенно и с достоинством, у него был проникающий в сердце взгляд, выдержать который мог далеко не каждый.

– Друзья! Я искренне рад видеть всех вас в добром здравии. Но, к сожалению, повод для встречи у нас не самый радостный. Всех нас собрало в эту ночь неотложное дело, – начал он, – Сегодня нам предстоит вспомнить события четырехсотлетней давности, давно ставшие легендой, легендой о гибели Московии. Все вы знаете ее. Не буду ходить вокруг да около, сообщу сразу – проклятые призраки вернулись из мира теней.

По залу пробежал взволнованный шепот, некоторые сэнмиры поднялись со своих мест.

– Это доказано? Как? Почему? Как такое возможно? – раздавались голоса со всех сторон.

– Предвидеть это было невозможно, равно, как и помешать этому. Мы сделали все от нас зависящее на Земле, но космос нам неподвластен. Магнитары вошли в резонанс с нашей звездной системой. Сейчас они встали в конфигурацию, какая бывает раз в 3000 лет, и это открыло портал между миром людей и миром теней. Нам остается только принять

это и понять, что делать.

К сожалению, история повторяется. Смолл, Кливерт, Ларсон и Дулли снова угрожают человеческому роду. Все мы ожидаем рождение сверхновой звезды, и можно только вообразить, что сделают с миром людей эти проклятые, если в руки им попадет Кристалл судьбы.

– Но кристалл был утерян 400 лет назад, – снова услышались возгласы.

– Да, и главный вопрос в том, кто найдет его первым. Пока их квантовый переход еще не завершен – они всего лишь призраки, тени, но пройдет еще немного времени, и они обретут земную материю. И тогда они начнут действовать. Не забывайте про их способности! Все они бывшие сэнмиры.

– Но это точно? Вы уверены? Есть ли свидетели? – посыпались вопросы.

– Свидетель есть – это дозорный лисенок Себасьян Енсен, – сказал Леон Харт, – Выйди к нам, мальчик.

Ян вскочил со своего места и пошел к трибуне. Сердце его громко стучало, в желудке порхали тысячи бабочек.

– Расскажи нам, что ты видел.

И Ян еще раз рассказал историю, свидетелем которой стал накануне. Прошли сутки с того момента, а уже так много событий случилось с ним. И вот он, маленький дозорный лисенок, стоит перед всеми кланами, и все слушают его, затаив дыхание. На этот раз он рассказал историю с новыми подробностями, теми, которые смог осознать, благодаря помо-

щи Адель. Пока он говорил, его отец что-то шептал на ухо главе рода сенмиров Леону Харту.

– Итак, вы все убедились, что это правда, – сказал Леон Харт, – Есть предположение, что возможно, я подчеркиваю, возможно бывший хранитель, Кливерт, не намерен более поддерживать призраков. Дар хранителя он потерял четыреста лет назад, когда решил пойти на преступление и добровольно передал Кристалл в руки Смолла. Мы считаем, что он будет искать Кристалл судьбы сам, но для каких целей – пока остается загадкой. Скорее всего, он будет пытаться заслужить прощение высших сил, но может быть, он ведет свою игру.

– Да, – сказал Джон, – Доверять ему мы не можем.

– Что ж, – сказал Леон Харт, – по крайней мере, мы будем следить за ним, возможно, он знает то, что окажется нам полезным. Итак, наша задача, во-первых, не упускать призраков из виду. Мы должны разгадать их планы и не дать им осуществиться, а для этого, важно отслеживать все их передвижения. Это задача чаек.

На эти слова в зале поднялись группы людей, одетых в белые одежды. Женщины были в длинных платьях, украшенных серебряной вышивкой, мужчины – в великолепных сюртуках. Они поклонились хранителю рода.

– Стивен Сигал! Докладывайте мне обо всем, что увидите необычного. Любая мелочь может быть важна. Чайки могут летать везде – над морем и городом, видеть далеко и при

этом не выделяться, оставаться в тени. Будьте нашими глазами, остальное мы сделаем сами.

Глава рода чаек поклонился Хранителю рода сенмиров.

– Во-вторых, куда бы ни направлялся Кливерт, это должно быть связано с поисками Кристалла судьбы, и нам надо обеспечить его беспрепятственное передвижение в нашем мире. Чем скорее он приведет нас к Кристаллу, тем лучше для всех. Поручаю это вам, ночные волки.

Группа байкеров в кожаных одеждах, подбитых грубым волчьим мехом, поднялась и поклонилась Леону Харту.

– Следите за ним на расстоянии, чтобы он чувствовал себя свободным, но не упускайте его из виду. Помогайте ему по мере необходимости, а понадобится – защитите. Кливерт должен иметь беспрепятственный проход куда бы то ни было, даже в аномальную зону. Если Кристалл где и спрятан в этом мире, то только там, поэтому поручаю это Вам, Вольфганг.

Глава рода волков поклонился Леону Харту.

– И последнее. Призракам известно, что маленький лисенок стал свидетелем их тайной встречи. Необходимо обеспечить безопасность семьи Енсен. С этим лучше всего справятся орлы.

Мужчина невысокого роста с тяжелым взглядом угольно-черных глаз, крючковатым носом с горбинкой и слегка выющимися темными, как вороново крыло, волосами встал, выражая одобрение от всех представителей своего рода. Это

был сын Леона Харта – Роб Харт.

Глава рода сэнмиров завершил свою речь такими словами.

– Нам предстоят непростые времена. Всем нам надо быть очень внимательными и осторожными, а главное, мы должны быть первыми! Попади Кристалл в руки наших врагов – весь мир встанет на пороге катастрофы.

Слова хранителя рода произвели эффект разорвавшейся бомбы. Совет загудел, как пчелиный рой. Новость, ставшая известной благодаря дозорному лисенку, подняла большой переполох. Постепенно страсти улеглись, и народ стал расходиться. Семья Енсен уходила последней, ведь все хотели пожать руку маленькому храброму герою.

Ян впервые в жизни почувствовал на себе такое пристальное внимание окружающих. Он был очень польщен, но все-таки, через полчаса объятий и рукопожатий он уже пожалел, что не может просто уйти и спрятаться куда-то, в какое-нибудь укромное, тихое место. Через час – у него начала болеть рука, а лицо превратилось в улыбающуюся каменную маску. Анна увидела это и поспешила на помощь сыну.

– Мальчик очень устал, извините нас, но нам пора...

Родители Тима и Адель подошли к детям. Было решено, что Адель и Тим пока побудут с семьей Енсен.

– Мы там нужнее, мам, – сказала Адель, глядя на Яна и Лэсли.

– Да, мы там нужнее, – сказал Тим, вспомнив о Софии.

Когда вернулись в замок, часы показывали четверть первого. Едва переступив порог своей комнаты, Ян, не раздеваясь, повалился на кровать и тут же заснул. События последних суток измотали его. Джон и Анна еще долго говорили в своей спальне, из-под закрытой двери которой сочился свет. Лэсли и Адель пошли пить чай на кухню, а Тим направился в гостиную. Там, на диване перед камином, закинув руку за голову, спала София. Тим подошел к девочке и, нежно улыбнувшись, поправил упавшую на лицо прядь волос. Он бережно укрыл ее теплым пледом, постоял еще минуту, глядя на нее изучающе, потом развернулся и пошел к сестре и Лэсли на кухню.

– Ты думаешь, они пойдут на это? – услышал он тихий шепот Лэсли.

– А ты вспомни, кто поддержал Годунова? Я бы не стала доверять крысам...

Тим ввалился в кухню, прервав их разговор.

– Я так голоден, Адель, наколдуй блинчков, пожалуйста...

Глава 13. Тайна Кливерта.

Кливерт Сорроу взял себе второе имя в знак глубокой скорби о трагической гибели Московии, он винил себя и только себя в том, что произошло с людьми в те роковые дни – четыреста лет назад.

Он был первым сэнмиром, Хранителем рода, Хранителем Кристалла Судьбы, но жажда власти, семена которой посе-

ял в его душе Смолл, затмила его разум. Честолюбие. Души сэнмиров устойчивы к этой заразе, но исключения лишь подтверждают правило. Смолл пленил его картинами сказочной жизни, Кливерт поддался соблазну, и так сладок был этот морок, что отказаться от него оказалось выше его сил. Он перестал видеть простую красоту жизни, он верил Смоллу, что только деньги и власть дают все в этом мире, он забыл об истине, о своем предназначении, он загнал себя в круговорот погони за золотом и властью, из которого не было выхода.

Он не видел ничего, кроме обещанных ему богатств. Он впитывал идеи и образ жизни Смолла, не замечая, как отворачиваются от него все те, кто его любил, кто верил ему, кто знал его прежнего: с нежной душой и любящим сердцем, верного, преданного, открытого и чувствующего боль другого человека.

Он растерял всех друзей, его жена и ребенок исчезли из его жизни, но он даже не задавался вопросом: куда? Ему все было не важно. В какой-то миг он вдруг понял, что оказывается, он совсем не семейный человек, хотя именно семья всегда была главной ценностью сэнмиров. Он убедил себя в этом, чтобы не испытывать чувства вины, за разрушенный мир своего маленького сына, за боль его жены. Он стер их из своего сердца, забыл, как старую вещь, в которой более нет надобности. Единственные близкие ему люди были теперь его родители, но и от них он откупался деньгами, посланными через своих слуг. И даже об их смерти он узнал, когда бы-

ло уже слишком поздно. Он опоздал, не успел проститься, но это не волновало его душу. Человеческого в нем оставалось все меньше и меньше. Он отринул эти, как он называл, плебейские чувства. Он весь принадлежал богу денег, словно продал душу дьяволу. Тогда-то он и передал Кристалл Смоллу, а тот обрушил беды и хаос на Землю.

Он предал себя, свою сущность, предал род сенмиров. Он был первым среди сенмиров, но стал тем, кто привел человечество на край пропасти. Когда он очнулся, как от тяжелого сна, было уже слишком поздно. Силы зла расплзались и множились, и вот уже вся страна полыхала в огне. Он видел людей, умирающих от голода, видел матерей, баюкающих на руках мертвых младенцев, видел страшные картины нищеты и болезней, зла, всплывающего в человеческих душах от горя и безысходности. Некогда веселые и добрые жители Московии превратились в смертельных врагов, разобщенных борьбой за выживание, в жестокую нищую, оборванную массу, вызывающую страх и омерзение.

Управлять такой страной было невозможно. Везде боль и хаос, ужас и смерть. Все пошло не по плану, задуманному Смоллом, и тогда этот коварный злодей окончательно сошел с ума. Гнев и ярость закипали в нем, обида на весь род человеческий росла и множилась в его сознании. Как они посмели? Как все бытие посмело оказаться не таким, как он жаждал? Он пытался подменить собой высшие силы, и они жестоко отомстили ему. Его новый план был чудовищным,

но для его осуществления опять понадобился кристалл, и тогда...

– Они сговорились между собой и обманули меня, притворились, что хотят все исправить, повернуть время вспять, – сам себе говорил Кливерт, – О Боги! Как мог я быть столь наивен и глуп! Всё это чувство вины, без сомнения! Именно оно подтолкнуло меня. Всегда нужно иметь холодную голову, руководствоваться здравым смыслом и рассудком. Я был виноват перед людьми, и это чувство в итоге погубило и меня, и весь мир. Вместо того, чтобы все исправить, все стало только хуже...

Он вновь вспоминал события прошлого, эти картины никогда не покидали его разум, становясь живой пыткой для его души, искалеченной муками совести.

– Если ты дашь мне камень еще раз, в последний раз, я смогу все вернуть, – глядя на него в упор тяжелым, гипнотическим взглядом, говорил Смолл. Он говорил, и каждое слово, как тяжелый молот, бил по чувству вины Кливерта, – Ты только подумай! Не будет больше голода, смерти, нищеты, смуты... Все вернется на свои места, все будет так, как должно.

– Довольно. Вы просите о невозможном. Я больше никогда не отдам кристалл ни тебе, ни кому-либо другому. Люди не виноваты в том, что произошло с ними, это наша вина, это моя вина! MIA KULPA!

– Да, вина наша, – сказал Ларсон, – но выбираться из все-

го этого им предстоит самим, а это весьма непросто. Люди слабы. Сколькими жизнями ты готов еще пожертвовать? Посмотри на них – матери хоронят своих детей...

– Люди справятся, я в это верю! Поднимется народная сила, все наладится, нужно только дать им время, – ответил Кливерт.

– Да! Ты совершенно прав! Время, которого у них нет! Сколько времени это займет? – спросил Смолл, наигранно разводя руками, – Годы? Десятилетия? Сто лет, двести, триста, четыреста? А я предлагаю сделать все здесь и сейчас! Мы просто вернемся к тому, с чего начали, как будто никогда и не было ничего этого. Мы все исправим во имя людей!

– Ты хочешь изменить время? – отшатнулся от него Кливерт, – Но этого нельзя делать! Растянуть время, сжать – все это допустимо, но повернуть время вспять, это запрещено!

– Потому что ты не знаешь, как это сделать, чтобы не навредить, а я знаю! Я нашёл и прочел древние руны. Ты ведь знаешь город Бодлиан? Там недавно была создана уникальная библиотека. Я был там! Две тысячи книг – я знаю ответ! Для этого нужно много, очень много энергии, а где ее взять? Ты только подумай, – говорил Смолл, – сверхновая звезда даст нам эту силу! Еще есть время и возможность все исправить. С помощью звезды и камня я верну все... Подумай, верну царский род, люди будут жить, как захотят, я откажусь от своих планов, царевич будет жить, его потомство сделает эту страну богатой и процветающей...

Они убедили его, но все, что говорил Смолл, было ложью. Смолл никогда не ездил в Бодлиан. Он даже и не планировал что-то спасать, напротив, замысел его был жесток и коварен. Все, чего он хотел – это отомстить: отомстить богам и всему человечеству за невозможность осуществить свои честолюбивые намерения, за то, что столько стараний пропало впустую, за то, что высшие силы не позволили ему взять верх над этими жалкими людишками, – за всё это предстояло их уничтожить. Это был бунт против Бога, кровавый и беспощадный. Он сам хотел стать Богом, но стал Демоном, уничтожающим все живое. Уязвленная гордыня порождала в нем дьявольские замыслы, и он решил уничтожить Московию, так и не сумев овладеть ею.

Кливерт передал Смоллу Кристалл, и в тот же миг небеса разверзлись: из прорванной бездны бешеные селевые потоки воды и глины, как цунами, хлынули на город, смывая дома и выворачивая с корнем деревья. Буквально в считанные минуты через город уже неслась быстрая, полноводная река из обломков, грязи и воды, увлекающая за собой людей, животных, переворачивая телеги, опрокидывая заборы и сараи, сметая все на своем пути.

– Не доставайся же ты никому! – с обезумевшим взглядом кричал Смолл.

Кливерт изменился в лице. Он понял, что Смолл решил уничтожить Московию. Он бросился на него в надежде отобрать у него Кристалл, но Смолл был очень силен и Кли-

верт не смог сделать и шага в его сторону, его словно держали невидимые тиски. Все тело сковала судорога, волны боли пробивали его до кончиков пальцев. И тогда он сделал последнее, что было в его силах, последнее, что еще было в его власти – принес сакральную жертву искупления -пожертвовал собой ради спасения человечества.

– Я обращаюсь к вам, вершители судеб, примите мою жертву! – слабеющим голосом прошептал он. – *Sacralisvictima! Piaculum!*

Эти слова – последний рубеж защиты мира его хранителем – не могли остаться без ответа высших сил. Незримая волна разлетелась от него на миллиарды километров. Прогремел взрыв оглушительной силы, и огромная, разверзшаяся из пустоты, гигантская воронка, как черная бездна, унесла Кливерта, Смолла, Ларсона и Дулли в мир теней. Их сущность была изменена. Высшие силы прокляли их, и они превратились в призраков, а Кристалл судьбы бесследно исчез. Сэнмиры долго потом искали его на Земле, но безрезультатно... Кристалл так и не был найден, и никто не знал, что в этом мире его уже не было. Высшие силы отобрали дар, которым пользовались во вред рода человеческого.

– Интересно, знают ли сэнмиры, что это я все-таки спас Московию? – думал Кливерт, но никто не знал этой правды ни на Земле, ни в мире теней. Да и было ли это всей правдой?

В момент взрыва та Московия, в которой жили Кливерт и Смолл, Ларсон и Дулли, погибла в водах всемирного потопа,

она растаяла как весенний снег, и на ее месте сейчас стоял город Сноутон. Но иная Московия, воссозданная высшими силами благодаря жертве Кливерта, была спасена и жила в параллельном мире. Там люди жили и решали свою судьбу сами, без сенмиров и без помощи Кристалла судьбы, там люди сами боролись с судьбой и смутой, в едином священном порыве объединившись против сил зла. Там, в этом новом мире, Московия называлась Москвой, и она существовала благодаря простым людям, победившим зло во имя жизни на Земле.

Но в мире маленького лисенка Яна, куда сейчас попали проклятые призраки, этого никто не знал. Даже сам Кливерт, который вернулся сюда спустя четыре сотни лет, не догадываться об этом. Он верил, что найдет Кристалл судьбы, который не мог просто исчезнуть. В случае опасности или неожиданной гибели Хранителя Кристалл всегда возвращается в Храм судьбы на Муруджунской Игле. Туда-то он и спешил. Устоял ли Храм – он не знал, как и не знал, найдет ли он Кристалл в этом мире. Но самое главное – оставался еще один нерешенный вопрос. Достать Кристалл было доступно лишь новому хранителю, избранному. Так, кто же он?

Кливерт почувствовал его присутствие сразу. В тот момент, как только четыре призрака пересекли границу мира теней, он понял, что судьба его предрешена. Но кто был этот избранный, и как его найти? Это была сложная, практически

неосуществимая задача – все равно, что искать иголку в стоге сена, и все же, он сделал это.

Это произошло неожиданно даже для него самого. Кливерт почувствовал тонкую связь с новым хранителем. С каждым днем связь между ними становилась все крепче, и вот, в какой-то момент он уже мог чувствовать его мысли и даже передавать ему различные ощущения, образы и сновидения, и тем сильнее была их связь, чем ближе был новый хранитель к Муруджунской Игле. Там, у ее подножия, Кливерт даже смог послать ему видения Храма судьбы...

Он делал все возможное, чтобы проникнуть в сознание нового хранителя, и до чего же он был удивлен, когда понял, что новый хранитель – это всего лишь маленький мальчик, лисенок, который живет на Яблоневоy улице в городе Сноутон.

Кливерт сумел раньше срока разбудить в нем силу рода сэнмиров, и маленький лисенок стал тем избранным, кому суждено было быть новым хранителем Кристалла судьбы. Только Ян Енсен сможет достать Кристалл, но впереди еще большой и сложный путь, а значит, надо спешить.

Глава 14. Дорога Кливерта.

Когда Кливерт сядил в поезд на Филлерт, ни одна живая душа не заметила его присутствия. Поезд медленно тронулся – поплыли за окном деревья, здания, удалялся перрон. Провожающие махали рукой, отставая от набирающего ско-

рость состава.

Устроившись в свободном купе, он мечтательно смотрел в окно. Он смотрел на мир прежней Московии и не узнавал его. Все здесь слишком изменилось. Жизнь в мире теней тоже не стояла на месте, но все равно отличия были разительны. Кливерт надеялся, что попав на Землю, он снова вернется в прежний, ему знакомый и привычный мир прошлого, но этого не произошло. Его жизнь никогда не будет прежней, что было мечтать об этом. Он вернулся в мир людей, но этот мир стал иным, непохожим на времена его молодости и силы. Он чувствовал себя чужаком и понимал, что этот мир не рад его присутствию. Он лишний здесь. Эта мысль тяжелым грузом вдавливала его голову в плечи.

Он вышел из купе и стал ходить по вагонам, рассматривая людей. Какие они сейчас стали, люди? Что движет ими? Чем они живут, чем дышат? Какие желания рождаются в их душах, что ведет их по жизни? Он смотрел на играющих детей, и ему казалось, что они, безусловно, стоят того, чтобы рискнуть, чтобы отдать жизнь за них, за будущее всего человечества. Он погубил свою жизнь, но он сделает все возможное, чтобы спасти эти маленькие жизни. В нем боролись два начала – темнота звала забыть обо всем, прожить жизнь, сколько ему будет отпущено в неге и покое. Он заслужил покой. Он истосковался по Земле. Он уйдет в горы, поселится в небольшой лесной хижине... Он станет незаметным призраком, забытым людьми, он будет ловить первые лучи золо-

того утра, провожать малиновые закаты, любоваться бриллиантами звезд по ночам. Этого ему хватит. Дышать воздухом, напоенным запахами леса, любоваться дикой природой, есть простой хлеб... вкусить радости человеческого бытия. Он никому ничего не должен, он выйдет из игры, он устал и хочет покоя. Но из глубин сознания поднимался слабый голос его совести. Разве сможет он жить, зная, что не сделал все от него зависящее, чтобы исполнить свой долг, чтобы помочь людям в этот непростой момент, когда враги рода человеческого только и ждут, как уничтожить все живое на Земле. Он не посмеет повторить свою ошибку дважды. Бездействие равно участию в подлых замыслах Смолла. Он не имеет права оставаться в стороне. Он должен помочь людям найти Кристалл судьбы раньше проклятых призраков.

Он смотрел в окно. Унылый пейзаж стремительно менялся. Чем дальше уходил поезд на юг, тем выше были сосны в лесу, реже попадались станции, жилые постройки. Внезапно он почувствовал какую-то скрытую опасность и непреодолимое желание бежать. Все его существо напряглось, непонятное беспокойство всецело овладело им.

Привыкший доверять своей интуиции он сошел на ближайшей станции. Дальнейший путь ему предстояло преодолеть пешком. Да, это займет гораздо больше времени, но чтож. Скоро завершится его трансформация, его тело приобретет земную оболочку, и, предоставив судьбе вершить свое правосудие, он направил свои стопы на юг.

Он шел самыми пустынными дорогами, стараясь не выдать себя, но тепло человеческого жилья манило его. Когда стало темнеть, он набрел на маленькую деревушку, затерянную в лесах. Постепенно его тело начинало чувствовать усталость, и он решил отдохнуть, спрятавшись в каком-нибудь укрытии.

Мысль предупредить сэнмиров не давала ему покоя. Но что он может сделать больше того, что уже сделал? Пожалуй, было слишком опасно выдавать себя сейчас. Ему не поверят, его планы нарушат. Нет, нельзя. Пока нельзя. Но, может быть, дать им знать, не раскрывая своего местонахождения? Выслать сойку? Но ее обязательно перехватит Смолл. Он наверняка уже обо всем догадался и принял все меры предосторожности. Кто знает, кого он призовет в союзники...

Все эти мысли не давали ему покоя, и все-таки Кливерт решил рискнуть. Он решил написать письмо. По дороге он увидел здание почты и подошел ближе. Никем не замеченный он долго наблюдал, как почтальон за окном сортирует письма и отправляет их через какие-то прозрачные трубочки, где их тут же подхватывает мощный поток воздуха и уносит вверх. Он впервые видел, как работает пневмопочта. «А что, это может сработать», – подумал он.

В придорожной таверне, никем не замеченный, он прошел на второй этаж, в кабинет, обитый дорогой тканью, сел за массивный письменный стол, взял ручку и лист бумаги. Мало-помалу его тело приобретало земные свойства, оно все

еще было полупрозрачным сгустком тумана, но он уже мог касаться земных предметов.

Он обмакнул перо в чернила и написал несколько слов. Закончив писать, он вчетверо свернул бумагу и убрал её во внутренний карман сюртука. Когда часы в доме, где он был, пробили полночь, он вышел во двор. Сильно мело. Никто не разглядит его в такой непроглядной мгле. Снег больно хлестал по лицу, но он радовался этой ледяной боли, как радуется забытому другу. Наконец-то он снова может чувствовать! И пусть первыми возродившимися в нем чувствами стали усталость и боль – он принимал их с благодарностью. Ведь он жил! А это было самым главным.

Вскоре он дошел до здания почты и остановился. Почтовое отделение уже давно закрылось, но внутри его горел свет. Кливерт хотел было пройти внутрь прямо через стену, но потом, вспомнив о письме, лежащем во внутреннем кармане, подошел к приоткрытой форточке. Бумага не пройдет сквозь стену, а вот пролететь в форточку она может. Если бы кто-то из людей в это время проходил мимо почтового отделения, то, несомненно, не поверил бы своим глазам, увидев, как лист бумаги сам протискивается внутрь через узкую щель приоткрытой форточки.

Он огляделся, на полках лежала отсортированная и готовая к утренней отправке корреспонденция. Он взял с витрины чистый конверт, из ящичка возле рабочего места почтмейстера он достал марки всех мастей и цветов. Упаковав

свое письмо, он стал наклеивать марки. Сколько их нужно? Да кто ж его знает. На всякий случай он наклеил пять – самых красивых. Осталось только подписать адрес. Он взял железное перо на красной деревянной ножке, обмакнул его в густые чернила и нацарапал на конверте адрес.

«Так хотя бы есть шанс», – сказал он сам себе, – «Надеюсь, им не придет в голову проверять человеческие письма».

Он подошел к трубкам пневмопочты, отыскал на одной из них надпись «Сноутон» и вложил туда письмо. Как только он закрыл крышку, письмо взлетело вверх. Уже утром почтальон Сноутона понесет его адресату. Дело сделано, и он может продолжить свой путь: на юг, к скалистым горам, в маленький городок его детства.

Филлерт был построен на заброшенных шахтах, разработка которых давно закончилась, а оставшиеся пустоты длинными подземными лабиринтами тянулись от равнины до самых гор. Этим коридором он и воспользуется, чтобы попасть в Филлерт никем не замеченным.

Кливерт спешил. Он предпочитал идти лесом. Он шел уже много часов. Звезды стояли высоко в небе, когда он понял, что к уже существующим у него земным чувствам добавились еще несколько: холод и голод начинали мучить его. Он вдруг почувствовал, что не спал четыре сотни лет! Нужно было остановиться на ночлег, но где? В бескрайнем лесу нет ни хижины, ни убежища. Нужен был костер. Он собрал в кулак всю свою волю, надеясь, что его тело позволит ему ис-

пользовать навыки сэнмиров.

Маленькая искра упала на тонкие ветки, которые он нарывал с упавших деревьев. Промерзшее дерево долго не хотело разгораться. Хворост дымился, но не горел. И все-таки Кливерт был сильным сэнмиром. Даже потеряв свой дар хранителя, он сохранил достаточно сил, чтобы работать с природными стихиями. Огонь подчинился ему.

Костер разгорался. Тепло стало обволакивать его, он с наслаждением подсел поближе к огню, чувствуя блаженство первобытных людей, познавших великое благо рукотворного тепла. И вдруг, он ощутил чье-то незримое присутствие. Рядом с костром кто-то ходил во мраке ночи.

Кливерт опустил руку в пылающий костер. Не боясь обжечься, он вынул из огня горящую головешку и бросил ее в темноту. Звуки смолкли. Присмотревшись, он увидел силуэт громадного волка с блестящими, как уголья, глазами.

– Мир тебе, дух леса, – сказал Кливерт, – Ты охраняешь свои владения, но я ничего не возьму у тебя и уйду на рассвете. Дай мне лишь спокойно отдохнуть. Я не спал четыре сотни лет и очень устал.

Кливерт поднял с земли какую-то палку и очертил магический круг на снегу вокруг своей стоянки. Он провел над кругом рукой, и тот загорелся фосфоресцирующим светом. Свет стал подниматься в небо, и вскоре Кливерт был окружен сверкающей стеной, надежно защищающей его. Он был измотан и еле держался на ногах. Едва его голова коснулась

земли, он провалился в глубокий сон без сновидений.

Едва забрезжил поздний зимний рассвет, Кливерт проснулся. Выходя из нарисованного им на земле круга, он заметил черные пятна на снегу. «Откуда здесь черная кровь?» – подумал он. Кливерт стал озираться по сторонам, взглянув наверх, он увидел на ветвях голых деревьев трупы огромных черных собак. Они висели, высунув синие языки, – это были гончие псы, посланные Смоллом следить за ним. Итак, сомнений больше не было: Смолл знает все...

Часть 15. Перерождение.

Лучи утреннего света прорезали щели в занавесках. Под мерный стук колес спали пассажиры, едущие на Филлерт. Дулли не спал, он откинулся на своем сидении и смотрел в окно – на мелькание деревьев, столбов с натянутыми на них проводами, на маленькие домики, пробегающие мимо. Он не замечал, как его тело стало обретать едва осязаемые контуры, становилось тяжелее, постепенно переход подходил к концу, еще немного и он обретет человеческую плоть и кровь.

Раздался какой-то шум. В соседнем купе заплакал ребенок. Дулли почувствовал жажду и насторожился. Он сложил руки перед собой, как тираннозавр, и выглянул в коридор, пригнувшись. Его ноздри широко раскрылись, как у доисторического животного, в поисках добычи. Он медленно за-

глянул в купе. Одинокiй малыш надрывался от плача в своей коляске. Его мать ушла набрать воды в бутылочку для кормления. Дулли осмотрелся по сторонам и крадучись подошел к ребенку. Эта гнусная тварь питалась страхами, а что может быть проще, чем напугать младенца? Он прикрыл глаза и стал наводить морок на ребенка. О! В этом ему не было равных. Он источал вибрации ужаса и отвращения, пустоты и смертной тоски одновременно.

– Малыш, твоя мама ушла... Она бросила тебя и никогда уже не вернется, – прошипел он.

Ребенок замер, он не мог слышать слова Дулли, но безотчетный панический страх вдруг овладел им: «Мама, где она?». Тревога росла и ширилась в его сознании, он заплакал еще громче.

– Она уже забыла о тебе, ушла далеко-далеко, а, может быть, она умерла! Плачь -не плачь, это не поможет. Её уже давно нет в живых, она никогда не вернется к тебе. Бедный, бедный малыш...

Дулли стоял и с наслаждением слушал истошный рев младенца, его тело содрогалось в конвульсиях при каждой новой волне плача, но не от жалости или сострадания, он пил боль маленького человечка, пил с удовольствием прикрыв глаза. Но вот в коридоре показалась мать ребенка с бутылочкой в руке, она прошла сквозь Дулли, даже не заметив его. Она взяла ребенка и нежно прижала к себе.

– Тише, тише мой маленький. Мамочка рядом, мамочка

с тобой...

Дулли вернулся в купе довольный: этой энергии ему хватит до конца путешествия. Колеса вагона мерно стучали. Ему было хорошо и приятно, впервые за четыреста последних лет боли и страданий. И вдруг, неожиданно поезд стал замедлять ход. Дулли удивился, что за станция такая? Ее не было на табло!

Он выглянул в окно. Состав подъезжал к тоннелю из ключей проволоки, вдоль которого ходили люди в серых шинелях с бластерами наперевес. Дулли заметался по вагону. Взгляд его упал на женщину с младенцем в соседнем купе – они застыли как каменные изваяния. Даже младенец, припавший губами к бутылочке, замер.

– Опять сэнмиры! Везде сэнмиры! Они остановили время, – думал он, – но для чего? Что это за место?

Он хотел было выбраться из поезда, но тут двери соседнего вагона хлопнули, скоро они будут здесь... Они найдут его, они непременно его заметят, эти сэнмиры, чтоб им провалиться... И тут случилось то, чего он давно ждал, но не мог предположить, что этот момент наступит так неожиданно: дикая боль пронзила все его тело, его сердце дрогнуло и от него к кончикам пальцев потекла живая человеческая кровь. Трансформация завершилась. Он стал человеком.

Дулли кинулся в соседнее купе, сорвал с себя старый сюртук, огляделся, схватил первое, что попало ему под руку – большой фиолетовый махровый халат, висевший на крючке

возле двери – затем подскочил к люльке и взял в руки ребенка. Он отвернулся к окну, держа ребенка на руках и замер. Он сидел тихо и неподвижно, стараясь даже не дышать. Он слышал, как в вагон вошли двое, слышал их шаги по коридору, хлопанье дверей и крышек багажных отсеков. Ему казалось, что сердце его бьется так громко, что вот-вот этот стук будет услышан его врагами.

Дверь в купе открылась, на пороге стояли два вооруженных человека. Если бы они вошли всего минуту назад – они, несомненно, расстреляли бы его из своих бластеров. Но сейчас, сейчас, в человеческом теле, у него есть шанс затаиться. Бластеры не причинят ему вреда, для человека – это всего лишь свет. Он слышал, как закрылась дверца купе, шаги удалялись, а он все еще боялся пошевелиться. Наконец, двери вагона хлопнули, и Дулли облегченно вздохнул.

– Положи ребенка, – неожиданно услышал он спокойный и уверенный голосу себя за спиной. Дулли подскочил. Он прижал ребенка к себе, как единственную защиту, рот у него разошелся в кривой гримасе, изо рта вылетело что-то вроде шипения. Он сидел спиной к двери купе и мог видеть говорившего только в отражении окна. Это был Роб Харт, сын Леона Харта, главы рода сенмиров. Дулли не знал его, но спинным мозгом чувствовал, что человек этот очень силен. Он буквально впечатал его в сидение, Дулли не мог даже пошевелиться.

– Положи ребенка, – тихо, но настойчиво потребовал Роб.

Дулли извивался, как змея, сопротивляясь, борясь с самим собой, он против своей воли медленно положил ребенка в коляску. Ему казалось, что его руки сами сделали это, как будто он был лишь марионеткой, которой управляет всемогущий кукловод. От напряжения все его тело трясло крупной дрожью, пот градом заливал лицо.

– Хорошо, а теперь встань и иди за мной, – произнес тот же спокойный и уверенный голос.

Как Дулли не пытался сопротивляться, его тело не подчинялось ему. Они вышли в коридор вагона, дошли до двери. Одним взглядом Харт заставил дверь открыться. Едва сгибая одеревеневшие ноги, Дулли спустился по лестнице на высокую насыпь.

– Твое кольцо.

– Нет, я не отдам, – Дулли боролся с собой. Однако, рука сама собой поднималась вверх, хоть он и старался ее удерживать. Он изогнулся, скрючился всем телом, упал на колени, держась за свою руку и борясь с невидимой силой.

– Не дури, Дулли. Отдавай кольцо. Оно тебе больше не подвластно, – и Харт провел рукой над кольцом Дулли. Кольцо стало чернеть на глазах, оно темнело и темнело, пока не превратилось в пыль и пепел и не осыпалось с пальца Дулли. – А теперь, ехидна, когда я вырвал твое жало, кусайся, если сможешь. Ты слаб теперь, как дождевой червяк.

– Как бы не так, – взвизгнул Дулли и, обернувшись хорьком, бросился бежать. Вооруженная охрана открыла огонь

по ускользящему врагу, но их бластеры не могли повредить Дулли. Для живого человека из плоти и крови они были безопасны, как солнечный свет. В мгновение ока хорёк пересек насыпь, юркнул под проволоку, оставив на ней клочок своей шерсти. Огромный орел взмыл в небо, чтобы начать преследование, но и тех секунд, что понадобились на перевоплощение, хватило Дулли, и он скрылся в лесу. Орел еще долго парил над тем местом, но Дулли затаился и не двигался до тех пор, пока тот не скрылся из виду. Тогда его черный нос показался над снежным покровом леса.

Дулли понимал, что прямой путь в Филлерт отныне ему закрыт. Роб Харт не остановится, пока не выследит его. Он решил, уходить туда, где его не будут искать – назад, на север, и раз уж он не может опередить Кливерта на поезде, значит теперь его задача – отыскать его след где-то на предыдущих станциях и начать преследование.

Он надеялся найти место, где Кливерт сошел с поезда, чтобы, обнаружив его след, выследить его самого. Да, он потеряет день, а, может, и два, но это лучше, чем наобум искать след человека в бескрайнем лесу или попасться в когти орла. Хорьком он сможет добывать себе пищу, спать в норах лесных обитателей, а как только он выберется, то сразу же пошлет сойку Смоллу.

Ему повезло, уже на ближайшей станции он почувствовал его. На второй день он достиг места, где провел свою ночь Кливерт. На снегу среди следов борьбы и черных пятен кро-

ви он различил смазанные отпечатки следов громадного волка-оборотня. Так вот что случилось: в игру вмешалась еще и сэнмиры-волки, растерзали гончих псов. Судя по всему, их пребывание в мире людей уже давно перестало быть секретом для сэнмиров, более того, следы Кливерта по-прежнему вели на юг, а значит, волки не тронули его! Почему?

Глава 16. Радости жизни.

Одновременно с Дулли трансформация прошла и у всех остальных призраков. Смолл и Ларсон ликовали. Человеческая сущность дарила им возможность жить полной жизнью, не говоря уже о преимуществах перед простыми смертными, которые давало им их сила, заключенная в кольце.

Перво-наперво, они вернулись на окраины Сноутона, в квартал Мертвых, где по только им одним понятным приметам отыскивали место, где были припрятаны богатства Смолла.

Поплевав на руки, Ларсон взялся за уступ большой лопаты. Он вгрызлся в мерзлую землю с остервенением, с дикой жадью, страстью голодного человека. Уже через два часа работы его лопата стукнулась о крышку окованного железом сундука. Глаза Смолла заблестели. Он был рад, что не ошибся в расчётах, ведь узнать место, где был припрятан клад, спустя четыре сотни лет, да еще и после всемирного потопа – было практически невысказано.

Вытащив огромный сундук на поверхность, Ларсон сбил пудовый замок. Смолл приоткрыл крышку. Все его богатства

были в целостности и сохранности. Теперь они – обеспеченные граждане Сноутона!

– Сейчас мы зайдем в банк... Мне нужно сделать вклад, – усмехнулся Смолл.

– А что ты хочешь вложить?

– А вот это, – Смолл встряхнул мешок с золотыми монетами времен Рюрика. – Золото, друг мой Ларсон, это валюта на все времена.

Как только двери банка открылись для первых посетителей Ларсон и Смолл уже стояли на его пороге. Служащие банка с недоверием отнеслись к двум странного вида оборванцам без документов, но, когда те вывалили перед ними груды золота, началась настоящая суэта. Монеты были приняты по описи, и на счету Смолла оказалась довольно внушительная сумма. Им выдали чековые книжки и объяснили, как ими пользоваться, так как к удивлению работников банка их посетители, как будто впервые столкнулись с подобными вещами.

Став богачами, Смолл и Ларсон ни в чем себе не отказывали. Они поселились в самом роскошном отеле города, пригласили к себе лучших портных. Стол в их номере был уставлен различными яствами.

– Перепела в чесночной подливке, молочные поросята на вертеле, зайчатина в лапше, сколько лет я мечтал об этой минуте, – рычал Ларсон, а перед ним одно за другим появлялись изысканные блюда, – Я четыре сотни лет голодал, как

постник, а сейчас я хочу кулебяк, расстегаев, курников, мясных пирогов, оладий и блинов, конечно же! Блинов со сметаной!

– Лучше с икрой, а еще ухи из сизьменской стерляди и можжевелевой медовухи. Вот услада желудку! Хорошо! Прямо как в бытность мою при Иване Васильевиче, ведь я был ко всему прочему его личным поваром, если ты помнишь. Да, славное было времечко, – отвечал Смолл, намазывая блин черной икрой. – Ну, здоровы будем, бояре!

И он поднял огромный старинный кубок с медовухой.

– Да здравствует жизнь! – поднял свой кубок Ларсон.

Когда они были призраками, они были лишь тенью на земле, вся жизнь этих несчастных существ не имела вкуса. Ни желаний, ни устремлений. Они жили как в летаргическом сне: краски потухли, звуки еле слышны. Они ничего не чувствовали. На лице – обречённость и тоска. Смертельная тоска. Живые мертвецы, способные только осознавать, что они есть. А жизнь была рядом, но ощутить ее, дотронуться до нее они не могли. Жизнь была как ускользающий мираж, который нельзя ни догнать, ни поймать, ни удержать. Вот какой была их жизнь – без вкуса, без цвета, без запаха. И как же резко все изменилось!

Тело человека, как много оно дает! Это поистине совершенное творение! Обретя земную плоть, они словно очнулись от долгого сна и поняли, как прекрасна жизнь! Энергия

потекла по жилам. Просто дышать, выпивать этот свежий воздух – разве это не прекрасно! Сколько простых наслаждений дарит тело, как приятно ощущать кожей прикосновение дорогих простыней, игра света в хрустале радует глаз, а вкус – сколько эмоций может подарить простая человеческая еда!

Смолл и Ларсон наслаждались жизнью, и помимо физических удовольствий, которое давала им их земная оболочка, они получали бесконечное блаженство от ощущения того, что их разум включился на полную мощность, а сознание, наконец, очнулось от забвения. Пелена тумана слетела с сознания. Мысли стали четкие и свежие, память и чувства обострились, мозг начал воспринимать мельчайшие детали, формулировать мысли стало невероятно легко. Они летели, как гоночный болид, обходя все неровности дороги легко и непринуждённо.

Жизнь влилась в их тела и наполнила их силой, страстью, энергией. Жажда жизни становилась тем сильнее, чем более живыми они себя осознавали. Это было похоже на фейерверк! Они не должны проиграть! Они не могут потерять это снова! А для этого надо быть хитрее и умнее, нужна власть и сила, которой они добьются несмотря ни на что.

В тот момент Смолл поклялся себе, что сделает все, чтобы стать сильнее своих врагов, что ни один человек теперь не сможет помешать осуществлению его замыслов, что никто и никогда не отберет у него самое дорогое, что есть у живого существа – его жизнь.

– Ларсон, я взорву вселенную, но добьюсь своего! Эти жалкие существа, они ответят мне за то, что они со мной сделали! – говорил он, – Ни одна тварь на Земле больше не перейдет мне дорогу, а получив Кристалл, я буду жить вечно!

– Нам нужны союзники...

– Я думал об этом. Предстоит война, и мы не можем снова проиграть.

Глава 17. Старый телепорт.

Утро в доме сэнмиров началось спокойно. Родители Яна вновь ушли через зеркальный портал на встречу с Леоном Хартом. Оставшись одни, дети радовались неожиданным каникулам, которые могли закончиться в любой момент, и от того были особенно ценными. Ребята наслаждались прекрасной летней погодой. После завтрака играли в бадминтон, бродили по саду, читали книги, удобно устроившись в гамаке, – словом проводили время с пользой.

Лэсли предложил Адель исследовать сад, к ним тут же захотели присоединиться Тим с Софией, ну и, конечно, Ян тоже увязался с компанией. Они носились по шуршащим гравиевым дорожкам, обрамленным высокой живой изгородью. Пройдя сотни две шагов, они поняли, что попали в какой-то странный лабиринт, который не собирался их так просто отпустить.

– Когда попадаешь в лабиринт, надо пользоваться правилом одной руки, – важно сказал Тим, оглядываясь на взвол-

нованное лицо Софии.

– Это как? – спросил Ян.

– Всегда, когда нужно свернуть, сворачивай только в одну сторону. Придется пройти длинный путь, заходя во все тупики, но в итоге – цель будет достигнута.

– Да, похоже, нам ничего больше и не остается, – сказал Лэсли.

– Тогда не будем терять времени, – подытожила Адель. И они двинулись в путь.

Никто не понял, сколько времени они ходили по лабиринту, им даже показалось, что время там остановилось. Но вот они вышли на полукруглую бетонную площадку, окруженную высокими колоннами. Было похоже, что на нее уже несколько столетий не ступала нога человека. Судя по всему, этой конструкции было уже много веков, а может и не одно тысячелетие. Колонны были надтреснуты, бетон на полу крошился и превратился в пыль. Ян ковырнул его ногой, и тот рассыпался, подняв над землей серое облачко.

– Ого, – воскликнул Лэсли, – ребяташки, да вы знаете, что это такое? Это, друзья мои, телепорт! Отец рассказывал о таких, но сам я никогда до сего дня ничего подобного не видел.

– Их раньше было очень много, их заставлял работать Кристалл Судьбы, – ответила Адель, – Жаль, что он был потерян, и все эти приспособления не работают теперь без него.

– Да, эта штука, судя по всему, стоит здесь уже не одну

сотню лет, – Лэсли стал ходить вокруг телепорта, запрокинув голову и стараясь рассмотреть его во всех деталях. Яркое солнце било в глаза, мешая разглядеть надписи наверху.

– Да, мы сейчас вообще живем, словно в каменном веке, по сравнению с теми возможностями, которые были раньше, – сказал Тим, входя в круг телепорта. Тотчас же в воздухе появились бегущие знаки и символы.

– Ух ты! Работает, – удивленно сказал Тим, – неужели за столько веков не села батарейка? Или у него независимая система питания?

– От солнца или ветра – запросто, – сказал Лэсли.

Вскоре мелькание закончилось, и перед ребятами всплыло световое табло с названиями разных городов на непонятном им языке.

– А это что еще такое? – Ян указал на необычные надписи. Буквы в названии городов были похожи на привычный ему алфавит, но значения слов он все равно не мог понять. Адель подошла ближе и всмотрелась в странные буквы.

– Это, кажется, кириллица – забытые письмена... Странно все это, – сказала она.

– Что значит забытые письмена? – спросила София.

– Это было еще до потопа, тогда в мире было много разных языков и люди писали разными буквами, даже иероглифами. Я изучала древние языки, – сказала Адель, – дайте-ка посмотреть...

Адель наклонилась ближе к табло и стала читать названия

городов. Вдруг она наткнулась на очень странное название: МОСКВА!

– Москва.

– А почему не Московия? Хм, странно все это, – Лэсли подошел ближе и задумчиво посмотрел на приборную панель телепорта, неожиданная мысль пришла ему в голову.

– Подождите. Телепорт может отображать только земные города?

– Нет, насколько я знаю, с его помощью раньше можно было и между мирами путешествовать, – Адель начинала понимать, к чему он клонит.

– Так вот, что я вам скажу, – Лэсли хитро прищурился, – с телепортом все нормально, а Московия – она реально существует, только где-то в ином измерении, а называется она теперь – Москва!

– Это уму непостижимо, – сказал Тим.

– Ребята, да это новость века просто! – воскликнул Ян.

– Подождите вы радоваться, – Тим был настроен скептически, – Как мог целый мир взять и самопроизвольно перепрыгнуть в другое измерение, и никто ничего не заметил?!

– Сам не мог – это факт, для этого должен был быть творец, – подтвердил Лэсли, – Но при этом, кто бы он ни был, ему еще источник энергии нужен был колоссальный...

– Например, звезда Кеплера? – спросила Адель. Все взгляды устремились на нее.

– А я знаю, кто это был, – сказал вдруг Ян.

– Да ладно? – Лэсли засмеялся, – Да ты просто ясновидящий, братец.

– Кажется, и я начинаю понимать, – сказал Тим, – Это Кливерт четыреста лет назад.

– Вообще, если подумать... да, – подтвердила Адель.

– Получается, что Кливерт остановил вселенский потоп, создал Москву, и сам же устроил черную дыру, и утащил призраков в мир теней и себя заодно? Не-а. Что-то не сходится, – сказал Лэсли.

– Один просто не смог бы, – сказал Тим, – Сильно вряд ли.

– Вполне возможно, что ему помогли, но мы этого точно сейчас не узнаем, – сказала Адель, – Но я вполне допускаю, что именно Кливерт остановил вселенский потоп. Но вот он ли создал Москву в параллельном измерении – это еще надо доказать. Равно как и объяснить их переход в мир теней. Без высших сил здесь не обошлось, а может быть, и сенмиры вмешались.

– Слушайте, есть только один способ все это проверить, – сказал Тим, он поднял руку с кольцом и коснулся таинственной надписи МОСКВА. «Загружаю», – высветилось в ответ. Все замерли в напряженном ожидании, их взгляды были прикованы к приборной панели. Что же сейчас произойдет?

«Операция невозможна. Недостаточно ресурсной энергии», – выдал телепорт. Вздых разочарования и одновременно облегчения прокатился над телепортом.

– Не вышло, – разочарованно сказал Тим, – а все потому,

что Кристалла в нашем мире нет.

– Быстро ты принимаешь решения, однако, – сказал Лэсли, – я даже еще не успел испугаться.

– Подождите... Не хватает энергии... Это потому, что в нашем мире кристалла нет... Но если есть Москва, которая связана с нашим миром телепортом, то может быть... – Адель подняла глаза на Лэсли.

– Адель, да ты гений! – он смотрел на нее ошеломленно, – Кристалл в Москве, именно там он и должен быть! Это у нас история пошла кувырком, а там-то как раз все должно быть, как надо! Кристалл не у нас, а в Москве, в параллельном мире!

– Печально, – сказал Ян, – Но радует, что если мы не можем до Кристалла добраться, то и никто не может. Или нет?

– Хм... Давайте-ка быстрее выбираться из этого треклятого лабиринта, – сказал Тим, – задержались мы здесь, да и вообще, я есть хочу...

Глава 18. Письмо.

Чайки выполнили свой долг. Сразу после полуночи они легли на крыло и буквально через час доставили сообщение главе рода сенмиров Леону Харту. Ларсон и Смол не покидали Сноутон, Дулли был замечен в поезде на Филлерт, а Кливерт продвигался на Юг через леса пешком. Чайки также рассказали, что, судя по всему, на него готовилось покушение. Гончие псы подошли слишком близко, но по непонят-

ным причинам не торопились нападать, а чего-то выжидали, окружив место ночевки Кливерта.

Реакция Леона Харта была молниеносной. Он дал поручение ночным волкам защитить Кливерта, волки вступили в сражение и уничтожили гончих псов. Кливерту больше ничего не угрожало. Путь был свободен. Он беспрепятственно доберется до места назначения.

Леон Харт торопился поделиться новостями с семьей Енсен и вызвал их для переговоров в зазеркалье. Но не только это стало темой разговора в тот день. Была еще одна очень странная новость, объяснения которой он не находил.

Он извлек из кармана куртки странное, смятое письмо, которое рано утром принес ему почтальон. Он разглядел конверт и положил его на стол.

– Это принес сэр Робертсон. За вашим домом следят, и он счел нужным доставить его сюда, – сказал Харт, – Это весьма странное письмо, посмотрите, как коряво написан адрес, как будто человек, писавший его, едва мог держать перо в руках. И марки. Посмотрите, их более чем достаточно, чтобы переслать письмо на другой конец Земли, но при этом не проставлен штамп отправителя, то есть мы не можем узнать, откуда это письмо пришло.

– Действительно странно, но почему ты показываешь его нам? – спросил Джон.

– А ты прочитай адрес, – посоветовал Харт.

Анна взяла письмо из рук Джона и прочитала: «Улица, где

весной цветут яблони, самый желтый дом. Лисенку».

– Это письмо Лэсли? От какой-нибудь девушки? – спросила она.

– Боюсь, что нет. Все немного серьезнее, – ответил ей Джон.

– Верно, Джон. Это письмо Яну. И, боюсь об заклад, это письмо от Кливерта.

– В таком случае, нам надо идти. Никто кроме него не сможет открыть и прочесть письмо.

– Но стоит ли вообще открывать его? – взволнованно спросила Анна.

– Он уже не малыш, Аня, – сказал Джон, – идем.

Они вошли в гостиную как раз в то время, когда Дивон подавал обед. Серебряные приборы были начищены до блеска, изумительного оттенка фарфор украшали вышитые салфетки. Легкий ветерок врвался в распахнутые окна, нырял под скатерть, заставляя её вздуться волнами, а блюда и чашки весело приплясывать. Перед каждым появлялись его самые любимые блюда.

– Приятного аппетита честной компании, – сказал Леон Харт, входя в комнату. – Ян, я, собственно говоря, пришел к тебе: есть маленькая загадка, которую без тебя нам разгадать просто невозможно. Не возражаешь немного отложить обед? Адель, дорогая, твои способности нам тоже будут весьма полезны.

– Да, конечно, Леон. Я готова, – ответила Адель и встала.

– Речь идет об очень странном письме, – сказал Джони протянул Яну конверт.

– Я получил его сегодня утром исключительно благодаря сэру Робертсону, который счел нужным сразу направить письмо мне, зная, где мы все собрались, – начал Леон Харт.

– Сэр Робертсон? Это же наш почтальон! Я помню его, папа, он был на совете сэнмиров! – воскликнул Ян.

– Так и есть. Но, чтобы понять, что все-таки происходит, надо чтобы ты открыл письмо, – сказал Джон.

Ян был удивлен. Еще вчера ночью, он был на совете сэнмиров, который собрался по его милости, а теперь вот на его имя приходят странные письма. Он вскрыл конверт и достал сложенный вдвое листок. Корявым почерком, каким пишут дети в первом классе школы, были выведены странные, похожие на старинные письма печатные буквы, которые дрожали и подпрыгивали на измятой бумаге. В письме было всего три слова, и Ян прочитал их вслух: «Жду тебя в Свиттоне».

Ян стоял ошеломленный, он ничего не понимал. Причем тут Свиттон? Он передал письмо обратно отцу. На его лице читалось удивление.

– Это, наверное, какая-то шутка? – неуверенно спросил он.

Джон взял письмо из рук сына.

– Может быть, тебе станет что-то боле понятно, Адель? – Джон передал листок девушке.

– Это писал не человек, – быстро сказала она.

– Это письмо Кливерта, в этом нет сомнения, – мрачно сказал Леон Харт, – Мои худшие опасения подтвердились.

Это заявление произвело на всех эффект разорвавшейся бомбы. Как? Почему Кливерт вдруг решил написать письмо... Яну?! Это что, какая-то ловушка? Как реагировать на это? Что теперь делать? Все эти вопросы, казалось, рвались наружу, но все-таки все сохраняли спокойствие. Наконец, Леон Харт произнес:

– Не знаю как, не знаю, по какой причине, но очевидно одно: Ян, ему что-то нужно именно от тебя. Между вами есть какая-то связь, которой я не понимаю. Но отрицать это бессмысленно. Только слепой мог не заметить этого. Ведь именно тебе он показал дом, где проходил тайный совет проклятых призраков.

– И вот сейчас, пишет Яну письмо, – сказал Джон. – Что бы это значило?

– По-моему, самое странное – это то, как он узнал адрес, – сказала Адель.

– Действительно! – воскликнул Леон Харт, – Ведь он написал адрес так, как если бы мог видеть глазами Яна. Не зная названия улицы, он все же написал, что весной на ней цветут яблони, назвал его лисенком...

– И что я живу в желтом доме, – закончил фразу Ян.

– Видимо связь еще сильнее, чем мы думали. Он смог войти в твое сознание, Ян, он увидел все так, как если бы он сам

был тобой! Кто знает, какой информацией он еще владеет! И судя по всему, это продолжается уже довольно давно, ведь яблони цветут весной, а сейчас уже зима, – Леон Харт был сильно обеспокоен.

Он не знал всех способностей Кливерта и боялся, что помимо ясновидения он мог обладать и даром внушения. А кто даст гарантию, что он не внушит маленькому лисенку мыслей, способных подвергнуть опасности весь род сэнмиров? Он был хранителем рода, и именно ему предстояло принять непростое решение. Как поступить в этой ситуации, допустить ли встречу Яна с Кливертом, как о том говорилось в письме?

– Между вами связь настолько прочная, что обычно это бывает только в одном случае – если вы родственники, но мы-то знаем, что это не так, – сказал Джон.

– Одинаковый генетический код? – спросила Адель.

– Мама, а я точно ваш ребенок, а не приемный? – вдруг спросил Ян.

– За это я ручаюсь, – засмеялась Анна.

– Но зачем я ему вдруг понадобился?

– В этом и кроется вся суть этого письма, но у нас нет ответа на этот вопрос, увы, – сказал Джон.

– В этом письме есть все, что нам нужно, мы просто этого не видим, – сказала Адель, – Давайте рассуждать, я всегда так делаю, когда чего-то не понимаю. Итак, встреча назначена в Свиттоне.

– Это недалеко от бабушки, – вдруг вспомнил свои летние приключения Ян.

– И от Муруджунской Иглы, – загадочно закончил за него Лэсли, тоже подумав об этом.

– Верно! Это как-то связано с аномальной зоной, я чувствую это, – сказала Адель.

– Что же там ищет Кливерт, он ведь не просто так направился в ту сторону? – задумался Джон, – Если Кливерт знает, где находится Кристалл судьбы, то все сходится! Уж не там ли?

– А это интересная версия, – сказал Леон Харт, – да только мы исследовали аномальную зону вдоль и поперек – ничего там нет!

– Это удивительно! – воскликнула Анна, – Все сэнмиры Земли не могут найти Кристалл, и тут является призрак из мира теней и говорит, что знает...

– Да мы тоже знаем, – как бы между прочим вклинился в разговор Лэсли, – и нет в этом ничего сложного, – и он подмигнул Яну.

– Ну да... – сказал Ян, – мы все знаем.

– А вот это уже интересно, – удивился Леон Харт, – так, молодежь, давайте, выкладывайте, что у вас там еще за новости?

– Кристалл находится в параллельном мире! Не в бывшей Московии, не на Земле, где его все ищут, а в другом измерении.

– Что? – Анна ошарашено смотрела на сына.

– Кристалл в Москве, – и Лэсли рассказал о том открытии, которое они сделали буквально несколько часов назад.

Он объяснил, что если верить телепорту, то где-то, в каком-то из миров существует Москва, которая в отличие от погибшей четыреста лет назад Московии, прекрасно живет и здравствует где-то в ином измерении. Видимо благодаря Кристаллу судьбы.

– И что уж там, если в мире погибшей Московии Кристалла нет, не трудно догадаться, где он находится сейчас, – закончил свой рассказ Лэсли, – на Муруджунской Игле, только не в нашем мире, а в Москве, вот почему его так и не смогли найти у нас в аномальной зоне.

– Возможно, ты прав, – многозначительно сказал Леон Харт, – Вы знаете, я читал в древних текстах, что когда-то на Игле стоял древний храм, который бесследно исчез ...

– Четыреста лет назад, – сказал Лэсли.

– Да, и он вполне подходит под описание... Он может быть Храмом судьбы. Мне надо подумать. Я должен слетать в одно место, проверить. Мне надо снова найти этот древний манускрипт. Это займет какое-то время, но это даст нам необходимые ответы на наши вопросы...

– Ты полетишь в Бодлеан, Леон? – спросил Джон.

– Да, причем немедленно. Проводи меня.

Вдвоем они вышли на площадку перед домом. Зимнее солнце уже клонилось к закату, но на дорожках сада было

по-летнему тепло.

– Если все это правда, – сказал Леон Харт, – Древний Храм не исчез бесследно вместе с Московией, а возродился с новой Москвой, и значит, он может быть где-то внутри аномальной зоны, возможно на том же самом месте – на Мурджунской Игле, только в параллельном мире. Вот откуда вся эта аномальная энергетика вокруг горы. А если Храм – хранилище Кристалла – сейчас в Москве, то и Кристалл тоже должен быть там. Мне надо лететь, Джон, но вы все можете вернуться домой, сенмиры уже сделали все необходимое для обеспечения вашей безопасности. Береги Яна. Ничего не предпринимайте, пока я не вернусь!

– Конечно, Леон, – ответил Джон.

Гигантским орлом Леон Харт взмыл в небо, это был беркут с размахом крыльев в три метра. Он летел в Бодлиан, город, хранящий архивы с незапамятных времен. Там, в недрах старейшей в мире библиотеки, созданной практически одновременно с изобретением письменности, должны были быть записи о событиях тех лет. Современник Рюрика, Томас Бодли, в честь которого и был назван город, был известным собирателем старинных манускриптов. Он состоял на службе у самой королевы Елизаветы и был современником событий, происходивших в мире в год восхождения звезды Кеплера.

В древних архивах Леон Харт найдет ответы на все свои

вопросы – старый, запыленный пергамент, пожелтевший от времени, описывающий великолепный храм, построенный на заре новой эры на Муруджунской Игле. Вот оно! И последнее упоминание храма... 1604 год! Да! Все совпадает! Он оказался прав! Хранилище Кристалла не может исчезнуть бесследно, а значит, никуда Храм и не исчезал. Он просто совершил переход вместе с Москвой и по-прежнему стоит на горе, только в ином измерении.

– Нет, это невысказано, – сказал сам себе Харт, страшная догадка поразила его, как удар молнии, – Один генетический код, так говорила Адель, а никто не обратил внимания на эти слова. Одинаковый генетический код бывает только в одном случае! Бывший хранитель нашел себе преемника, и это – маленький лисенок! Об этом нельзя писать в письмах, надо срочно лететь назад, и как можно быстрее!

Глава 19. Хранитель.

Когда его ноги коснулись земли Филлerta, Кливерт заплакал. Вся боль, копившаяся в нем все эти годы, стала выливаться наружу. Он плакал долго, навзрыд, как плачут только маленькие дети – отчаянно и безутешно. Родная земля впитывала его боль, и ему становилось легче. Он пробыл в Филлерте три дня: бродил по его узким улочкам, не узнавая их. Город стал совсем другим: там не было ничего, что напоминало бы ему дни его молодости. Он воссоздавал в памяти образы родных сердцу местечек, накладывая их на реаль-

ность, и убеждался, что лишь пришелец, чужой в этом мире. Город не принимал его, лишь только старый колодец в старинном предместье на выселках города скрипел ржавым воротом, вызывая забытые воспоминания.

– Ты все еще здесь, мой друг! – Кливерт нежно погладил старинные камни колодца, оглянулся и, убедившись, что он один, перекинул ноги внутрь и спрыгнул. Он не заметил, что два черных глаза маленького хитрого хорька пристально следили за его движениями.

Вихревой поток подхватил его, и он помчался по лабиринтам тоннелей в подземный мир катакомб и заброшенных шахт. Точка высадки вела в мрачный грот, огромные сталактиты свисали с потолка. Кливерт подошел к стене и нащупал узкую щель в горе. По бокам этого прохода висело два приготовленных факела. Он зажег один из них и пошел во мрак лабиринта, протискиваясь через узкий коридор.

Вскоре грот сузился до такой степени, что он едва мог пройти через него боком. Вот уже добрых полчаса Кливерт шел по колено в воде. Вода все прибывала по мере того, как тоннель углублялся под гору: теперь он шел уже по грудь в воде. И вот, земля резко ушла из-под ног, и Кливерт поплыл, держа факел над головой. Плыть пришлось долго. Он почти выбился из сил, когда коридор, наконец, стал шире, а ноги его нащупали твердое дно.

Кливерт, тяжело дыша, вышел на берег широкой подземной реки. На берегу, у самой кромки воды стояла лодка.

Кливерт пнул ее ногой и, убедившись, что лодка достаточно прочная, чтобы выдержать его, спустил ее на воду. На дне лодки он нашел фонарь, зажег его и поставил на корме. Факел он воткнул в песок на берегу, чтобы найти это место на обратном пути. Он оттолкнул лодку от берега и прыгнул в нее, медленно покачиваясь, она поплыла вперед. Вскоре лодку подхватило течение и понесло вперед. Тогда он лег на дно лодки и закрыл глаза.

Очнулся он от толчка – лодку прибило к песчаному берегу. Кливерт вышел из нее и осмотрелся. В глубине грота на берегу подземного озера возвышалась старинная церковь, от которой исходил мерцающий свет. Это был тот самый Храм, который на заре времен воздвигли сэнмиры, и единственной святыней которого был Кристалл судьбы.

Взять и вынести Кристалл из Храма мог только его Хранитель, полностью посвятивший себя служению и защите мира людей. Храм связывал Кристалл и Хранителя в единое целое. Он также был надежным убежищем, и в случае внезапной смерти Хранителя Кристалл судьбы всегда возвращался на свое исконное место, но ровно до тех пор, пока новый хранитель не придет за ним.

Кливерт вошел внутрь. На алтаре переливался всеми своими гранями аметистовый кристалл редкой красоты. Кливерт протянул руку к кристаллу, но не осмелился даже прикоснуться к нему. Он подул на кристалл и тот задрожал, как размытое изображение, как дрожит огонь от порыва ветра.

Дело было в том, что и храм, и кристалл были лишь проекцией, картинкой, создаваемой мощнейшим силовым полем из другого мира. Что ж, все его предположения подтвердились – настоящий Храм и кристалл действительно находятся в ином измерении.

400 лет назад Храм Судьбы действительно стоял на поверхности горы, но настоящего кристалла в нём никогда не было. Подлинный кристалл хранился в Храме, скрытом в лабиринтах под горой. Он этом знал только он, хранитель кристалла. Но вот и этот храм исчез вместе с Москвией. Осталась только проекция, подтверждающая, что Храм существует в ином измерении.

Кливерт погрузился в размышления. Сила хранителя – в камне, без него, он, по сути, обычный сэнмир. Да, он обладает знаниями высших сфер. Эти знания невозможно приобрести путем учения, это не наука, не поддающиеся логике знания. Это способности, которые передаются от одного Хранителя к другому, но даются они высшими силами, вот почему сам Хранитель не сможет передать свою силу тому, кого он выбрал бы сам. Высшие силы выбирают преемника. Они и передают ему силу в момент инициации. Так было и с Кливертом, так будет и впредь. Да, он обладает знаниями, недоступными другим, но этого мало, чтобы воспользоваться ими в полной мере, для этого нужен Кристалл. А ему не достать его, ведь уже появился новый хранитель...

Так уж заведено в мире сэнмиров, знания должны пере-

даваться, как только появляется новый преемник, и вот, его время пришло. Силы проснулись в маленьком мальчике в момент появления Кливерта в мире людей – все было пред-
решено. Высшие силы распорядились так, чтобы Кристалл уже не был подвластен Кливерту, в тоже время они наделили Яна необходимой силой, чтобы вновь вернуть Кристалл лю-
дям Земли. Только лисенок сможет добраться до Кристалла. Никто другой. А это значит, что необходимо будет провести обряд инициации и передать мальчику то, что в свое время Кливерт и сам получил от предыдущего Хранителя – силу, знания, способности.

В свое время для него было большим сюрпризом, что именно он – тот избранный, которому суждено стать Храни-
телем. Как только силы его пробудились, его нашли и доста-
вили в Храм на Муруджунской Игле. Это не был его выбор, и ему пришлось многим пожертвовать ради такой судьбы. Согласится ли на это маленький лисенок? Сможет ли он от-
речься от всего, что так любил, решится ли он на «прыжок веры», необходимый для инициации?

В любом случае, камень под надежной охраной, за его безопасность нечего переживать, ведь только один человек сможет нырнуть за ним в зазеркалье, только он сможет бес-
препятственно пройти портал между мирами. Камень про-
пустит его и только его, ведь они – единое целое.

Кливерт вышел из Храма и еще раз взглянул на него. Его горькая печаль вдруг прояснилась. Он понял, что его время

пришло. Но он был даже рад этому. Если высшие силы позаботились, чтобы он вошел в этот мир обычным человеком, так тому и быть, он с радостью отдаст всю свою силу и знания маленькому лисенку. Все предначертано. «Мактуб», – проговорил он древнюю арабскую мудрость.

И словно камень упал с его души. Раз высшие силы вновь ведут его, значит, у него еще есть шанс заслужить прощение. И тогда с его уст слетело обещание. Это была молитва из глубины души, именно та, которая достигает своей цели и помогает в исполнении задуманного. Он сделает все, чтобы Лисенок стал новым Хранителем, все, чтобы защитить его, пусть даже ценой своей жизни.

Кливерт сел в лодку и вернулся на точку высадки все тем же путем, по воде. Выбравшись из расщелины, он погасил факел и поставил его на место. Затем он со всей силы нажал на выступающий камень слева от расщелины, обрамленной факелами, камень с треском ушел вниз, и перед Кливертом открылась винтовая лестница, которая вела наверх. Он шагнул в проём и дверь тут же закрылась за ним. Он остался в полной темноте.

Преодолев лестницу, он уперся в люк, ведущий на поверхность. Он надавил на него плечом, и тот с невероятным скрежетом стал подниматься. Откинув крышку люка, он осмотрелся. Вокруг него шелстел лес. Где-то недалеко шумел незамерзающий поток, солнце ласково грело, отражаясь от снежного покрова. Вековые сосны и пихты высились

над ним.

Он не без труда выбрался наружу и двинулся по еле приметной тропинке, вскоре он набрел на невысокую лесную избушку, толкнул дверь и вошёл внутрь. В избушке никого не было, на стенах и под потолком висели пучки трав и кореньев. Кливерт снял с себя мокрую одежду и, стуча зубами от холода, закутался в одеяло, которое стянул с печи, затем он подбросил дров в тлеющий очаг, по комнате стало разливаться живительное тепло.

Кливерт порылся в углах и осмотрел полки в поисках еды, нашел горшок с какой-то кашей и, не чувствуя вкуса, стал жадно глотать ее, практически не жуя. Потом схватил чайник, прямо из носика выпил воды и забрался на печь, в тепло. Глаза его заволкло туманом, и он провалился в глубокий сон.

Когда он проснулся, над ним стояла рыжеволосая красавица лет 30. Ее кудри были рассыпаны по плечам, зеленые глаза лукаво улыбались.

– Как вы себя чувствуете, хозяин? – спросила она.

– Матильда! Ты ничуть не изменилась! – Кливерт был бесконечно рад увидеть свою преданную служанку, ту единственную, кто не покидал его никогда, кто был верен ему вопреки всему, что с ним происходило.

Женщина рассмеялась, а лицо ее менялось с пугающей быстротой. Через несколько секунд на него смотрела сгорбленная старуха.

– Это смотря как посмотреть, – прошепелявила она, – вот уже четыреста лет я не могу умереть, а все из-за вас, чтоб вам пусто было. Ну, теперь-то уже совсем пришли? Отпустите меня! Я ужасно устала!

– Я тоже, Матильда, я тоже... Ничего, немного осталось.

– Да? Вот порадовали!

– Появился преемник, скоро, очень скоро ты будешь свободна.

– Скорей бы уж...

– Не торопись, этот мир прекрасен, ты живешь в чудесном месте, сама не знаешь, о чем говоришь... Какие горы, а?

– Да, здесь много энергии, она и поддерживает меня. Но чтоб мне провалиться, если я хочу пробыть здесь хоть один лишний день.

Кливерт внимательно посмотрел на Матильду и сказал:

– А ты ведь видела его, Матильда!

– Кого еще?

– Ты видела моего преемника...

– Батюшки, да неужто? Когда?

– А вспомни, летом, к тебе принесли полуживого мальчишку... Ты лечила его...

– Да, да, как же, помню, помню, – пролепетала Матильда, – Это он значит? А долго, ждать-то?

– А это уж как судьба решит...

Кливерт остался жить в лесной избушке у зеленоглазой ведьмы. Он ждал. Что-то должно было произойти в ответ на

его письмо. Кто-то должен был приехать в Свиттон и разыскать его в Муруджунских лесах.

Он понимал, что письмо, адресованное лисенку, наверняка попало в руки главы рода сенмиров. Он чувствовал его силу и был уверен в нём. Он ждал его со дня на день.

Наконец этот день настал. Леон Харт без труда нашел это место, недалеко от Муруджунской Иглы. Провожавшие Кливерта волки показали ему его. Перед ним стояла вросшая в землю лесная лачуга.

– Это здесь, – сказали волки и исчезли среди деревьев, как ночные призраки. Он осмотрелся и постучал в дверь.

– Ну, здравствуй, Кливерт, – Леон Харт, наклонив голову, вошел в маленькую лесную хижину в Муруджунских лесах.

– Я ждал тебя, Хранитель рода, проходи, присаживайся. Нам надо многое обсудить с тобой.

– Скажу сразу, что не в моей власти даровать тебе прощение, бывший хранитель...

– Уж, неужели ты думаешь, что я не знаю этого? Я живу уже более четырех сотен лет и был хранителем задолго до тебя.

– Тогда мы понимаем друг друга.

– Вполне.

– Итак, я жду, рассказывай, ведь именно для этого я здесь.

– Сделай нам чаю, Матильда, – обратился Кливерт к рыжеволосой красавице и начал свой рассказ...

Глава 20. В Филлерте.

Ни один из гончих псов не вернулся назад. Смолл и Ларсон напрасно ждали их, пока, наконец, не стало ясно, что надежды на их возвращение нет никакой. Смолл был взбешён. Ларсон в приступе ярости ходил из угла в угол.

Вся надежда была теперь только на Дулли, который должен был опередить Кливерта и дожждаться его появления в Филлерте. Но и от Дулли не было вестей. Он как будто исчез.

Прошло много дней, прежде чем он смог отправить весточку о себе. Его путь лежал через бескрайние леса, и задача была у него одна – успеть догнать Кливерта. И ему это удалось. Он нагнал его как раз у входа в подземный лабиринт катакомб и последовал за ним. Когда Кливерт нырял в заброшенный колодец на окраине Филлерта, именно его, Дулли, маленькие глазки следили за ним.

Он решил отправить сойку Смоллу и Ларсону. Для этого ему пришлось пробраться внутрь человеческого жилища, к счастью, в доме никого не было, а главное – не было в доме собак, которые могли учуять и разорвать маленького хорька, который (не без труда) пробрался в приоткрытую форточку. Уже в доме он принял свое человеческое обличие.

Дулли шарил по комнатам в поисках бумаги, наконец, это ему удалось. Он уселся за письменный стол хозяев и стал писать письмо. Он призывал Смолла и Ларсона срочно идти в Филлерт, потому что Кливерт, по его словам, просто на просто исчез. «Я видел его у заброшенного колодца, он спрыг-

нул туда и исчез. Я ждал до вечера, но, когда солнце закатилось за горизонт, я понял, что случилась беда», – писал он.

Написав письмо, Дулли нашел спички и сумел отправить сойку. Юркая птичка вылетела прямо сквозь закрытое окно. Тогда он опять стал бесцельно ходить по дому, заглядывая в шкафы и комоды.

Он пришел на кухню и обнаружил там тарахтящий белый металлический ящик. Дулли открыл дверцу холодильника и присвистнул. «Ого! Сколько тут всего! Люди весьма изобретательны», – подумал он и схватил кружок краковской колбасы, впиваясь в него зубами, – «Хранить еду в холодном шкафу – весьма предусмотрительно. Но как он работает? Интересно».

Не закрывая холодильника, он обошел его со всех сторон, оглядел его и обнаружил длинный черный шнур. Он дернул шнур, тот выскочил из розетки. Свет в холодильнике погас, тарахтение прекратилось. Тогда он обнаружил на конце черного шнура две железные палочки и две маленькие дырочки в стене, откуда, собственно, он и выдернул шнур.

– Ага, – сказал сам себе Дулли, – понятно, в этих дырочках есть что-то, что питает этот белый холодный ящик...

Тогда он стал снова ходить по дому, осматривая все в нем. Он понял, что розетки есть в каждой комнате. Что к ним присоединены все электроприборы, что стоит их выдернуть из розетки, и они перестают работать, но стоит их воткнуть – они снова работают. И тогда ему в голову пришла гениальная

МЫСЛЬ...

– Раз все, что есть в доме, питается энергией из этих дырочек, попробую, пожалуй, сам! Мне очень надо подзарядиться!

Его пальцы не пролезали в дырочки розетки. Он задумался. Но ведь пальцы хорька куда меньше! Он тут же уменьшился до нужных размеров. Маленький хорек обнюхал розетку, лизнул ее и... сунул туда пальцы. Дикий визг разнесся по дому. Шерсть его встала дыбом, по ней волнами пробегали искры, в ушах трещало и шипело, шерсть дымилась, глаза вылезали из орбит. Ударом тока его отбросило к противоположной стене, он врезался в нее и шмякнулся на пол без сознания.

Когда он пришел в себя в голове гудел просто настоящий пчелиный рой. Во рту пересохло, казалось, что язык распух и прилип к небу. «Пора убираться отсюда», – подумал он, – «Чертовы людишки, понаставили ловушек. Но вы еще поплачете!» Он разбросал все вещи в доме, перепортил все продукты, нагадил в хозяйскую постель, и только после всех произведенных им разрушений удовлетворенно выскользнул из дома.

Он ждал появления своих собратьев в Филлерте, таская яйца у местных кур и не заходя больше в человеческие дома. Он боялся выходить в лес – там бродили ночные волки сенмиров. Не мог он открыто появляться и на улицах города. По небу летали чайки. Он ждал.

Смолл и Ларсон были предупреждены о блокпостах и пунктах контроля, построенных сенмирами по всему периметру аномальной зоны, поэтому передвигались с большой осторожностью. Границу пересекали ночью. В густом мраке двигались по лесу две слившиеся в одну тени: огромного черного медведя и сидящей на его спине змеи. Они вели мысленный разговор.

– Змеи отказались примкнуть к нам. Они слишком осторожны. Но только до тех пор, пока перевес сил не станет очевидным. Там, я уверен, они присоединятся к нашему делу.

– А крысы? – прорычал медведь.

– О! Крысы – это прекрасный народец, четко понимающий свою выгоду, – прошипела змея. – Мне даже не пришлось им ничего обещать – они согласны нам помочь. Они все просчитали сами, ведь после того, что я сделаю, больше не останется сенмиров на этой Земле, а крысы берегут свой род.

– Но что они могут?

– Проникнуть в каждый дом, вынюхивать, выискивать, союзники нам не помешают!

– Это факт.

– Жаль только, что ты, Ларсон, последний медведь в своем роде. Ваша грубая сила пригодилась бы нам.

– Ничего не поделаешь, я действительно последний медведь. Значит, на остальных рассчитывать нельзя? Я так и знал. Они все слишком трусливы...

– Слишком горды, ты хотел сказать.

– Причем здесь это? Это все от недостатка смелости, – ревел медведь.

– О нет, – шипела змея. – Копай глубже! Сенмиры слишком горды! Покажи мы людям наши технологии еще тогда, 400 лет назад, и все бы изменилось, но нет, ведь тогда они бы стали равны нам! Сэнмиры служат этим ничтожествам, жертвуя своими личными интересами яко бы во благо человечества, но на самом деле они лишь хотят удержать в своих руках власть над людьми! Быть в привилегированном положении, управлять этим миром. В основе всего – гордость.

– Они боятся. В корне всего лежит страх. Мне ли это не знать, – сказал Ларсон. – Сэнмиры боятся, что, нарушив правила, будут истреблены. На каждую силу всегда есть другая, высшая сила, и кому как не им знать это. Их послали на эту планету с определенной миссией, и, если они не справятся, – какой будет в них толк? Какая необходимость? Их всех ждет небытие...

– Говорю тебе, гляди глубже. Причина всего – гордыня, – говорил Смолл. – Они считают себя высшей расой, богами на земле, а ведь трудно быть богом! Это накладывает определенные обязательства, но все-таки, им доставляет великую радость быть не такими, как все. Они наслаждаются чувством собственной исключительности, чувством превосходства над убогими людишками. Они маниакально преданы своей идее не из страха, а из любви к тому особому положе-

нию, которое они занимают на Земле – гордыня суть всего.

– Нет, страх! – рычал Ларсон.

– Гордыня! – убеждал Смолл.

Спор продолжался много дней. Медведь и Змея никак не соглашались с доводами друг друга, каждый стоял на своем, потому что был убежден в своей правоте. И действительно, не так-то просто было решить, какой из двух пороков самый страшный: трусость или гордыня. Что хуже всего в человеческой природе?

История знала множество подтверждений правоты и того, и другого, и ни один из них не смог победить в этом извечном споре. И сами пороки, и их последствия находили тысячи примеров того, насколько они отвратительны, и как далеко могут завести любого, стоит только дать себе слабину.

По сути, вся история человечества была написана благодаря этим двум порокам. Испокон веков в людях жило два начала – сила и ум. Каждый приспособлялся в этом мире используя или то, или другое качество. Первые побеждали за счет грубой силы, добиваясь всего, благодаря своим физическим данным: убить, отобрать, завладеть силой, – вот был их принцип. Вторые – научились ловко приспособляться, хитрость и изворотливость помогали избегать опасности и получать желаемое, в таких людях главным началом был интеллект, что в итоге привело к осознанию собственного превосходства над остальными. Эти два типа людей и два способа достижения цели породили и два главных порока чело-

вечества. Антитеза силе – трусость. Следствие извращенного ума – гордыня.

Много интересного узнали бы люди о самих себе, случись им услышать этот диспут о гордыне и трусости между Медведем – олицетворением силы и Змеей – символом мудрости, но, увы, он прошел без свидетелей.

К концу недели Смолл и Ларсон добрались до входа в катакомбы, ведущие в Филлерт, о которых писал Дулли, там они снова стали сами собой. Косматый бородач исполинского роста и одноглазый сторбленный карлик, с неизменной трубкой в зубах. По пути Дулли оставлял отметки в подземном лабиринте, и они легко нашли дорогу, оставаясь незамеченными они вошли в город.

Глава 21. Смерть Дулли.

Они встретили Дулли у заброшенного колодца. Вид у него был жалкий.

– Ты куда дел кольцо, лишенец? – грубо спросил Ларсон.

– Ба! Что с тобой стряслось? Ты весь просто рассыпаешься на ходу! – сказал Смолл.

– Все пропало! Это все они, все сенмиры! Они перехватили меня, они отобрали мое кольцо! – пищал Дулли.

– Какая прелесть! Хорошо, у тебя хватило мозгов удрать от них, – пренебрежительно сказал Смолл.

– Это все он – орел, я таких еще не видел! Крылья под три метра! Силен! Одним взглядом может сделать с тобой все,

что захочет.

– Любопытно, очень любопытно... Орлы значит, – Смолл выпустил в небо облако дыма.

– Говорю вам, это какая-то бестия!

– И какая, скажи, от тебя в этой жизни польза? Никакой, кроме вреда! – Ларсон сплюнул на землю, – Так... Что у нас здесь?

Дулли показал им заброшенный колодец. Смолл и Ларсон решили рискнуть.

– Ты идешь первым, – сказали они Дулли.

– Но почему?

– Тебя не жалко, – прорычал Ларсон. – Полезай...

Со слезами на глазах, трясаясь от страха Дулли сел на край колодца, вцепившись руками в грубые камни.

– Тебе помочь? – Ларсон был готов уже сбросить его вниз, но Дулли, сжавшись в комок, сам прыгнул в бездну. Страх его был настолько велик, что он предпочёл бы тысячу раз разбиться, чем вызвать гнев его спутников. Смолл и Ларсон последовали за ним.

Они летели сквозь катакомбы с невероятной скоростью, воздух мощными потоками сбивал дыхание, они захлебывались в нем, задыхались, сердце выпрыгивало из груди, кровь прилиwała к мозгу, создавая невероятное давление и перегрузки. Наконец, полет завершился, и они упали на землю. Они встали и осмотрелись. Сквозь полумрак они увидели два факела, обозначающие проход в скале.

– Этот факел недавно зажигали... – сказал Ларсон, потрогав факел и обнаружив тоннель в подземелье.

– Должно быть Кливерт был здесь, но куда он пошел? – пробормотал Дулли.

– Внутри скалы. И, заметьте, он вернулся, иначе, как объяснить, что факел снова стоит на своем месте? – ответил Смолл, – Видимо в дальнейшем его пути факел ему уже не понадобился... Все это весьма занятно.

– Куда же он тогда делся? – спросил Дулли.

– Меня гораздо больше волнует, что он искал там, в скале...

– Ну, тогда есть только один способ узнать это! – прогремел Ларсон.

– Какой? – пропищал Дулли.

– Мы идем следом...

Они пробирались по узкому ущелью, освещая дорогу факелами. Ларсон шел первым. Замыкал шествие Смолл. Часто они с Дулли отпускали Ларсона вперед, на разведку, а сами подолгу ждали его, стоя по пояс в ледяной воде. В последний раз, когда он поплыл вперед, они уже было решили, что это путь в никуда, и что придется вернуться, но он приплыл обратно с хорошими вестями.

Дулли не умел плавать, его трясло от холода, но он боялся признаться в этом. В какой-то момент он стал тонуть, и Ларсону пришлось волоком тащить его за собой. Добравшись до берега, Дулли совершенно выбился из сил. Слезы произ-

вольно катились по его лицу градом. Двое других, казалось, ненавидели его. Но назад дороги уже не было.

Они сели в лодку, пошутив, что вряд ли она выдержит всех троих, от чего у Дулли сжалось сердце.

– Только не бросайте меня здесь одного! Только не бросайте!

Видя страдания Дулли, Ларсона распирала жестокая злоба. Он ненавидел слабость всеми фибрами души, ему хотелось своими руками придушить ноющего и плачущего хорька. Когда лодка отчалила, унося всех троих, Дулли притих. Он уже понимал, что стал никому не нужен, что он бесполезен для Смолла, отчаяние и предвидение скорой кончины сжимали его сердце. И вот, наконец, впереди забрезжил свет.

– Что это? – за поворотом реки им открывалось чудесное видение – мерцающий в темноте древний храм, отражающийся в черных водах подземного озера. Ларсон не верил своим глазам – они нашли его!

– Хоть ты и старый, но не бесполезный, Дулли! Ларсон был не прав на твой счет, – хитрым, заискивающим голосом сказал Смолл. Он уже понимал, что им будет нужен «доброволец», так как в храме могло быть полным-полно ловушек. Дулли тоже это понимал, и настроение у него совсем упало от льстивых слов Смолла. Он уже догадывался, что тот решил пожертвовать им, как ненужной пешкой в великой шахматной партии – принести его в жертву.

Лодка ткнулась носом в песок, и они вышли на берег.

Странное чувство было рядом с этим величественным храмом. Они буквально кожей чувствовали силовое поле, слышали глубокий гул бурлящих энергий на сверхнизких инфразвуковых частотах.

Смолл немного помедлил, пропустив Ларсона и Дулли вперед. Осторожность не помешает. Вслед за ними он вошел в храм. В его центре, на высоком алтаре стоял Кристалл Судьбы.

– Ага! Вот оно! – воскликнул Ларсон, – Как все оказалось просто, надо только взять его...

Ларсон кинулся было к камню, но Смолл придержал его за плечо.

– Я не стал бы ... – недоверчиво прошептал Смолл, – просто так Кливерт бы не оставил здесь камень.

Они вдвоем выжидающе смотрели на Дулли. Тот замотал головой.

– Нет, не просите меня, и не уговаривайте!

– Мы и не собирались тебя уговаривать, дорогой! Мне нужен этот камень, и ты дашь мне его, – сказал Смолл гипнотизирующим взглядом глядя прямо в глаза Дулли. Беднягу трясло, из глаз его лились слезы, он корчился в невообразимых гримасах.

– Давай! Возьми его, – раздался громовой раскат окрика Ларсона.

Дулли вздрогнул и сжался от предчувствия беды. Дрожащей рукой он потянулся к камню, но едва кончики его паль-

цев коснулись аметистовой поверхности кристалла, как лицо его исказила судорога невыносимой боли. Руку его обожгло огнем, огонь разрастался, его невозможно было ни сбить, ни потушить. Смолл и Ларсон отшатнулись от него, как от прокаженного. В считанные секунды огонь охватил все тело корчащегося на полу в дикой муке человека, только глаза его с мольбой продолжали смотреть на тех двоих, что стояли рядом. Через несколько минут все было кончено.

– Ну и запах, – сказал Смолл, он поднял руку над обезображенным трупом и тот развеялся по ветру.

– И все-таки ты сослужил свою службу, – угрюмо сказал Ларсон. – Беру свои слова обратно, Дулли, важно тебе это или нет: ты не бесполезный. Ты оказал нам большую услугу, сгорев здесь вместо нас. Что мы будем теперь делать?

– Одно очевидно, этот храм лишь тень из другого мира, – многозначительно сказал Смолл.

– Это я уже заметил.

– Я должен подумать. Для начала, надо нам выбирать-ся отсюда. Дай сюда руку, Ларсон, пора освежить в памяти некоторые мои познания...

Смолл взял гиганта за руку, и они молнией понеслись над водой. В мгновение ока они проделали весь обратный путь, и оказались стоящими перед старым колодцем в Филлерте.

– Если знаешь дорогу, это легче легкого, а мне достаточно пройти ее лишь однажды, чтобы запомнить и суметь вернуться, – сказал Смолл. – Ну что ж, нас стало вдвое меньше.

– Но не будем забывать, у нас теперь есть и союзники, крысы – очень хитрые и всепронзающие союзники. Камня действительно нет здесь, одна проекция, но и это чего-то да стоит, – сказал Ларсон.

– Ждать... Надо ждать, а это я умею. Знаешь, как говорит древняя мудрость: если долго сидеть на берегу реки – мимо проплывёт труп твоего врага. Посмотрим, что будет дальше. В любом случае, чтобы взять камень, нужен избранный, только он не сгорит в адском пламени.

– Вот крысы-то и помогут нам выяснить кто он, хорошо, что ты заключил с ними союз, Смолл. Ты гений коварных планов!

– Я гений зла! – и Смолл сощурил свой единственный глаз.

Глава 22. Дом, милый дом.

После того, как Леон Харт отправился в Бодлеан, семья Енсен, Тим, Адель и София вернулись в Сноутон. Все сен-миры вернулись к своей обычной жизни, но наказания главы рода строго исполнялись.

Лисы успешно ликвидировали ищейку и все последствия ее пребывания в мире людей. Чайки несли свой дозор, волки кружили возле Филлерта, орлы оберегали маленького лисенка.

Ян снова был у себя дома. После всего пережитого было так странно вновь попасть в свою комнату, видеть свою род-

ную кровать, свои вещи и игрушки. Все почему-то казалось каким-то чужим. У него было чувство, что вечность прошла с того момента, как он встретил четырех призраков в заброшенном доме. Хотя прошло-то всего несколько дней. Постепенно все стало казаться таким далеким, что даже стали закрадываться сомнения, а было ли все на самом деле, или, может быть, это ему только приснилось?

Жизнь пошла своим чередом. Тим и Адель уехали к себе на Бликкер стрит, Лэсли в колледж... Они созванивались иногда, но этого было так мало – Яну не хватало этой теплой компании, не хватало своих друзей. Он уже привык к ним и тяжело переживал расставание.

Каждый день после уроков они с Софией шли к нему домой и подолгу разговаривали, вспоминая пережитые события. Фантом сделал свое дело, отсутствие Софии осталось незамеченным: ни в школе, ни дома никто не догадался, что девочки не было несколько дней. Правда, в дневнике Софии почему-то появилась пара троек, ну да она легко справится с этим. Приключения стоили того.

На носу были новогодние каникулы. По всему городу уже зажигались нарядные елки, в каждом магазине, в каждой витрине красовались снегурки и снеговики, сани с оленями и, конечно, Дед Мороз с седой бородой и мешком за плечами. Ян и София боролись за успеваемость.

После овладения техникой запоминания уроков с помощью кольца Ян все меньше и меньше тратил времени на уче-

бу. Наспех сделав письменные упражнения, он бежал кататься с горки или играть в хоккей с ребятами из соседнего двора. София только удивлялась, как только Ян еще не скатился до троек, а у него все было под контролем.

– У меня система, – говорил он.

По выходным ходили на каток, Тим и Адель присоединялись к ним.

– От твоего брата нет новостей? – спрашивала Адель.

– От Лэсли? Он собирается приехать на каникулы.

– Что-то он не позвонит даже...

– Да у него сейчас сессия, ему некогда просто.

– А... а где вы новый год будете встречать?

– Мы думаем снять шале и поехать кататься на горных лыжах, мы так катаемся уже пятый год... кстати, а не хотите с нами? – Ян смотрел на Тима и Адель, ему бы очень хотелось уговорить Тима поехать, вместе веселее.

– Я поеду, если поедет София, – Тим озорно улыбался, глядя на девочку.

– Ну... Я не знаю, меня еще никто не приглашал, вообще-то.

– Я тебя приглашаю, – сказал Ян.

– Ну, если только ты, – София смеялась, – А ничего, что мои родители даже не в курсе? Как я поеду с тобой? Меня просто не отпустят!

– Не волнуйся об этом, я скажу маме, она поговорит с твоими родителями, – Ян был рад, что снова собирается дружить.

ная компания. – Вы можете жить в одной комнате с Адель, а я – с Тимом и Лэсли. Мама с папой в третьей комнате, все поместимся. Там как раз три спальни в доме. В прошлом году с нами жила дальняя мамина родственница, какая-то там троюродная племянница, но с лыжами у нее не заладилось. в самый первый день она подвернула лодыжку, и пролежала в кровати всю неделю. Разумеется, и речи не могло быть о том, чтобы она поехала в этом году.

– Что за родственница? – помрачнев, спросила Адель.

– Да, забудь о ней. Я видел ее тогда первый и, наверное, последний раз в жизни. Она старше Лэсли и совсем не красивая, – догадавшись о причинах ее волнения, ответил Ян.

Адель улыбнулась. Ох, уж этот лисёнок, все-то он понимает. Неужели ее чувства к Лэсли так очевидны для всех?

– А я ведь тоже не умею кататься, – сказала София.

– Я тебя научу, – Тим готов был на все, лишь бы уговорить Софию.

– А если я подверну лодыжку?

– Я просижу у твоего изголовья всю неделю, буду кормить тебя с ложечки, менять повязки и читать тебе книжки! Ну, соглашайся!

– Никто ничего не подвернет и не сломает, зачем прогнозировать события? Тим, уж ты-то должен это знать, – строго сказала Адель.

– Итак, решено? – Ян спешил позвонить маме, пока София не передумала, ведь от нее зависело все: поедет София

– поедет Тим, поедет Тим – поедет и Адель, а какой это будет сюрприз для Лэсли!

Он не скажет ему пока, пусть он увидит Адель в аэропорту, забавно будет посмотреть на его лицо. Ян еще в общем доме сенмиров заметил, что Адель нравится Лэсли. Ему очень хотелось, чтобы они встретились еще раз.

Новогодние хлопоты, что может быть приятнее? Это действительно самое замечательное, самое волшебное время года, полное надежд и веры в чудо. Ян предвкушал веселые каникулы, еще не зная, что произойдет с ним и всей его семьей. Не знал он и то, что после всего, что с ним случится, он уже никогда не будет прежним.

#ЧАСТЬ 3. КРИСТАЛ СУДЬБЫ.

Глава 1. Сюрприз для Лэсли.

Снег валил сплошной стеной. Ни людей, ни домов не было видно. «Дворники» на лобовом стекле такси работали не переставая. Дорогу развезло.

– Почему каждый раз, когда зимой выпадает снег, это становится стихийным бедствием? – пожилой таксист печально вздохнул, он понимал, что, огромной пробке не будет конца.

На заднем сидении старенькой машины сидел Лэсли, он ехал из колледжа на каникулы и очень спешил. Вся семья ждала его в аэропорту, чтобы по новогодней традиции лететь на Эльбрус, кататься на горных лыжах. Рядом с ним лежал

невероятных размеров походный рюкзак. Опоздать на рейс было равносильно катастрофе.

– А объехать никак нельзя? – с надеждой в голосе спросил он таксиста.

– Как тут объедешь, – со вздохом ответил тот, – Здесь, по крайней мере, 2 полосы, а свернешь куда – дорога узкая, да еще и не чищенная.

– Понятное дело, если ехать, то уж наверняка, но сейчас мы с этим разберемся, – сказал Лэсли.

Нет ничего проще для сенмира, чем выбрать правильное решение из сотни возможных. Самое главное – довериться чутью. Сначала надо сбросить напряжение, перестать волноваться и переживать за результат, довериться провидению. Затем, все что нужно – это дать четкий запрос подсознанию. Сформулировать максимально конкретно и подробно, насколько это возможно. Расслабиться... «Мечты сбываются за пределами надежды», – любил повторять он. Это значит, что, пытаясь получить желаемое, нельзя придавать этому чрезмерную важность, заикливаться и слишком хотеть. Нужно сохранять спокойствие и чистое намерение, а подсознание сделает все за тебя. «Правильный выбор дается легко», – повторил он про себя.

Он сосредоточился и мысленно представил себе город с высоты птичьего полета. Люди, улицы, дома... снег... чтоб его... так, не отвлекаться... Ох и пробка... ну просто бесконечная. А вот и то, что им надо... узенькая дорожка, на ко-

торой по невероятному стечению обстоятельств вообще нет машин. Он еще раз прислушался к своим ощущениям – все его тело подсказывало ему, что это верный вариант: на душе сразу стало спокойно и казалось, что вот теперь все получится само собой.

– Привет, малышка, ты-то мне и нужна! – ухмыльнулся Лэсли, – Так! Давайте, вот после светофора – направо три квартала, потом налево и вперед, там одностороннее и машин совсем нет, – сказал Лэсли.

– Мне, конечно, все равно, ты платишь – я везу, – ухмыльнулся таксист, втыкая передачу на своем стареньком авто, – но, если встрянем, потом ничего, чур, мне не говори.

– Договорились, – улыбался Лэсли.

– Ну что ж, парень, я тебя за язык не тянул, – ответил таксист, и взревев, машина рванула сквозь снега.

Они делали приличный крюк. Надо было ехать вдоль длинной стены городского кладбища, через гаражи и заброшенную промзону, потом выскочили на пустую набережную, которую не чистили, наверное... никогда, ведь в этом районе кроме бродячих собак никто не ходил уже много месяцев.

Им повезло, что машина с оленем на капоте – полноприводный «танк» допотопной сборки – имела большой дорожный просвет, мощный мотор и огромные колеса. Она вгрызалась в колею, разбрызгивая грязную жижу из подтаявшего снега и песка. И вот, миновав очередную развилку, они оказались за городом, на широком шоссе, ведущем в аэропорт,

оставив все пробки далеко позади. Теперь по прямой – рукой подать. Можно откинуться на спинку сидения и расслабиться.

– Ну, парень, я уж думал, не выберемся, даже не знал, что моя «ласточка» на такое способна, – таксист посмотрел в зеркало заднего вида на своего пассажира, который, улыбаясь с абсолютно невозмутимым видом.

И действительно, зачем таксисту знать, что кое-кто немного постарался и улучшил технические параметры его транспортного средства. Как никак машиностроение – его любимый предмет, а он хоть и первокурсник, но лучший в своем потоке. Во всяком случае в том, что касается вопросов технических.

Лесли смотрел в окно, мысли его уже давно перенеслись в общий дом сенмиров, к событиям прошлых дней, буквально в одночасье перевернувших жизнь всех, кого он знал.

Все застыло в неопределенности. Странное письмо Кливерта, призывавшее его младшего брата в Свиттон, не давало ему покоя. Но среди всех этих волнений было одно светлое воспоминание, которое он бережно хранил в памяти. Адель.

– Где-то она сейчас? – думал он, – Что делает? Вспоминает ли про него?

Было в этой девушке, похожей на сказочную фею, что-то нежное и трогательное, но вместе с этим в ней чувствовалась удивительная сила его рода, а самое главное – было в ней что-то очень близкое и родное, от чего говорить с ней было

невероятно легко, а на душе делалось спокойно и весело. Рядом с ней у него всегда было чувство, что он знает ее тысячу лет, что она – самый близкий друг, который понимает и принимает его таким, какой он есть.

Ни с кем раньше у него не было такого чувства, хотя еще со школы за ним увивались все самые красивые девчонки его параллели. А сколько он получал анонимных писем с признаниями в любви! Не сосчитать! Но его это мало трогало. Письма он выбрасывал, не читая, на знаки внимания и кокетство не реагировал.

Женские чары, жеманство не действовали на него, он находил это неестественным и лицемерным. Вместо того, чтобы привлекать его внимание, они только отталкивали его. И словно по какому-то дурному закону это действовало на влюблённых в него девчонок даже сильнее, чем если бы он обращал на них внимание: чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей, – так, кажется, было у классика.

Адель была из другого теста. В ней не было и капли кокетства, всё, что она делала и говорила, было простым и естественным, шло от сердца. С ней было легко и просто. Не было ощущения ловушки, в которую тебя заманивают, все было открыто и прямо, как он и любил. Она была мудра и понимала причину вещей, она была умна и могла рассуждать логически, а её дару медиума позавидовал бы любой сенмир! К тому же, не смотря на свою внутреннюю силу, она была нежной и хрупкой, как лесной цветок, хотелось ее защищать

и беречь.

Лэсли так крепко задумался, что даже не заметил, как они подъехали к аэропорту.

– Приехали, парень! Век бы нам в пробке стоять, если бы не ты. Как ты это делаешь, а?

– Если очень захотеть, можно в космос полететь, – смеясь, сказал Лэсли и дал таксисту щедрые чаевые. Все остались довольны поездкой.

Взвалив на плечи рюкзак, он стал пробираться ко входу в аэропорт. Толчея была несусветная. Благополучно миновав все пункты контроля, он вошел в зону вылета. Еще издали он заметил группу ярко одетых, хохочущих людей, все они о чем-то оживленно болтали, не замечая его приближения. Он пока еще не мог разглядеть их лиц, но одна подвижная фигурка кого-то смутно ему напоминала: длинные светлые волосы из-под ярко-красной шапки с гигантским помпоном, знакомые черты... Сердце у него громко стукнуло и провалилось куда-то вниз, даже дыхание перехватило. Адель! От неожиданности и удивления Лэсли потерял дар речи.

Адель заметила его и замахала ему рукой. Он тоже вскинул вверх отяжелевшую вдруг руку. Не торопясь, оттягивая момент долгожданной встречи, он подошел к группе в ярких лыжных костюмах и сбросил с плеч тяжеленный рюкзак.

– Всем привет, – сказал он, – А вы, девушка, провожать или с нами летите?

– С нами, с нами! – смеялся Ян, он был в восторге от то-

го, что его сюрприз удался. Он специально ничего не сказал Лэсли о том, что и Тим, и Адель, и София, – все они тоже едут с ними на Эльбрус. Ошарашенный и растерянный, поглупому счастливый вид брата был ему наградой за долго-терпение. Лэсли почесал затылок и смущенно улыбнулся.

– Твоих лап дело, а лисёнок? – в пол голоса сказал он, сгребая Яна в охапку.

– У нас большая компания собралась на этот раз, привет, сынок, – Анна поцеловала сына.

Джон похлопал Лэсли по плечу.

– Как дела? Как сессия? – спросил он.

– Пап, давай не сейчас. Не успели встретиться, а ты уже о грустном, – сказал Лэсли.

– А что, все так печально? Разве ты не лучший студент всех времен и народов? – подтрунивал Ян над старшим братом.

За эти слова ему тут же прилетело шапкой по спине.

– Привет, Лэсли, – Адель смотрела на него полным нежности, мягким, но в тоже время веселым и открытым взглядом.

Тим и София, наконец, оторвались друг от друга и тоже поздоровались с Лэсли.

–

Если честно, меня очень волнует вопрос, кто будет сидеть в самолете один, – сказал вдруг Тим. – Нас же нечетное число, поровну на 2 не делится. Но, я, чур, претендую на ком-

панию вот этой вот симпатичной девушки, – и он со смехом натянул шапку на глаза Софии.

– Тоже мне друг называется, ладно-ладно, – театрально воскликнул Ян, – И ты, ты тоже покинешь меня в эти нелегкие минуты взлета и посадки? – спросил он Лэсли с выражением страдания на лице.

– Хочешь, я сяду с тобой, – примирительно сказала Анна. Джон поддержал игру.

– А я... как же я?! Опять позабыт-позаброшен?

– Да ладно уж, – смилостивился Ян, – У меня есть одна очень увлекательная книга – проведу в ее компании пару часов. Как-нибудь переживу. Но имейте в виду, это я еще вам всем припомню!

– В любом случае, твое место – всего лишь через проход. Мы будем рядом, – примирительно сказала Анна.

– Вот и отлично, – сказал Лэсли, который понял, что ему представился удобный случай сесть рядом с Адель.

В самолёте никто не обращал на Яна никакого внимания. Ему стало даже как-то не по себе. Вот так, приглашаешь друзей, чтобы было весело, а в итоге, все занимаются только своими делами, и никто с тобой даже не поговорит. Обидно это! Он вздохнул, и раскрыл книгу, которую Джон подарил ему по случаю успешного окончания полугодия в школе.

«Хранители судеб» – так называлась книга. В ней рассказывалось о первых хранителях рода сэнмиров, о том, как попал на Землю Кристалл судьбы, и как высшие силы наделили

хранителя особым даром, передающимся от одного хранителя к другому. Было в книге описано и обязательное условие – преемник хранителя должен был обладать с ним одним генетическим кодом, идеально подходящим для Кристалла Судьбы. Только такой человек мог владеть Кристаллом, ведь и сам Кристалл был не просто бездушным камнем, а, если верить книге, живым разумом из далёких миров, воплощенным в камне.

Ян так погрузился в чтение, что не мог оторваться от книги всю дорогу: самолет успел приземлиться, все они погрузились в автобус, доехали до своей деревеньки, затерянной высоко в горах, а он все продолжал читать. Очнулся он, только когда Анна позвала всех на ужин, и тут же понял, что чрезвычайно голоден.

– Отложи уже свою книгу, Ян, – сказал Лэсли, – можно подумать, что ты к экзамену готовишься.

– Да, сейчас, – ответил Ян. – Тем более, что я дико проголодался. Но я тебе отвечаю – это что-то невероятное! Ты даже не представляешь! Вот, ты знал, например, что если до Кристалла судьбы дотронется не хранитель, то он сгорит?

– Это все знают, – буднично ответил ему брат.

– А почему?

– Хм... понятия не имею.

– Потому что несовпадающий генетический код – другое строение тела. Тело хранителя более совершенное, оно может выдерживать космические энергии, а обычное земное

тело при этом разрушается.

– Ты смотри, много будешь знать, скоро состаришься! Пойдем лучше пиццу есть!

– Пиццу? О! Это лучшее, что могло случиться сегодня, – сказал Ян, спрыгивая с подоконника.

Первый вечер провели в домашних хлопотах. Надо было распаковать багаж, подготовить комнаты. Анна и Адель приготовили постели: застелили свежие простыни, взбили подушки. София вытерла пыль, ведь шале долгое время пустовало. Джон «колдовал» с системой отопления, Лэсли принес дрова для растопки камина. Тим и Ян сходили на родник и принесли свежей питьевой воды.

Но вот, веселые огоньки заплясали в камине, а дружная компания, наконец, смогла сесть и отдохнуть от трудов праведных, попивая ароматный чай из местных трав, заваренный совершенно традиционным способом – кипятком и в чайнике. Как уютно было сидеть вот так, любоваться горящим огнем, в кругу семьи, друзей и близких. За разговорами они даже не заметили, как часы пробили двенадцать. Наступал новый день.

– Что ж, – сказал Джон, – завтра, точнее, уже сегодня, будет хороший день для лыж, а сейчас предлагаю разойтись по спальням.

И они с Анной удалились, оставив детей одних. София тоже пожелала всем спокойной ночи и ушла в комнату девочек. Ян сразу схватился за книгу, но Тим выхватил ее и от-

ложил в сторону.

– Пойдем спать, Янчик, еще успеешь начитаться. Я надеюсь, ты не храпишь?

– Я-то нет, но не могу поручиться за Лэсли. Ты идешь, кстати?

– Да, через минуту, – ответил Лэсли. – И кстати, я не храплю! – с обидой сказал он, бросив быстрый взгляд на Адель.

Ребята ушли, а он сделал вид, что ему надо проверить камин. Адель поднялась с дивана.

– Такой приятный сюрприз вы мне сегодня устроили, – сказал Лэсли.

– Это все идея Яна, – улыбнулась она, – но я очень рада быть здесь.

– И я рад, что ты здесь, с нами. Завтра катаемся?

– Конечно. Ну, что? Спокойной ночи?

– Спокойной ночи, – сказал он и проводил Адель взглядом до дверей спальни девочек. Он подошел к окну – яркие звезды крупными алмазами украшали ночное небо. Завтра будет хорошая погода.

Глава 2. «Последний приют».

С самого утра в доме была кутерьма. Дом стонал и трещал, приговаривая, что в жизни не видел такой шумной семейки. Дети носились по комнатам, кидались шапками и лыжными масками, чуть не разбили окно!

– Какой невероятный бардак они устроили, с ума сойти

можно, – ворчал дом.

Наспех выпив кофе, нырнув в свои лыжные «скафандры» и «космические» ботинки, галдящая компания, наконец, вывалилась на улицу. Солнышко ласково пригревало, теплый ветерок подгонял облака на лазоревом небе, над деревней стояли столбы дыма из сотен печных труб. Устремленные строго вверх, они предрекали хорошую погоду.

Загрузившись в очередную подоспевшую вагонетку подъемника, все немного успокоились. Суета дома и утренних сборов осталась позади. У кого-то из лыжников в небольшой оживленной компании молодых людей в наушниках играла веселая музыка, они переговаривались и смеялись над своими собственными шуткам. Атмосфера царила расслабленная, все приехали отдыхать и кататься, у всех были каникулы.

В окно насколько хватало глаз простиралась горная гряда, ослепительно блестящая ледяными маковками скалистых утёсов. Величественная картина открывалась по мере того, как вагонетка ползла вверх. Их деревня осталась уже далеко внизу, едва различимая на фоне темной равнины. Горы приближались, ослепляя отраженным от снежных вершин солнцем. Весьма кстати оказались затемненные маски, защищающие глаза от такого яркого света. Сквозь них было хорошо видно каждый гребень, каждый выступ, каждый горный пик.

Что может быть величественнее гор? Они подавляют своей значимостью, величиной, человек на их фоне, кажется,

просто муравьишкой, песчинкой, потерявшейся на склоне. Горы – это целый мир, огромный, непознанный, гордый. Гора стояла здесь с сотворения мира и будет стоять еще тысячелетия. Поколения людей уйдут, придет новая эпоха, пройдут войны, наводнения и цунами, катастрофы и бедствия, а горы будут стоять. Стоять и поражать своим величием, тишиной, покоем, безмолвием. Здесь совершенно другая природа, другой воздух, другая энергетика – мощная, пронизывающая, возбуждающая, дающая, наполняющая. В горах ты сам становишься твердым, как скала, решительным и смелым, отчаянным и бесстрашным. Тебе все по плечу, ты веришь, что все можешь. Горы – это испытание, но они же дают тебе силы преодолеть его. Они вопрос, они же и решение.

На горе, однако, оказалось довольно-таки холодно, дул резкий пронизывающий ветер. Тим и София остались на первой станции, «ползать» на учебном склоне. Анна и Джон решили выйти на второй станции, склон там был великолепно подготовлен, ратраки работали всю ночь, чтобы сделать катание наиболее комфортным.

Лэсли и Адель планировали ехать до конца, на самую верхнюю точку – станцию «Последний приют». Трасс там не было. Это было свободной катание, зона фрирайда – для самых смелых и отчаянных, для тех, кто хочет испытать себя и свои силы, для тех, кто уверен, для тех, кому уже не интересно обычное катание, а хочется чего-то большего: вызова, драйва, ощущения опасности на грани фолла. Ян увязался за

братом.

– Ты уверен в своих силах, сынок? – спросила Анна, – Катание высоко в горах – это совсем не одно и то же, что внизу на склоне. Воздух там разреженный, дышать тяжело, да и вообще, гораздо все сложнее, а вы еще недостаточно вкатаны ...

– Мам, все нормально, я не первый раз стою на лыжах, потом, я ж не один.

– Все нормально, мам, – сказал Лэсли, – я присмотрю за ним.

Джон и Анна вышли на своей станции, а Ян, Адель и Лэсли пересели до следующей. На этот раз в кабине подъемника было тихо, никто не шутил, не острил, не играла музыка. Здесь собралась серьезная публика. Люди настраивались на сложный спуск. Из окна уже не было видно долины, только горы, только белая пелена до самого горизонта.

Лыжники, которые ехали с ними в одной кабине, были укутаны так, что не было видно ни лиц, ни глаз. Светоотражающие зеркальные очки, мягкие черные маски на лицах – от холода, у многих за спинами висели рюкзаки со специальным снаряжением.

– Смелый парнишка, – сказал один из лыжников, кивнув на Яна. От пристальных взглядов ему сразу стало как-то не по себе. Он вдруг почувствовал себя абсолютно не готовым, но признаться в этом он уже не мог.

– Подумаешь, спуститься с горы... Тоже мне достиже-

ние, – думал он, – Да все хорошо будет...

И все-таки, какая-то непонятная тревога все росла и ширилась в его сознании. Когда они вышли из кабинки, сомнений больше не осталось. Он понял, что лезть так высоко в горы в первый же день – было большой ошибкой.

Наверху было очень холодно, пронизывающий ветер уносил с собой остатки тепла, маски на лицах тут же покрылись инеем, от них шел густой пар. Никакой нормальной трассы не было и в помине, лишь смёрзшиеся глыбы снежной массы, бездонные расщелины, глубокие трещины в земле, убегающие вниз и заканчивающиеся где-то в непроглядном мраке.

Воздух был разреженный. Едва он вдохнул его, так сразу понял, что дышит практически пустотой. Ян почувствовал себя рыбой, выброшенной на берег. Воздуха не хватало, дышать было трудно, он задыхался. Ноги и руки сразу отяжелели, стали ватными, малоподвижными, скованными. Было ощущение, что земное притяжение усилилось в десятки раз.

Бывалые лыжники, обогнав их, уже начинали спуск. Через каких-то пять – десять секунд они остались абсолютно одни в этой безмолвной пустыне льда и снега, продуваемой всеми ветрами Земли.

– Хочешь вернуться? – с тревогой и сомненьями спросила Адель. Но Ян упрямо помотал головой. Нет, они попытаются съехать вниз.

«Ничего, где наша не пропадала», – думал Ян, когда его ноги, напряженно сгибаясь, входили в очередной поворот.

Работать ногами на такой высоте было тяжело, сердце выпрыгивало из груди, он задыхался, но мало по малу, тело вспоминало движения, постепенно пришла и уверенность – он расслабился и заскользил вниз.

– Труден только первый шаг, – сказал он себе, облегченно осознавая, что у него все неплохо получается.

Но после очередного поворота едва обозначенный спуск неожиданно оборвался. Перед ними зияла огромная расщелина, переехать через которую, нечего было и мечтать. Они осмотрелись, опытные лыжники давно уже укатили вниз по склону, который стоял левее пролома в горе. Глаза Яна уткнулись в большой предупреждающий транспарант: «СПУСКА НЕТ».

– Что будем делать? – спросил Лэсли.

– Насколько я вижу, другой дороги все равно нет, – ответила Адель. Ее слова звучали глухо сквозь маленькие дырочки закрывающей ее лицо маски, – не подниматься же нам назад!

Погода вдруг резко изменилась, как это часто бывает высоко в горах. Подул резкий ветер, подгоняющий тяжелые облака, на горы стал спускаться туман. Сквозь начинавшуюся пургу внизу по склону они разглядели силуэты людей, значит, проехать здесь все-таки было можно. Им ничего не оставалось, как рискнуть.

Они начали спуск. Погода быстро портилась, надо было торопиться. Постепенно гора становилась все круче, и когда

они спустились до того места, где видели лыжников, склон стал практически отвесным. Снег был жесткий, смерзшийся в ледяную массу, ехать приходилось строго на кантах лыж, любая ошибка грозила неминуемой бедой.

– А если пешком? – спросил Ян, он не был уверен, что сможет благополучно съехать с такой крутой горы, скольжение здесь было подобно падению, надо было обладать большим мастерством, чтобы удержаться кантом за снег под таким углом. Ветер усиливался, чтобы быть услышанным, приходилось буквально кричать. Слова улетали прочь, едва сорвавшись с губ, их уносил ветер.

– Не вариант, – прокричал в ответ Лэсли, прикрываясь рукой от летящего в лицо снега – снег очень глубокий, ты просто провалишься по пояс, потом не выберешься, еще и в ботинках этих, – он постучал лыжной палкой по массивным ботинкам Яна, – Надо попробовать ехать – широкими дугами, проскальзывая вниз, как бы сгребая снег со склона. Сможешь? Я поеду вперед и буду ждать вас чуть ниже. Если разгонишься сильно, Ян, тормози в меня. Я удержу. Адель, ты поедешь последней, если Ян упадет, тебе будет удобнее подъехать, помочь ему.

– Хорошо, – закивала головой Адель. Ее лицо, укрытое черной маской, было защищено от вьюги, но говорить что-либо было абсолютно бесполезно.

Лэсли длинной дугой соскользнул по диагонали под небольшим углом метров на тридцать и стал ждать. Ян по-

пробовал пустить лыжи под легким углом вниз, чтобы просто сползти по склону, сгребая кантом снег. Сначала у него это получалось неплохо, но потом носы лыж вдруг почувствовали пустоту под собой и ухнули прямо в нее: он понесся вперед, резко набирая скорость. Лэсли понял, что его брат не сможет ни повернуть, ни затормозить, и кинулся ему наперерез. Собрав все свои силы, он принял удар. В ту же минуту снег под ними огромным пластом тронулся с места. Они стали оседать вниз, увлекаемые лавиной, которая лишь набирала скорость, разрастаясь и поднимая настоящую снежную бурю.

Ян вцепился в Лэсли мертвой хваткой, не видя ничего вокруг себя в белом облаке снега. Лыжи давно отстегнулись и улетели куда-то. У Лэсли в голове пульсировала лишь одна мысль – зацепиться, за что угодно зацепиться, за камень, выступ, хоть что-нибудь... Их развернуло вниз головой по склону, и они скользили, с каждой секундой все ближе и ближе приближаясь к пропасти.

Вдруг Лэсли осознал, что держит в руках какой-то предмет: оказывается, в одной руке у него зажата лыжная палка! Была ли она там или появилась каким-то чудесным образом – рассуждать было некогда. Он схватил палку покрепче и, что было силы, воткнул ее в снег, как ледоруб, стараясь зарубиться как можно глубже и затормозить, на худой конец, хотя бы замедлить скорость падения. От рывка его подбросило и развернуло, что тут же отозвалось резкой болью в плече. Они

еще какое-то время сползали вниз, увлекаемые толщей снега, но потом все остановилось. Облако снега улеглось, гром отгремел где-то внизу, снова стало тихо, а они вдвоем продолжали лежать на горе, вцепившись друг в друга и в лыжную палку.

– Ты живой? – спросил Лэсли.

– Кажется да, – ответил Ян.

– Это все она, – и Лэсли поцеловал счастливую палку, – родная, как ты только попаласть мне, ума не приложу.

– Удивительно, расскажи мне кто, что я попаду в такую мясорубку и не получу ни одной царапины – не поверил бы, – заключил Ян, – А где Адель?

Немая тишина повисла над склоном. Лэсли посмотрел наверх – Адель на склоне не было.

Надо было как-то выбираться и постараться найти ее. Они поползли в сторону, стараясь добраться до твердой почвы, туда, где не прошла лавина. Пару раз Ян пробовал встать – ноги тут же на всю их длину проваливались в снежную глубину, а доставать их оттуда стоило невероятного труда. Достанешь одну ногу, а другая уходит еще глубже, и вот, ты уже по пояс барахтаешься в снегу, пытаешься вылезти или хотя бы лечь на него плашмя, а он осыпается и подминается под тобой, и ты зарываешься все глубже и глубже...

– Янчик, не дрыгайся, умоляю, я тебя подтяну, – Лэсли протянул Яну счастливую палку и, упершись ногами, вытащил брата на ровное место. Они отдышались, лежа на спи-

не, глядя в бескрайнюю даль неба. Вдруг Ян заметил орла, парящего в вышине.

– Лэсли, смотри! – сказал он.

Лэсли увидел орла, казалось, он завис прямо над ними, и помахал ему рукой. В ту же секунду орёл стал стремительно спускаться. Все ближе и ближе, и вот они отчетливо услышали у себя в головах его голос. Это был Роб Харт.

– Не шевелитесь, снег может снова тронуться под вами. Скоро придет помощь.

– С нами была девушка, Адель, ты не видишь ее? – мысленно сказал Лэсли, он не стал кричать в горах, что было весьма предусмотрительно.

Орел поднялся выше и вновь стал спускаться. Он приземлился выше по склону. Лэсли видел, как он превратился в высокого темноволосого мужчину и припал к земле. Через какое-то время он видимо нашел, что искал, было плохо видно, но Лэсли показалось, что он стал разгребать снег руками. Лэсли затаил дыхание, только бы все было хорошо.

Ему не было видно, как Роб Харт рывком невероятной силы вытащил Адель из-под снега, как она открыла глаза. Минуты показались ему вечностью, но вот он снова слышит в своей голове голос.

– Девушка без сознания, но дышит ровно, ран и повреждений нет. Не волнуйтесь и постарайтесь не двигаться, я полечу за помощью.

Огромный орел взмыл ввысь, с легкостью унося в когти-

стых лапах Адель, а Лэсли лег на снег и стал смотреть в бездонное синее небо. Вьюга улеглась так же сремительно, как и начиналась, и уже через каких-то полчаса они услышали рев моторов. С верхней станции к ним спешили снегоходы. Лэсли постарался приподняться и замахал рукой, что было силы. Через несколько минут они все уже поднимались вверх – на подъемник.

– Так спускаться мне нравится гораздо больше, – сказал Ян, глядя через окно вагонетки.

Он развернулся спиной к окну, откинул назад голову и закрыл глаза. Хватит с него снежных склонов на сегодня. Он чувствовал себя усталым и разбитым. Все мышцы одеревенели, стучало в висках и нестерпимо хотелось пить.

Но вот, ещё через полчаса они уже открывали дверь в свое уютное шале, Джон бросился ему навстречу, Анна выбежала из комнаты для девочек, где отдыхала Адель, и обняла своих сыновей. Ян бросился на кухню и стал жадно пить прямо из носика чайника.

– Как Адель? – взволнованно спросил Лэсли.

– Врач уже был. Он осмотрел ее. Все хорошо, – ответила Анна, – Она выпила успокоительный настой и спит сейчас, не будем ее беспокоить. Пусть отдохнет и наберется сил.

– Я пойду к ней, – сказал Лэсли и исчез за дверью.

Адель выглядела вполне здоровой, нежный румянец играл на щеках, длинные пушистые ресницы отбрасывали легкую тень. Лэсли не удержался и поцеловал ее. Ее ресницы

дрогнули, но она не проснулась.

– Эх ты, спящая красавица, – с горьким вздохом сказал Лэсли. Он поправил ее одеяло и вышел в гостиную, ему не терпелось поговорить с сыном хранителя рода.

Лавина, что может быть банальнее в горах, но Роб Харт объяснил, что это не было случайностью. Кто-то нарочно испортил трассу на верхней станции, заставив их начать спуск в опасном месте, кто-то специально заманил ребят на тот склон, кто-то злонамеренно сделал так, что и малейшего движения было достаточно, чтобы пустить лавину.

– Те, кто спускались перед вами, я наблюдал за ними сверху, и мне не понравилось, как они что-то долго возились на том склоне, – сказал Роб, – Отец писал мне о донесениях чачек: крысы собрались в Сноутоне и Филлерте, полчища крыс! Не исключено, что это происшествие – происки наших врагов.

– Адель предвидела это... – тихо сказал Лэсли.

– Что именно? – спросил Джон.

– Что крысы станут играть на стороне врага. Она говорила об этом еще в ту ночь, после совета...

– Подождите обвинять. Пока нет никаких очевидных доказательств, – сказал Джон, нахмурившись, – Правда превыше всего.

– А то, что сегодня чуть не погибли ваши дети – это не доказательство? – Роб Харт был крайне удивлен и даже раздосадован такой реакцией Джона.

– Может быть да, а может быть, и нет...

– В таком случае, я, вероятнее всего, лишний здесь, – с поклоном ответил Роб Харт, все лицо его превратилось в непроницаемую каменную маску и, попрощавшись с обитателями дома, он ушел.

– Он обиделся, – сказала Анна.

– Орлы очень горячие ребята и скорые на расправу, но мы не можем никого обвинять голословно, – сказал Джон.

– Все хорошо, что хорошо кончается, – сказала Анна.

– Да уж, хорошо, что этот «Приют» действительно не стал для нас «последним», – пошутил Ян.

– И все-таки, я не стал бы сбрасывать со счетов слова Роба, – сказала Лэсли, – Я чувствую, что в его словах есть смысл. Крысы что-то затевают, судя по их передвижениям, даже если происшествие в горах и не их рук дело, все равно нам надо быть начеку.

– С этими словами нельзя не согласиться, – заключил Джон.

К вечеру Адель пришла в себя и вышла в общую комнату. София и Тим вернулись с веселых покатушек. Они остались обедать в горах, в знаменитом кафе «Ай!», где подавали лучшие во всем Приэльбрусье хычины, и не знали о том, что случилось на станции «Последний приют». Тим был в ярости.

– Даже здесь они нашли нас. Весь праздник испортили, – рычал он.

– Ну, уж нет, братишка, праздник – это не вещь, его нельзя испортить! – говорила Адель.

– Полностью согласен с предыдущим оратором. Испортить праздник я никому не позволю! – подытожил Лэсли, – Завтра 31 декабря, и мы встретим Новый год как полагается, несмотря ни на что!

Глава 3. Новый год.

С утра Яна разбудили веселые крики и шум на кухне: Анна и Адель «наколдовывали» праздничный стол. София, еще никогда не участвовала в такого рода приготовлениях, ее глаза светилась любопытством, ей было интересно буквально все...

– Самое главное – использовать только проверенные рецепты, – говорила Анна. Она взмахнула рукой и на широком блюде появились свернутые в маленькие конвертики блинчики с разнообразной начинкой.

– О, да! Однажды я взяла книгу по французской кухне и попыталась приготовить все, что там было написано, – вспомнила Адель, – Все рецепты по очереди, можете себе представить? Закончилось всё это весьма плачевно, хотя я следовала рецепту слово в слово: «Кок-о-ван» получился жесткий, Эльзасский торт сгорел, Киш-Лорен не пропёкся, а горошек по-французски почему-то оказался сладким.

– А я очень люблю мясо по-французски! – мечтательно сказала София.

– Да-да-да, только в том рецепте нет ничего французского, разве что лук, французы очень любят лук, луковый суп – их фирменное блюдо. А вообще это, безусловно, вкусно и... в целом, празднично. Годится! – и перед Адель появился противень с шипящим на нем мясом в луково-сырной корочке. София захлопала в ладоши.

– А мое фирменное новогоднее блюдо – гусь в яблоках! – и Анна достала из воздуха гигантского золотистого гуся на фарфоровом блюде, он был такой блестящий, что можно было подумать, что его глазировали карамелью.

– Мама, не забудь «Рыжик»! – крикнул Ян, выбегая из соседней комнаты.

– О! Это любимый праздничный торт в нашей семье! – Анна взяла нож и разрежала воздух. Мгновенно из-под ножа проявился большой кусок торта, который она положила на тарелку и протянула Яну.

– Вот тебе кусочек, с коровий носочек. Чаю налей себе сам.

Ян протянул руку и взял из воздуха чашку чая. Это было самое простое из того, что он уже научился делать.

– Можно мне тоже чашечку? – спросила София.

– Пожалуйста, мадмуазель! – Тим вышел из спальни мальчиков и, опередив Яна, преподнес чашку чая Софии, – Вам с лимоном или как?

– С лимоном, пожалуйста, – улыбнулась она.

Тотчас же в ее чашке появилась долька лимона.

Дверь шале открылась, и на пороге показался Лэсли.

– Ян, нам надо подумать о более серьезных вещах, чем тортик, этим вот пусть девчонки занимаются, – сказал он с порога. Он был весь в снегу.

– Что ты имеешь в виду? – удивился Ян.

– Как что, а как же ёлка? Или ты предлагаешь встречать новый год без ёлки?

– С ёлкой, конечно. А наколдовать нельзя?

– Ни в коем случае, – отозвался Лэсли. – Весь кайф в том, чтобы извозиться в снегу, устать, замерзнуть, окоченеть даже, а найти лучшую елочку! Без вложенного в результат труда – удовольствие в три раза меньше! Нет удовлетворения от того, что ты сделал, понимаешь? Допивай свой чай и собирайся.

– Я с вами, – сказал Тим. – Я тоже хочу чувствовать себя Дедом Морозом, а не ленивцем на диване.

– Вот это правильно! – ответил Лэсли. – Труд сделал из обезьяны человека, а без труда мы все скатимся до состояния неандертальцев! И всем нам надо потрудиться, чтобы в обезьян не обратиться!

– Ха-ха-ха, – засмеялся Ян, – Ты стихами заговорил!

– Допивай свой чай братишка, ждет тебя морозный мишка, – подыграл ему Лэсли.

– Какой еще мишка?

– Раз не мишка, то мартышка, ну а может быть зайчишка! Одевайся, короче!

Предновогодние хлопоты, что может быть приятнее! Через несколько часов упорных поисков в крохотную гостиную всплыла аккуратная, пушистая елочка. Щеки мальчишек горели румянцем, глаза светились, а елка источала тончайший аромат хвои и морозной свежести. Установив ее в парадный, по словам Лэсли, угол, мальчишки закрылись у себя в комнате, оттуда иногда раздавались взрывы хохота и сдавленное шиканье.

Потом ходили гулять по деревне. Какое это непередаваемое удовольствие – бродить по старинным улочкам с маленькими домиками, зайти на местный базарчик, купить меду, орехов, имбирных пряников, мандаринов, сушеных ягод и трав, теплых и пушистых шерстяных носков со всевозможными узорами – оленями, снежинками, снегирями...

Лэсли купил Адель в подарок расписную турецкую шаль.

– Когда-то в стародавние времена женихи дарили такие платки своим невестам, – шепнул он ей на ухо. Набросив шаль ей на плечи, он туго стянул ее концы и связал в крепкий узел, – Вот так! Теперь не убежишь от меня никуда!

– Да я и не собиралась убежать, – смеялась девушка, – Ой, дышать нечем! Лэсли, перестань...

– Перестану, если выйдешь за меня замуж, ну, говори, какой будет твой положительный ответ? – сказал он, притягивая ее к себе.

Адель обняла его за шею и кивнула. Лэсли подхватил ее и закружил на месте.

– Ой! Поставь меня! – смеялась Адель. – Уронишь!

– Ни за что! – сказал он, бережно ставя ее на землю.

– А у нас, кажется, свадьба намечается, – громко сказал

Ян.

– Это чудесно, – сказала Анна, обнимая сына.

– Только можно мне сначала хоть школу закончить? – сказала, смутившись, Адель.

– Все это очень здорово, – сказал Джон, – Но сперва вам надо выучиться. Лэсли, у тебя колледж, Адель, ты же хотела стать пианисткой? Вот и прекрасно! Мы очень рады за вас, но время, которое можно посвятить своему образованию, не просто так дано вам именно сейчас. Потом жизнь станет сложнее, появятся новые заботы, и вам будет очень приятно, что вы состоялись в профессии до того, как посвятили себя семье и детям. Без любимого дела в жизни меньше радости, ведь это так приятно, когда ты делаешь что-то хорошо и с удовольствием. Если ты любишь дело, которым ты занимаешься, то ты не будешь «работать» ни одного дня! К тебе придет успех! А без успеха, без достижений, нет гордости за то, что ты Человек. Это стоит того, чтобы немного подождать.

– Конечно, папа, ты абсолютно прав, – сказал Лэсли, – просто после того, что случилось на горе, я понял, что мне никто не нужен, кроме Адель. Я уже принял решение, но я готов ждать столько, сколько потребуется.

– Вот и хорошо, – сказала, улыбаясь, Адель, – Потому что

не могу же я выйти замуж недоучкой. Ты сам меня уважать не будешь.

– Всегда буду, – сказал Лэсли и подтвердил свои слова поцелуем.

– Ураааааа! – закричал Ян.

– Ну сестренка, поздравляю, теперь и мне можно начать присматривать невесту, – сказал Тим и подмигнул Софии, которая покраснела, как маков цвет.

А потом, прямо на улице, ели окоченевшие на холоде мандарины, запивали обжигающим чаем с кизилковым вареньем, корицей и гвоздикой, заедали горячими хычинами с сыром.

Тим «налепил», наверное, дюжину снеговиков. Для этого надо было взмахнуть руками, чтобы поднять столб снежной пыли, и до того, как весь снег осядет на землю, успеть придать ему нужную форму. Ян попробовал повторить шедевры Тима, но вышло у него какое-то змееподобное чудище.

– Змей Гаврилыч! Разрешите представиться, – смеялся он.

К вечеру вся деревня зажглась разноцветными огнями, прямо на улицу выносили столы с угощением. От каждого дома неслись чудеснейшие ароматы новогодних блюд. Лица людей светились радостью и счастьем – все были добры и приветливы, и каждый старался заманить к своему столу как можно больше гостей, чтобы в новом году в его дом пришла удача. Повсюду звучала музыка, и воздух был наполнен энергией жизни, движения, даже казалось, что где-то звенят

тысячи невидимых колокольчиков.

И вот, наконец, вся семья Енсен, Тим, Адель и София вернулись домой. Разожгли камин и уютно устроились на расстеленных на полу коврах и овечьих шкурах. Все были одеты в одинаковые свитера со смешными пингвинами – подарок Адель.

В углу комнаты красовалась настоящая, живая, ароматная елка, на которой висели разноцветные игрушки. Яркие, пущатые шары – от Анны, хрустальные сосульки и снежинки – от Джона, пряничные ангелочки – от Адель, снеговики со смешными рожицами – от Лэсли и Яна, и как спелые яблоки снегири – от Тима. Они были, ну совсем как живые, того и гляди вспорхнут с ветки. София не умела наколдовывать ёлочные игрушки и поэтому просто развесила покрытые золотой фольгой орехи и конфеты в ярких обёртках. Под елкой, как и полагается в новогоднюю ночь, высилась груда подарков.

– А наша семья заметно подросла, – Джон с улыбкой передавал всем чашки и бокалы: Анне – ирландский кофе с воздушной пенкой, Лэсли и Адель – глинтвейн с апельсинами и звездочками гвоздики, Тиму и Софии – чай с малиной, мятой, мёдом и палочкой корицы, а Яну – какао с маленькими зефирками. Себе он взял прямо из воздуха большую чашку крепкого грога. – Я очень счастлив, друзья мои, что мы встречаем Новый Год вместе! Вы все стали для нас очень близкими и родными людьми...

– И это правда, – подхватила Анна, – сложно представить теперь нашу семью хотя бы без одного из вас.

– И сейчас, в канун Нового года, я хотел бы вспомнить год минувший. Я благодарен ему... За то, что мы вместе, за то, что у нас появились такие замечательные друзья, за то, что мои дети растут настоящими мужчинами! – сказал Джон.

– За то, что Лэсли поступил в колледж, а Ян стал лучше учиться, за то, что у меня такой замечательный муж, которого я очень люблю! – сказала Анна.

– За то, что Ян стал настоящим сэнмиром, и что у него оказалась такая замечательная школьная подружка, – Тим ущипнул Софию за бок, и та подскочила на месте, смеясь.

– За то, что я узнала про вас, про чудеса, которые вы творите, про все! Это самое захватывающее, что со мной было в жизни, – сказала София и ткнула Тима локтем, тот подскочил, и началась легкая потасовка...

– За то, что я, наконец, что-то понял в жизни, что-то очень важное, – многозначительно сказал Лэсли, глядя в глаза Адель.

– За то, что все случилось именно так, как случилось, – сказала Адель с улыбкой, – и прежде всего, спасибо Яну, без которого меня здесь и сейчас точно бы не было с вами.

– А я... а я... – польщенный Ян не знал, что сказать, – а я просто очень рад и всех вас очень люблю!

– Ураааа! – кричали все.

Ровно в полночь раздался сумасшедший грохот – это Лэс-

ли запускал салют! Какая же новогодняя ночь без салюта?! Небо и земля содрогнулись – это был тот самый сюрприз, который они так долго готовили, закрывшись в комнате с Тимом и Яном. В ночное небо взмывали гигантские орлы и лисы. Прямо из земли били искрящиеся фонтаны. Звезды сыпались с неба гроздьями.

Когда вернулись домой, се бросились под ёлку, разбирать подарки. Обертки летели в разные стороны, еще будет время, чтобы их убраться – сейчас было время радоваться!

А потом в руках у Джона оказалась гитара... и тут началось!

– Джон, давай нашу любимую, – попросила Анна.

И Джон запел низким, бархатным голосом. Это была песня о любви, преодолевающей все преграды, вечной, всепобеждающей любви. Мелодия уносила вдаль ночного неба, и там, в бесконечности, сердца влюбленных горели как две звезды.

– Давайте новогоднюю, – попросил Ян. – Давай «Белые снежинки кружатся с утра»!

Грянули аккорды, и все запели веселую детскую песенку. Потом была и «Маленькая елочка», и «Три белых коня», и «Если б не было зимы» и много еще веселых песен о зиме, снежинках, Новом годе. Долго потом еще пели, и так хотелось, чтобы эта ночь не кончалась никогда! Но вот, мелодии стали тише, пальцы нежно перебирали струны, камин догорал. Часы на каминной полке показывали уже четверть пя-

того. София заснула прямо на подушках у камина. Лэсли бережно поднял ее на воздух, и она полетела напрямиком в свою кровать в комнату девочек.

– Как ты это делаешь? – удивился Тим, – Мне тоже надо так научиться.

– Я потом тебя научу, – подмигнул ему Лэсли и закрыл дверь.

Вскоре Анна и Адель тоже засобирались спать. Мужчины остались в комнате вчетвером.

Глава 4. Крысы.

Какое-то время они сидели, молча наблюдая за догорающими в камине отблесками, но потом Ян все же решился задать вопрос, который мучил его уже много дней.

– Пап, а почему мы больше никогда не говорили о Кливерте? Странно, что после всех событий, после этого странного письма мы ведем себя, как будто ничего и не было... Вы ничего не рассказываете, но я же вижу, что что-то происходит.

Лэсли и Тим посмотрели на Яна. Им в голову тоже не раз приходил этот вопрос, но задавать его было неуместно. У сэнмиров действует строгая дисциплина, все решения принимаются, как в армии. Если взрослые не говорят о чем-то, значит, детям этого знать не положено. Нельзя бежать впереди паровоза.

– Если письмо было написано мне, – говорил Ян, – значит,

все это как-то касается меня напрямую, но вы упорно ничего не говорите.

Три пары глаз были устремлены на Джона. Молчание действительно затянулось. Надо было что-то объяснять.

– Какую книгу я подарил тебе, Янчик? – с улыбкой спросил Джон.

– «Хранители судеб», – сказал Ян.

– Я не зря дал тебе именно эту старинную книгу, – начал Джон, – Ты помнишь основные условия передачи дара?

– Генетический код, я помню. Только определенное строение тела хранителя позволит ему использовать кристалл...

– Именно. Подумай немного, почему у вас такая связь с Кливертом?

– Почему?

– Ты помнишь, Адель сказала тогда про генетический код? Ян, если у вас одинаковый генетический код с Кливертом, ты понимаешь, что это значит?

Ян потерял дар речи, такое решение не приходило ему в голову. Он молча смотрел на Джона не в силах вымолвить ни слова.

– Я ждал, что ты сам догадаешься, – сказал Джон. – Ты новый хранитель, Ян. Леон Харт был в Бодлиане, Храм на Мурджунской игле действительно существовал, записи о нём обрываются как раз в тот самый период, 400 лет назад... Кристалл – на Мурджунской игле, в другом измерении, как вы и предполагали. Только доступен он будет лишь новому

хранителю.

– Так вот почему ему нужен ты, вот почему он ждёт тебя в Свиттоне, братишка, – оборвал его речь изумленный Лэсли.

– Мы ждем нужного часа. Леон должен был увидеться с Кливертом и обо всем договориться с ним. Мы не можем рисковать тобой, нужно было убедиться в полной безопасности принятых решений. Но окончательное слово все равно за тобой.

В комнате повисла оглушающая тишина, слышно было, лишь как потрескивают дрова в камине, тикают часы на каминной полке и ... этот странный звук, какой-то сдавленный писк исходил из угла с елкой. Кто-то швырялся среди ярких лент и обёрточной бумаги... скреб пол маленькой лапкой.

– Крыса! – завопил вдруг Тим, стягивая с себя башмак и швыряя его в ворох упаковочного мусора, – клянусь, это она, жирная тварь с розовым хвостом! Я видел ее, она мелькнула в коробках...

В следующую секунду несколько лис – Тим, Ян и Лэсли – кинулось под елку, началась немыслимая возня. Коробки и обертки взлетали вверх, ничего нельзя было разобрать в этом хаосе. Крыса, выгнув спину, выскочила на середину комнаты.

В эту минуту раздался стук в дверь, все, находящиеся в комнате так и подскочили.

– Кто это может быть? – подумал Ян.

– Понятия не имею, – отозвался Лэсли.

Дверь медленно распахнулась. В полумраке улицы стояла занесенная снегом фигура человека. Когда он вошел, все увидели, что это Лэон Харт. Крыса воспользовалась освобожденным проходом и ринулась в раскрытую дверь.

– О нет! – в отчаянии кричал Тим, – ушла! Что это за день такой...

Леон Харт сбросил мокрый от снега плащ и подошел к огню.

– С Новым годом, друзья, – сказал он.

– Здравствуй, Леон, ты с вестями? Иначе, вряд ли ты стал бы путешествовать в новогоднюю ночь, – сказал Джон.

– Ты прав, Джон, новости есть. Я летел без остановок весь день и всю ночь, посылать сойку я не хотел, это стало слишком опасно, – он почти без сил рухнул в кресло. Лэсли тут же подал ему чашку горячего чая. Леон принял ее с благодарностью.

– Какая пурга, теперь мести будет еще дня три-четыре. Но, в любом случае, ваш отдых закончен, – он жадно пил, потом продолжил, – ничего говорить не буду, потому что это просто опасно, крысы вступили в войну. Каждый дом, кроме одного, вы знаете какого, под прицелом этих тварей. Вам нельзя оставаться здесь, это может быть слишком опасно. Час настал! У нас все подготовлено. Я решил лично заехать за вами. Утром орлы перенесут вас.

– Боюсь, это невозможно, – Джон мрачнел все больше и больше, – с нами земная девочка.

– Хм... это несколько усложняет дело, но нет ничего невозможного.

– И еще, Леон, крыса была здесь, сейчас... она могла слышать наш разговор, боюсь теперь им известно, что новый хранитель – мой сын.

– Ну, что ж, рано или поздно это все равно случилось бы, не вини себя, Джон. На счет девочки не волнуйтесь. Я лично буду сопровождать ее.

– Я ее одну не оставлю, – буркнул Тим, исподлобья глядя на главу рода.

– Решено, лисенок Тим, ты едешь с нами. А сейчас на твоём месте я бы попробовал немного поспать. Это и вас касается, Ян и Лэсли, на рассвете за вами придут... еще есть несколько часов...

Мальчишки ушли. Леон Харт и Джон остались одни в комнате, где еще не так давно звучали шутки и смех.

– Джон, я говорил с ним, все как мы и предполагали, – услышал Джон голос в своей голове, – Кливерт уже не властен, сейчас все готово, чтобы Ян стал новым хранителем. После инициации вся полнота знаний и силы перейдут к нему. Тогда Ян сможет использовать Кристалл судьбы, и мы навсегдаотрежем призраков от мира людей. Закроем все входы и выходы.

– Изолируем Землю?

– Да, заключим ее в белую дыру, и ничто постороннее уже не сможет войти в мир людей. Они будут в безопасности.

– Как звери в клетке? Но, это невозможно, это тупиковый путь эволюции, они никогда не смогут развиваться дальше. Все наши усилия пойдут прахом.

– Все верно, Джон. Но решение принято. Раньше мы все ждали и надеялись, верили, что люди смогут, будут готовы к пониманию высшего знания, но эволюция на Земле, судя по всему, остановилась. Структура мозга людей остается неизменной на протяжении уже многих веков, она не меняется так, как мы ожидали. И, хотя мы сделали все необходимое, чтобы разбудить их мозг, голубая зона так и не зажглась, понимаешь? Ни у одного человека! Они просто не способны. Это тупиковая ветка эволюции, поэтому было принято решение закрыть этот проект.

– Так что же будет с людьми?

– В белой дыре им ничто не будет угрожать. У них уже есть все необходимое – все, что можно было, мы им дали, технологии, подсказки, все идеи в них влиты, дело за научными разработками, но до этого они должны дойти сами. Но смогут ли? Есть сомнения. Мне кажется, то, что есть сейчас, – это предел. На большее, увы, они не способны. Мы хотели дать им управляемую термоядерную энергию, искусственный интеллект, биомедицину, но они не готовы. Для этого нужно более совершенное сознание. Ты знаешь сам.

– Решение уже принято?

– Полагаю, что да.

– Жаль, я привык к этому миру...

– Ничего, есть тысячи иных проектов, сэнмиры не останутся без дела.

– А как же крысы?

– Что крысы? Крысы предатели. Введен специальный код в их ДНК, и они вымрут...

– Как динозавры?

– Почему динозавры. Также когда-то поступили с медведями. Это был жестокий род, а жестокость противоречит нашему пониманию эволюции и гуманного развития. Ларсон – последний представитель рода, уцелевший только по роковому стечению обстоятельств.

– Евгеника какая-то... Искусственная селекция вида. Это противоречит естественному отбору природы.

– Все это лишь эволюция, Джон. Сэнмиры – необычные люди, но тоже люди. Мы творцы, нам многое подвластно, но кому много дано, с того много и спросится. И тут не обойтись без селекции. Интеллект и этика – ключевые качества, если какой-то ген дает сбой – уничтожению подвергается целый вид. Это природа вещей.

– Я против таких теорий...

– А ты здесь и ни при чем, дорогой друг, никто же не просит тебя взять ответственность на себя за такие решения. Ты не всемогущ.

– Это не гуманно.

– Это не нам решать, мы с тобой – лишь солдаты на войне, на войне за лучшее в и людях, и в сэнмирах. À Laguerre

comme à laguerre, мой друг. На войне, как на войне...

Глава 5. Медведь.

В одиноком двухэтажном домике на окраине Филлерта горел свет. Все окна его были плотно занавешены, ставни наглухо прикрыты, но свет все же пробивался через узкие щели. Глухой морозной ночью к дому спешили крысы. Глава их рода, невысокого роста тщедушный сухой старик с лысым черепом и маленькими острыми ушками склонился в земном поклоне.

– Мой господин! Я принес тебе добрую весть! Мои люди денно и ночью следили за указанной тобой семьей, и вот, мы узнали, что тот, кого ты ищешь – новый хранитель – это тот самый маленький лисенок!

Смолл глубоко затаился и выпустил облако смрадного дыма. Он молчал. Видно было, что он погрузился в глубокие размышления. Пауза сильно затянулась, но вдруг он прервал молчание.

– Я думал об этом, не зря именно он выследил нас, тогда я послал ищейку, спрута, – сказал Смолл, наконец, – Теперь, когда мои догадки подтвердились, мы начнем действовать. Ты хорошо послужил мне, Реткенс! Награда твоя в грядущем мире будет велика.

– О, господин мой, служить тебе – и есть моя награда! О большем я и мечтать не смею, – подобострастно пропищал крыс.

– А как же их медиум? Удалось что-то сделать?

– Ах, мой господин, прости недостойного раба своего! Мы подготовили прекрасную ловушку, но орлы спасли их всех...

– От девчонки-медиума надо избавиться во что бы то ни стало, она очень сильна и может помешать моим планам, а вот лисенка я запрещаю трогать и пальцем. Только он сможет достать Камень для меня. Что тебе еще известно?

– Леон Харт! В новогоднюю ночь он пришел к ним! Он и его орлы перенесли лис в неизвестном направлении, но к счастью, с ними был человеческий детеныш, школьная подружка лисенка. София Саливан. Харт сам повез ее домой в Сноутон. Она может быть вам полезна, господин? Мы выследили ее, она живет в том же самом доме на Эпл-блум...

– Да, следи за ней, кто знает, может быть, ее жизнь еще пригодится нам. А сейчас, ты можешь идти, и не забывай о том, что я сказал тебе.

Реткенс склонился в земном поклоне и удалился, шаркающей походкой пятясь назад.

Крысы сыграли свою роль, Смолл и Ларсон узнали все, что им было необходимо. Около месяца жили они на окраине Филлерта, боясь показаться на улице. Днем их разыскивали чайки, ночью – близ Филлерта бродили дозорные волки.

– Подумать только: малыш-лисенок – Хранитель, – сказал Смолл, когда дверь за предводителем рода Крыс закрылась, – Что ж, это новость как нельзя кстати. Мы уже слишком долго ждем, настала пора действовать. Развязка близится, я это

чувствую.

– Они найдут камень, и тогда наша месть будет ужасна! – Ларсон сжимал кулаки.

Кривая улыбка исказила лицо Смолла, он мрачно водил по сторонам единственным черным глазом.

– Мы до основания уничтожим этот мир и создадим свой, новый мир, где мы будем не просто царями, мы будем богами! Мы будем единственными сэнмирами во всем мире, и у нас будет камень!

– Не так просто будет убедить лисенка отдать камень, ведь он должен сам отдать его тебе, – сказал Ларсон.

– О! Для этого нам как раз и пригодится эта девчонка, София. Это будет неплохой обмен для сентиментального мальчишки.

– Поручи это мне, я приведу ее. Есть у меня одна задумка на этот счет... Дело это опасное, но стоящее. Не зря я четыреста лет жил в мире теней, многому успел научиться.

Ларсон вышел из дома на рассвете, он шел, не скрываясь, это было частью его плана. Он вышел через заднюю калитку, открывавшую путь в лес. Там он встряхнулся и превратился в косматого медведя огромных размеров. Теперь пусть только попробуют сунуться к нему. Он ничего не боялся.

Весь день он шел через густой лес, он устал, но с наступлением ночи, ему не пришлось остановиться на ночлег. Волки вышли на охоту. Они без сомнения найдут его след. И он

встретит их, он всегда готов к сражению.

Черный медведь шел через лес. Ночь была ясная, морозная. Звезды сверкали над головой бриллиантовым шатром. Время от времени шерсть на его спине вставала дыбом. Вдруг ветер донес до него слабый запах – волки бежали по его следу. Он прибавил ходу, но расстояние постепенно сокращалось. Волки бежали очень быстро. Вдруг он услышал голоса в своей голове.

– Остановись!

– Ты, Ларсон, проклятый призрак! Тебе нет дороги через эти леса...

– О-у-у-у мы поймали, поймали его...

– Стой, мерзкая тварь, сразись с нами!

– Окружай его, ребята...

Светящиеся зеленым точки волчьих глаз замелькали в темноте. Медведь насторожился и стал поворачиваться во все стороны, стараясь угадать, с какой стороны последует нападение. Он то привставал на задних лапах, то падал вниз, ударяя передними лапами по земле, от чего в воздух вздымались снежные вихри.

– А-а-а! Презренные шакалы! Прихвостни сэнмирские! Неужто вы думаете, что справитесь со мной? Да у вас силенок ваших жалких не хватит на это! Только подойдите, вы, мелочь пузатая!

Волки стояли кольцом вокруг медведя, не решаясь напасть. Медведь встал на задние лапы и пронзительно заре-

вел. Волки испуганно шарахнулись, но потом стали подходить все ближе, сжимая кольцо. Они припали к земле и двигались уже почти ползком, выгнув спины, шерсть на них ошетибилась, светящиеся глаза, не мигая, смотрели на свою добычу. Они грозно рычали, обнажая свои огромные острые клыки.

И вот, один молодой волк, стоявший ближе всех к медведю, прыгнул, вцепившись в его ляжку. Медведь вытянулся на задних лапах и рухнул на него всем своим весом. Раздался треск ломаемых костей и дикий визг, загребая передними лапами, волк кружил вокруг своей раздавленной задней части. Через несколько минут, волоча половину тела по снегу и истошно скуля, волк отполз назад.

– Что, трусили, собаки! Вам не одолеть меня! Подходите, подходите по одному...

Он стал раскачиваться на месте и делать выпады в разные стороны, как будто хотел прыгнуть в сторону волков, и те в страхе шарахались в стороны. И вдруг, как по команде, несколько рослых и сильных волков прыгнули: зубы одного из них щелкнули, но сорвались, лишь оторвав медведю ухо, другая челюсть сжала бок противника, третья – вцепилась в горло. Медведь взревел, замотал головой, потом упал на землю и стал кататься, подминая волков под себя. Волки отпрыгнули назад.

– Ну что, поубавилось наглости? А-у-у-у...

– Ты не так страшен, каким хочешь казаться, старая раз-

валина!

– Так его ребята! Так его!

Волки завыли все хором, подбадривая сами себя. Медведь мотал головой, из оторванного уха сочилась на землю алая кровь. И тут он высмотрел зазевавшегося волчонка и хватил его лапой. Тот подлетел метров на пять в воздух и упал в снег.

Ни звука. Безмолвная тишина. Волки смотрели на него, тот не подавал признаков жизни, вскоре его тело окоченело, приняв человеческий облик. К нему тут же бросилась старая волчица, на бегу превращаясь в человека. Мать обняла тело сына и упала на него, сотрясаясь в рыданиях. В лесу раздался нечеловеческий вопль отчаяния.

Воспользовавшись их замешательством, медведь прыгнул вперед, подмял под себя еще пару волков и стал рвать их когтями и зубами. Дикий вой наполнил ночную мглу. Волки кинулись врассыпную.

– Вздумали со мной тягаться, мелкота паршивая, – кричал им в след медведь.

Несчастливая мать подняла голову – все разбежались, никого не осталось вокруг. Она прижимала к груди тело своего сына и смотрела разгневанному медведю прямо в глаза. Медведь истошно заревел и пошел на нее.

– Мне все равно, подлый убийца! Я не боюсь, моя жизнь утратила всякий смысл минуту назад. Ты уже убил меня, и мне нечего терять! – сказала она.

Медведь стоял так близко, что от его дыхания раздувало разметавшиеся у нее на голове волосы. Всего несколько сантиметров отделяло их друг от друга. Медведь снова заревел, разинув огромную пасть, женщина закрыла глаза, но не двинулась с места. Когда она вновь открыла их, медведя уже рядом не было, а из-за заснеженных кустов выходили, поджав хвосты и поскуливая, волки.

Их нельзя было винить, ведь они даже не были настоящими волками, им не приходилось выживать в лесу, скрываться от охотников, нападать и драться, драться и нападать... Они были всего лишь людьми, способными превращаться в волков, а не дикими зверями по сути своей. Они не были волками, дерущимися до последней капли крови, они не были дикими животными, чей инстинкт заставляет отгрызть застрявшую в капкане лапу ради собственной свободы, они всего лишь были людьми...

И тогда они приняли решение. Волки вышли из игры. Столкнувшись с превосходящим по силе противником, они ушли в дальние леса, за перевал, опасаясь гнева Леона Харта. Весь их род так и остался доживать свой век в долине Голубого озера. Покинув поле боя, они навсегда сохранили за собой дурную славу трусов, но эта цена, которую они готовы были заплатить за жизнь своих людей. Ни одна капля волчьей крови не прольется больше в этой войне – вот решение, которое поддержали все члены стаи.

Волки не отправили сойку, они ушли, никого не преду-

предив, и через неделю Ларсон уже был на подступах к Сноутону. Никто и не подозревал, какая страшная опасность нависла над маленькой девочкой, которая живет в самом желтом доме на Эпл-блум.

Ларсон поселился в заброшенном доме на краю города. У него был план, но сначала, он должен был стать самым обычным, неприметным жителем Сноутона. Нужно было избавиться от бороды, привести себя в порядок и как-то подлечить раненое ухо. А потом он начнет действовать.

Глава 6. Мелисса Тарт.

София Саливан любила свою школу, но еще больше ей нравилось ходить в балетную студию, которая была несколько раз в неделю по вечерам. Училась она хорошо и прилежно. Уроки, в отличие от Яна, не доставляли ей никаких хлопот. Ей даже нравился этот ритуал, когда можно спокойно, никуда не торопясь, каллиграфическим почерком выводить в тетради домашние задания. Ей нравилось поразмыслить и решить сложную задачу, прочитать новый параграф, но особое удовольствие для нее было – блестяще ответить у доски. Тогда все ее усилия были вознаграждены.

Третья четверть началась с сюрпризов. В класс пришла новая девочка: высокая, угловатая, с двумя тонюсенькими косичками, перехваченными большими синими бантами.

– Мелиса Тарт, приятно познакомиться, – представилась она и стала пробираться меж рядов, чтобы выбрать, куда ей

сесть.

Рядом с Софией было пустое место. Ее соседка по парте переехала с семьей в другой город в конце первого полугодия, и она сидела одна.

– Сядь со мной, если хочешь, – сказала она.

Мелиса смущенно улыбнулась и села рядом. Прошло несколько недель. София и Мелисса подружились. Оказалось, что живут они на одной улице, и София была рада, что пока Яна нет, ей не придется ходить в школу и из школы одной. Это были самые короткие дни в году: светало поздно, а темнело рано, так что и в школу, и из школы приходилось пробираться в темноте. А вдвоем, все же веселее...

В этот день все шло как обычно. Первым уроком была история, но вместо госпожи Миллоу в класс вошел грузный мужчина в клетчатой жилетке и коричневом пиджаке. Нос у него был, как огромная картофелина, на нём возвышались толстенные очки в роговой оправе. Очки были такие странные, что казалось, глаза учителя просто вылезают из орбит. Слишком густые, не знавшие расчески черные волосы торчали в разные стороны.

– Добрый день, класс, – сказал учитель, – меня зовут Доктор Николсон. Я заменяю вашу учительницу, она, к сожалению, заболела. Итак, начнем урок... Тема урока, – и учитель возвысил голос, – правление царя Иоанна Васильевича.

– Ивана Грозного? – переспросил скромный мальчуган с первой парты и тут же пожалел об этом.

Учитель подошел к нему и в упор посмотрел на него поверх своих очков. Беднягу так и впечатало в стул, на котором он сидел. Он схватился за горло, ему было трудно дышать.

– Хочу проверить знания ваши, а ну, кто мне ответит, какие завоевания были при царе сем? Та-а-ак, – и учитель стал водить пальцем по журналу. – Ответит нам... София Саливан!

София встала.

– При царе Иване Гро... Иоанне Васильевиче была завоевана Сибирь, Казанское и Астраханское ханства...

– Казань брал... Астрахань брал... э-э-э-э... и это все?

София молчала.

– Стыдно не знать историю, деточка, придется тебе остаться после уроков...

София вспыхнула и села на место. Никогда еще ее не оставляли после уроков. Новенькая девочка посмотрела на нее сочувственно, затем перевела полный ненависти взгляд на доктора Николсона, но ничего не сказала.

Урок шел своим чередом. Джонни Ричардсон тронул Софию сзади за плечо.

– Эй, Софийка, ну хочешь, я ему в портфель чернил разолью? Или... или кнопок на стул навалюшу, а?

– Отстань, Джонни, и без тебя тошно.

– Да я серьезно! Ну, хочешь, ребят подговорю, и когда он вечером из школы пойдет, мы его снежками обстреляем, а?

– Ой, да делайте вы, что хотите, – и София уткнулась ли-

цом в парту, стараясь не разреветься...

У учителя была интересная манера – он ходил по классу, но в какой-то момент останавливался и начинал раскачиваться на каблуках своих гигантских башмаков. И вот в какой-то момент он остановился рядом с новенькой девочкой. В порыве вдохновенного красноречия он снова стал раскачиваться с носка на пятку, с пятки на носок. Тогда Мелиса вытащила из кармана три больших ореха.

– Эй, София, не хочешь орешков? – сказала Мелиса. – Смотри!

И она подложила большущий орех прямо под каблук учителя. Хрясь! И орех раскололся.

– Кто это сделал?! – в бешенстве прошипел Доктор Николсон. Взгляд его упал на Мелису, в руках у которой были орехи.

– А ну встать! – скомандовал он, – Ага, ты видимо решила, что самая умная! Ну, хорошо же!

– Простите Доктор Николсон, очень уж мне орешков захотелось, а у вас такие огромные ноги и вес большой, вы просто созданы для того, чтобы колоть орехи! Но быть жадной нехорошо! Моя мама всегда говорит, что надо делиться! Угощайтесь, пожалуйста, – и она протянула учителю оставшиеся два ореха, – Только уж сделайте милость, расколите их сами!

Весь класс замер в выжидании, зажав рты и носы, чтобы не рассмеяться. Что же сейчас произойдет? Учитель побаг-

ровел, глаза его налились кровью, рот искривила злая гримаса. Вдруг, все увидели, что у него стремительно начала расти густая черная борода, кустистые брови нависали над глазами, голос его стал низким и грубым, весь его облик напоминал злого, разъяренного медведя.

– Бабушка-бабушка, а почему у тебя такие большие зубки, ой, борода, – сказала Мелисса.

– Молча-а-а-ать! – прорычал учитель, – Ты тоже останешься после уроков, маленькая смутьянка!

– Это вполне справедливо, – сказала Мелисса, – Моя мама всегда говорит, что поддержать товарища в трудной ситуации – святое дело, так что я почти за честь присоединиться к Софии.

– Ты замолчишь или нет?! – взревел учитель, – Убирайся вон! Чтобы глаза мои тебя не видели!

– Ах, чтобы глаза не видели? – сказала Мелисса, – Это можно...

И сейчас же во всей школе выбило пробки, свет погас. Было раннее утро, и солнце еще не встало. В школе стало темно, хоть глаз выколи. Девчонки завизжали от страха, в темноте было слышно, как двигается разом около десятка стульев и парт. В панике все стали выбегать из класса. Но в коридоре также была крошечная тьма. Кто-то с размаху влетел в коридоре в столб, усеянный для красоты мелкими, блестящими и при этом очень острыми камешками. Вскрики «Ой» и «Ай» раздавались со всех сторон. В этой толчее София вдруг по-

чувствовала, что кто-то крепко схватил ее за руку и куда-то потащил.

– Бежим! – услышала она над собой голос Тима.

Все еще не понимая, что происходит, она бросилась бежать, сама еще не зная куда.

Вдруг в школе стало ярко, как в солнечный полдень. Все лампочки включились разом, освещая паническую картину хаоса и полного школьного беспредела. Все ученики вышли из классов, кричали, визжали, учителя пытались всех вразумить и заставить учеников вернуться в кабинеты, но не тут-то было! Как будто дьявол вселился в них. Они скакали на партах, подбрасывали портфели, кто-то рвал тетради и журнал с отметками, кто-то швырял горшки с цветами в стену, несколько учениц присели в углу на корточки и в страхе закрыли головы руками со словами: "Мама, мамочка!"

– Беснуется, гад, – сказала Мелиса голосом Тима, увлекая Софию в подвал школы.

– Кто это? – спросила София с изумлением.

– Ларсон! Чтоб ему пусто было. Смотри, что творит! – сказала Мелиса.

– Да они всю школу разнесут, если их не остановить! – воскликнула София.

– Давай лучше, быстрее одевайся, бежим отсюда! – крикнула Мелиса.

Они быстро оделись и стали пробираться к выходу. На пороге школы их поджидала крепкая фигура учителя истории.

– Ой, – вскрикнула София, – Я боюсь.

Мелиса закрыла девочку собой, готовясь к атаке. Но тут, из-за поворота вышли Фред и Мартин – бывшие враги, а теперь лучшие друзья Яна Енсена. В одну минуту они оценили обстановку: огромный черный учитель преградил выход из школы двум девчонкам явно с недобрыми намерениями. Они узнали Софию. Она была подругой Яна. Он спас их от зубнушки, и сейчас им, наконец, выпал шанс вернуть ему долг. Они посмотрели друг на друга, и, кивнув головами, с диким криком ломанулись на учителя. Фред врезался ему головой в живот и сбил с ног. Мартин с разбегу навалился сверху и заорал: «Долго я его не удержу, бегите!».

Мелиса и София не заставили себя просить дважды. От неожиданности Ларсон потерял несколько секунд, которые оказались спасительными для девчонок. Он вскочил на ноги, Фред и Мартин повисли у него на руках, как спелые груши. Но недолго им пришлось так висеть. Один мощный рывок, и учитель с жуткими воплями уже бежит догонять своих учениц.

– Быстрее, – крикнула Мелиса, и они побежали по тёмной аллее, ведущей к широкому проспекту. Как раз в этот момент на остановку вкатил переполненный автобус. Мелиса буквально впихнула Софию на подножку и вскочила вслед за ней. Двери с грохотом закрылись, и сквозь заиндевевшие окна они увидели учителя истории: в снегу, без шапки, с перекосенным от бешеной злобы лицом. Он озирался по сто-

ронам, взгляд его упал вслед отъезжающему автобусу. Он заметил их, но было уже слишком поздно. Автобус выкатил на мостовую и повез счастливых беглянок прочь от ненавистного Доктора Николсона. Мелиса показала ему язык.

– Ха-ха! Так тебе и надо! – радостно воскликнула она и повернулась лицом к Софии.

Они стояли на нижней ступеньке буквально нос к носу, толпа прижала их друг к другу так, что не то, что пошевелиться, дышать было сложно.

– Ой, – спохватилась София, а это хоть какой автобус?

– Тройка.

– Девочки, вы выходите? – спросила их пожилая женщина.

Они прыснули со смеху.

– Да, да, выходим, – выдавила из себя София.

Спрыгнув с подножки автобуса, они пошли вниз по Яблонево́й улице.

– Ну, вот мы и пришли, – сказала Мелиса голосом Тима, когда они подошли к самому желтому дому на Эпл-блум.

София с удивлением рассматривала женское платье под запахнутым зимним пальто, косы, торчащие из-под шапки, съехавшие на бок бантики...

– Ой, Тим, а я тебя ведь вообще не узнала! Сколько дней ведь думала, что ты девочка! А что, тебе даже идет, – и она звонко и заливисто засмеялась. – Мелисса Тарт, приятно познакомиться, – хохотала она.

Стало светать. Тим отломил сосульку, висевшую на карнизе, откусил большущий кусок и, тяжело вздохнув, провел по лицу тыльной стороной ладони. На пальце блеснуло кольцо в виде змеи, кусающей свой хвост. Лицо его стало меняться. Черты стали угловатыми, исчезли плавные девичьи линии скул и губ. Рывком он сорвал с себя парик и сунул его в карман.

– Все, маскарад окончен. Ты знаешь что... Лучше иди домой, думаю, что сегодня он сюда точно не сунется. Я отправлю сойку нашим и буду дежурить у подъезда. Надеюсь, помощь придет вовремя.

– У меня сейчас нет никого дома, а одна я боюсь. Может, пойдешь ко мне? И потом, что ты будешь весь день на морозе мерзнуть? Да и соседи, что подумают, – сказала София.

– Пожалуй, ты права, – сказал Тим. – Но сначала надо отправить сойку.

Он достал из портфеля тетрадь, вырвал листок, взял огрызок карандаша и стал что-то быстро писать. Потом достал из кармана спички и поджег письмо. Через несколько секунд бумага догорела, и сойка полетела в дом сенмиров.

– Ой, а в школе что творится... как теперь они там, а? – спросила София.

– Ничего, он навел на них морок, но сам ушел. Без подпитки это не продлится долго. Скоро все придут в себя. Надеюсь, никто не пострадает.

– Коллективное умопомешательство, – улынулась Со-

фия. – Спасибо тебе! – и она крепко обняла Тима, а тот стоял и блаженно улыбался.

Они поднялись в квартиру Софии. Это была очень маленькая двухкомнатная квартирка с проходной жилой комнатой. Они прошли на кухню, на которой едва могли развернуться 2 человека, и София принялась хозяйничать. Вскоре на плите засвистел пузатый чайник, на столе появилось варенье в вазочке и аккуратно нарезанный белый хлеб с маслом.

Тим впервые был в гостях у Софии. Ее квартира была на первом этаже, точно под квартирой Яна, и расположение комнат было такое же. У Яна Тим уже был, а вот у Софии – не доводилось. Они выпили чаю и пошли в комнату. София показала ему книги на полках, затем достала альбом и стала показывать фотографии своей семьи. Мама, папа, братишка. Было видно, что она их очень любит. Потом они играли в настольные игры, и Тим все время выигрывал. Он периодически подходил к занавешенному окну и проверял, не покажется ли косматый учитель во дворе их дома. Но все было спокойно. Когда небо начало алеть, Тим засобирался.

– Скоро придут твои родители, не хочу объяснять, что я здесь делаю, – сказал он. – Я буду недалеко. Будет скучно, посмотри в окно.

– Хорошо, – ответила девочка.

– Надо дождаться наших, – сказал он, – Странно, почему никто до сих пор не появился.

– Слушай, а может быть собрать тебе еды и термос с ча-

ем? – спросила София, но он отказался.

– Зачем? Я в любой момент могу попить чаю и съесть пару бутербродов, – улыбнулся он, – Ты, видно, забыла, что сенмиры не пропадут без еды и питья.

Тревожное предчувствие заставляло его ходить кругами вокруг самого желтого дома на Яблоневой улице. Тим так и не ложился спать в ту ночь. Понимание того, что Ларсон каким-то невероятным образом все-таки добрался до Сноутона, заставило его без устали патрулировать окрестные дворы.

Хорошо, что он придумал переодеться в девчонку и проникнуть в класс к Софии. Леон Харт одобрил эту идею и помог с документами. Мелису Тарт на всех законных основаниях зачислили в школу с начала новой четверти. Идея сработала. Не известно, чем бы все закончилось, если бы не было рядом Тима. Но вот теперь, когда все прояснилось, и опасность стала реальной, а не предполагаемой, надо было действовать. Тим ждал помощи, по его расчётам, сенмиры должны были уже давно появиться, но что-то было не так.

Ночь была тихая, звезды бриллиантами рассыпались по небу, ни дуновения ветра, ни скрипа шагов на снегу... все смолкло вокруг. В окнах домов выключали свет. Сначала погасло одно окно, с зелеными занавесками, потом другое, с красными, потом третье, из которого продолжал литься голубоватый свет – там смотрели телевизор. Одно за другим гасли окна-светлячки, и во дворе всего на один дом, который скорее был похож на густой лес, чем на нормальный город-

ской двор, стало совсем темно. Только звезды светили холодным, мерцающим светом.

В полночь Тим в очередной раз обходил двор, поросший вековыми соснами, не понимая, как могло случиться, что сенмиры до сих пор не появились во дворе на Эпл-Блум, как вдруг из черной мглы навстречу ему выдвинулась какая-то прозрачная тень. Он даже скорее почувствовал ее, чем увидел. Воздух задрожал от ее появления, как мерцает и искажается пространство над пламенем костра в морозный день, не более того, но взгляд лисенка уловил это. Это была призванная Ларсоном сущность из другого мира – из мира теней – это был демон, порабощающий сознание, Серый кардинал. Тим слышал о таких и знал, что бороться с ним бесполезно. Никакие средства не помогут, если в дело вступила серая сущность.

Через мгновение лисёнок Тим уже был самим собой. Он выхватил из кармана фонарик Адель и стал светить им вокруг, пытаясь поймать в луч света серого призрака. Но луч ничего не мог выхватить из мрака: ни нащупать, ни сжечь. В отчаянии он бросился к двери подъезда, надеясь собой преградить путь незримой сущности.

В какой-то момент он услышал над собой протяжный вздох и почувствовал, как обжигающий холод входит в его грудь, проходит насквозь и выходит между лопаток. На миг у него остановилось сердце, дыхание перехватило, он не мог пошевелиться, его глаза, не мигая, смотрели прямо перед со-

бой в темноту ночи, и ему казалось, что он умирает. Вдруг, все вокруг почему-то перевернулось. На какое-то мгновение он увидел над собой звезды, они растекались в одно большое голубое пятно с двумя зелеными глазами, и, наконец, все заволокло туманом ночи. Он потерял сознание.

Как тягучая мгла просочился призрак сквозь дверь квартиры Софии Саливан. Он плавно двигался меж темных комнат, медленно нависая над спящими и заглядывая в их лица. Он склонялся над человеком и ждал... ждал... когда тот откроет глаза, и тогда он вливался в них, и человек начинал видеть, чувствовать, думать так, как хочет призрак, делать то, что он велит ему... Человек уже не принадлежал самому себе, демон владел и повелевал им, как незримый кукловод, дергающий за ниточки. В то утро София Саливан открыла глаза совершенно другим человеком.

Глава 7. «Маша и медведь».

Не помня себя, София позавтракала, механически почистила зубы, оделась и вышла во двор. Ноги сами несли ее, а она даже не задумывалась, куда. Мысли ее бродили где-то, как во сне. Если бы какой-то прохожий остановил ее, она бы даже не поняла, что он хочет от нее. Она, как лунатик, шла по городу, сворачивая то направо, то налево, не замечая ничего вокруг, не видя и не слыша. Люди оборачивались в след странной девочке, которая, как сомнамбула, шла по городу и что-то шептала себе под нос.

Она даже не заметила, как оказалась в лесной чаще. К ней подошел высокий человек с черной бородой. Ларсон отделил от Софии ее фантом и приказал ему вернуться в город. Фантом медленно поплелся в сторону Сноутона.

Ларсон взял Софию за руку и повел куда-то. Она не сопротивлялась, не кричала, не звала на помощь. Она покорно и послушно шла вслед за ним. Он привел ее в какую-то избушку, и они долго сидели в ней, пока не стемнело. Тогда Ларсон вышел на порог, а вернулся уже медведем, огромным, черным, косматым... он подошел к девочке и истошно заревел. София вздрогнула и уставилась на медведя. Ни страха, ни удивления она не испытывала. Все это было для нее каким-то далеким и нереальным. Она с интересом осматривала избушку, и совсем не удивилась, когда услышала голос у себя в голове.

– Идем, садись мне на спину, я повезу тебя, – сказал медведь.

Она послушно забралась на широкую спину и удобно на ней устроилась. Медведь нес ее через лес, а она лежала на спине и смотрела на облака, проплывающие над головой. Постепенно ясность ума стала возвращаться к ней. Она снова четко слышала звуки хрустящего снега под медвежьими лапами, ощущала его запах, но на душе у нее было спокойно, как будто так все и должно было быть. Через час или два ей стало любопытно, и она заговорила с медведем.

– Куда ты везешь меня, мишка?

– Много будешь знать, скоро состаришься, – был ответ.

– А... Ну ладно, а долго нам идти?

– Долго.

– А что потом?

– Любопытной Варваре на базаре нос оторвали.

– Какой ты, однако, ворчун, мишка...

Она недовольно перевернулась у него на спине и замолчала, но через пять минут снова стала одолевать медведя вопросами.

– Давай играть, я буду Маша, а ты – Миша, – смеялась она, – Ты помнишь эту сказку?

Она запустила руки ему в косматую шкуру и погладила его по загривку, от чего по спине медведя волнами побежали мурашки.

– Отстань от меня, – буркнул медведь.

– Как так, отстань, ну уж дудки. И вообще, я есть хочу, когда мы есть будем?

Медведь остановился и, скинув смеющуюся девочку в сугроб, отряхнулся, превратившись в высокого бородача. Ларсон никогда не имел дела с детьми, он и не знал, насколько они могут быть докучливы и несносны, но дал себе слово сохранять спокойствие, во что бы то ни стало. Девочка была нужна для важного дела. Ей нельзя было причинять вреда. Сжав зубы, он стал разводить костер. «Терпенья мне! О! Боги! Дайте мне не убить ее раньше времени!», – думал он.

Уютно устроившись возле костра, они ели жареного в сме-

тане кролика, запивая горячим сбитнем из больших кубков. От сытной еды клонило в сон, и София заснула. Огромный медведь взвалил ее на спину, и они зашагали дальше.

Время шло, мало-помалу он начинал привыкать к ней. К концу третьего дня он уже заметил, что ухмыляется в ответ на ее шутки, и поймал себя на мысли, что девчонка-то, в принципе, не плоха...

Серая сущность заставила Софию осознавать свое похищение как игру. Для нее все это было сном, веселым приключением, сказкой, воплотившейся в жизнь. Она по-доброму относилась к гиганту в косматой шкуре, ласково называла Мишей и чесала ему спинку, от чего медведь млел и таял, а она чувствовала, как волны удовольствия разбегаются под его всклокоченной шерстью.

Вот уже пятый день шли они через лес. Девочка ехала на спине медведя, иногда засыпая от мерной качки. Временами они останавливались. Ларсон становился человеком, разводил костер на лесной полянке, готовил неприхотливый обед.

– Где мой короб с пирожками, а ну говори, куда ты его подевал? – эта игра в Машу и Медведя порядком надоела Ларсону. Вначале он пытался рычать и пугать девочку, но та только хохотала. Страх в ней не осталось ни на грамм. Он даже пытался укусить ее, но она неизменно смеялась и даже хватала его за язык! Несносная девчонка! И всегда на привале требовала короб с пирожками! Ну, сколько можно!

– Вот твои пирожки! – он поставил перед ней невесть

откуда взявшийся короб. София взвизгнула, подпрыгнула и захлопала в ладоши. Смеркалось. Закат окрасил морозное небо в малиновый цвет. С последним лучом солнца уходило тепло дня. Мороз крепчал. Кое-где уже загорались первые звезды. Было слышно, как трещат от мороза деревья в лесу, и запоздалые птицы устраиваются на ночлег среди голых ветвей деревьев.

– Ну, Мишка, хватит ворчать! Твои пирожки – самые вкусные в мире! – сказала София и подбросила хворосту в костер.

– Еще бы, это вам не куски пресного теста не пойми с чем внутри... Это... Еще моя бабушка такие пекла... – вздохнув, пробормотал Ларсон, удивляясь, как это маленькая чертовка все-таки вывела его на душевный разговор...

Он не любил вспоминать прошлое, не любил говорить о своих родных. Все это отзывалось в нем чем-то неприятным, от чего неизменно портилось настроение, он становился угрюмым и злым. Но эта маленькая девчонка видела в нем не страшилу и чудище, а друга и доброго товарища. Это было непривычно и странно. Он как будто ступал на неизведанную землю, от чего ему становилось не по себе.

За всю свою жизнь Ларсон не имел никаких человеческих слабостей и привязанностей, но постепенно, день за днем эта маленькая девчонка, заставляла сурового одинокого медведя проникаться к ней неизбывной симпатией. Она вкралась к нему в душу незаметно, но надежно заняв в ней долго пусто-

вавшее место близкого и родного существа. Он привязался к ней, сам еще этого не понимая, и уже не без удовольствия подставлял ей свою морду для поцелуя.

– Ах, Мишка, до чего ж нам хорошо с тобой... а давай играть, как будто мы идем с тобой в волшебную страну, где нас ждет великий и могущественный чародей, который исполнит три самых заветных желания...

– И что бы ты пожелала?

– Хм... дай подумать... Я хочу познакомиться с твоими родителями... У тебя же есть семья?

– Тоже мне желание, зачем это тебе нужно?

– Как зачем? Разве можно узнать человека, не познакомившись с его родными! А я всё хочу о тебе знать!

– Тогда ты ничего хорошего не узнаешь.

– Как так?

– А так, что добра то от них я и не видел никакого.

– Почему?

– Почему... почему... Мать выдали замуж совсем девочкой еще... за боярина московского... сама еще дитя, и когда я родился, не до меня ей было. А отец – дюже до дворцовых интриг охоч был. Домой носу не казал. Все в разъездах. Приедет, бывало, домой, покудова одну лошадь на другую переседывают, он к матери: крик, брань, плач... а потом – фьють – и след простыл. А мать потом еще два дня из светелки своей не выходит, все плачет, плачет. Строгий он был. За малейшую провинность и кулаки, и розги в ход шли:

и мать бил, и меня частенько, как не убил только. Мать добрей была – на горох вот только ставила... шалил я много... дык, все больше от скуки...

– Ну естественно, маленький мальчик, энергии много, а мир он ведь большой, интересный... И не ловили тебя?

– А как же ж... всякий раз и ловили. Да что они могут-то? Ну к матери сведут... Та побранит, да и дело с концом: постоишь на горохе, и с гуся вода.

– Ну, мама тебя любила...

– Да куда уж... говорю ж, сторговали ее у родителей, выдали насильно замуж, молодую, вот вроде тебя, лет 15 ей было, за старого боярина, в отцы то он ей точно годился, если не в деды... так ей вообще противно было даже смотреть на меня: как глянет, ее аж передергивало. Так и говорила мне – поди прочь, вымесок... А сама в слезы...

– А отец ее любил? Ну, ведь зачем-то он женился на ней... а?

– Не знаю я, она ж шестая жена у него была.

– Ничего себе! А куда он всех остальных жен-то дел? Вот ведь синяя борода...

– Борода-то... да – хорошая была у него. Окладистая... А жены больше трех лет и не жили у него... умирали...

– А дети еще, ну кроме тебя, были? Братья, сестры...

– Нет, не было. Жестокий он был человек. Мать моя все в монастырь уйти просилась, так не отпускал. И бил сильно. Сам придумывал за что, а потом наказывал ее. Никогда до-

волен не был, а повод найти, чтоб наказать, трудно ли?

– Хватит! Не хочу слушать. Жуткие вещи ты говоришь, Мишка...

– Сама спросила! А что ты хотела услышать?! Что в жизни моей были сплошные пряники?! Нет, голуба моя... Я признаться, когда мать померла, сильно горевал по ней. Какая-никакая, а все ж мать. Но, когда отец после того напился пьяным, с лошади упал, хворал и в три дня помер – я радовался! Тяжело он помирал, мучительно, а мне каждый стон его – музыка небесная была. А у лошади подпруга-то на одном волоске держалась. А кто ее подрезал, знаешь?

– Не хочу слушать про это! Ты портишь мне всю сказку! Противный Мишка! Лучше про бабушку расскажи, что пирожки тебе пекла...

– Эх ты, заноза... Бабушка... Она всю жизнь за сына своего молилась, но видать не тем богам. А пирожки, да, вкусные были пирожки... – Ларсон отвернулся от Софии и пошел подальше от костра, в сумрак, на ходу превращаясь в медведя. Под маской зверя было проще прятать свои человеческие чувства.

Наступила ночь, рассыпав бриллианты по бездонно-черному небу. Где-то невдалеке ухал филин, нагоняя страх на девочку. Медведь развалился, уставившись на догорающий костер, в глазах его видны были мерцающие отблески пламени... или это были слезы? Девочка подошла к нему, и медведь развернулся, подставляя ей свои колени. Она забралась

на него и свернулась клубочком. София спала, а медведь, согревая ее теплом своего тела, все думал... думал...

– А может и хорошо, что вымерли все медведи... Таких жестоких людей не должна носить Земля. Да и я, на удивление, зажился на свете... Ни жены, ни детей... Бобыль я одинокий...

Вся жизнь промелькнула перед его глазами. Что он видел? Схватки, драки. В каждой потасовке гнев давал ему силы, заставляя кровь бурлить, утраивая его мощь, давая победу над врагом. Но своего внутреннего врага ему было не победить...

Он всю жизнь винил отца в той нелюбви, которую мать испытывала к нему, он ненавидел и боялся его. Маленьким мальчиком он плевал ему в след. Став старше, втыкал иголки в косяки его спальни, за что был неоднократно и жестоко бит, но однажды, на девятый день после смерти матери, увидев, что отец напился до беспамятства, подрезал подпругу у его лошади... Отца вызвали к царю, но до столицы он так и не доехал. А потом...

Как говорят мудрецы: убить медведя нельзя – убийца сам займет его место, сам станет медведем. Так и случилось. Он сам стал копией своего отца, сам стал медведем. Только еще более дерзким, более жестоким и мстительным. Его боялись все. От него бежали крестьяне и дворовые люди, а он их ловил и травил собаками. Он был демоном своего мира. Сильный, могучий, жестокий. Иван Грозный восхищался им. Он

был верным опричником царя. Не гнушался никакой работой. А сейчас, посмотрите на него: он точно ручной пёс держит на своих коленях маленькую девочку, оберегая ее сон...

Что-то проснулось в нем. Чувства, доселе невиданные, незванные и негаданные. Она не боялась его! Она тянулась к нему и ласкала его, глядя по взъерошенной шерсти. Вот ведь, как он мог прожить эту жизнь, – не в ненависти, а в нежности...

Сердце заныло от ощущения неизбывной потери, бездарно прожитой жизни, а тело его ослабело от этой догадки, силы растаяли, ушли в землю, забрав с собой яд прожитых лет. Растерянно, как только-что вылупившийся птенец смотрел он по сторонам. Он словно впервые в жизни очнулся от кошмарного сна, от злого, мучительного морока. Тяжелые окувы спали с его плеч, и ему стало легко. Даже дышать стало свободнее.

Вся его важность и могущество слетели с него, как дымка. Он держал на руках ребёнка, и единственной его целью было – оберегать ее сон. Спокойный сон этой девочки стал главной задачей, и он готов был еще сто раз сразиться с волками и даже с драконами, лишь бы эта дорога с девочкой на спине длилась вечно.

Но небо за горизонтом стало светлеть, звезды померкли... наступало утро, а значит и новый день, который неотвратимо приближал его к неизменному финалу – ему нужно будет отдать Софию в руки Смолла. Хочет он того или нет.

Глава 8. Решение.

В первое утро нового года орлы доставили всю семью Енсен и Адель в общий дом сенмиров. Рисковать жизнью будущего Хранителя было нельзя, и это было самое надежное место на всей планете. За отсутствием работающих телепортов пришлось прибегнуть к услугам авиакомпании «Орёл интернешнл». Орлы рассекали светящее небо над скалистыми горами, унося в своих лапах огромные корзины с рыжими лисами и лисятами. Корзины были утеплены и снабжены специальными крышками, которые могли закрываться в случае необходимости.

Ян свесил морду из корзины и смотрел во все глаза, это было великолепное ощущение – лететь над землей. «Почему люди не летают, как птицы», – подумал он.

Золотой диск солнца вставал над Землей, и это было незабываемо. До чего прекрасна наша планета, думал Ян, как повезло людям, что у них есть все это богатство – реки, озёра, леса и поля, бездонные моря и бескрайнее небо – простор для полета мысли и души. Он смотрел на летящих справа и слева от него орлов.

– Ну как? – услышал он в своей голове голос Лэсли.

– Это нечто! – ответил Ян, – Я бы все отдал, чтобы самому так летать!

– Ну, брат, это надо было тебе родиться орлом или чайкой. Дом встретил их радостно и приветливо. Во всех комна-

тах стояли свежие цветы в вазах, теплый вечер спускался на сад. Когда они приземлились, солнце клонилось к закату. В открытые окна доносилось пение птиц, теплый ветерок раскачивал легкие занавески. Семья Енсен и Адель собрались за круглым столом. Дивон напек целую гору блинов, и все отдавали должное его кулинарному искусству. Ночь тихо спускалась на дом сенмиров. Зажигались яркие зимние звезды, и всем захотелось продолжить такой уютный вечер у камина. Бодро вспыхнули дрова, вся семья собралась около разгорающегося очага.

– Я здесь уже совсем, как дома, – сказал Ян. – Жалко только, что полёт закончился. Это было так захватывающе!

– Люди не летают, братишка, – сказал Лэсли.

– Пока еще не летают, – ответил Джон.

– Что ты хочешь сказать, папа? – мальчишки подскочили от удивления.

– Я верю, что люди еще удивят нас, – сказал он. – Все зависит от развития сознания. Сейчас мы вправе ждать больших перемен, те магнитары, которые впустили проклятых призраков в наш мир, помнишь? Они сослужили и хорошую службу...

– Очень интересно, Джон, – сказала Адель, – расскажите!

– Расскажи папа, ну пожалуйста, – подхватили Ян и Лэсли.

– Ну что ж. Слушайте, – начал свой рассказ Джон. – Вы все знаете, что сенмиры уже тысячелетия живут на этой пла-

нете. Проект «Земля» был запущен еще при первых людях, не знавших, что такое чувства и эмоции, для этого у них не была еще развита лимбическая система мозга! Вот как давно! Но постепенно, эволюция мозга человека привела к развитию центров памяти, обучения, творческого мышления, появились новые слои клеток – неокортекс, и люди получили способность вырабатывать стратегии, строить долгосрочные планы... По сути, все достижения цивилизации – заслуга этих клеток мозга.

– И ты хочешь сказать, что изменения продолжаются? – спросил Ян.

– Мы надеялись, что так, – ответил Джон, – мы ждали пробуждения голубой зоны. В глубинах мозга человека есть скопление нервных клеток, которое влияет на нас – голубое пятно. Именно оно сможет помочь людям расширить горизонты познания, усваивать новую информацию. Так вот магнитары, о которых я говорил, как раз помогают разбудить голубое пятно.

– Как это? – спросил Ян.

– Магнитары в радиодиапазоне светятся ярко-голубым светом – индиго. И они, синхронизируясь с голубым пятном в мозге человека, пробуждают в людях сверхспособности! Наше ДНК переписывается, наша органика меняется, следующий шаг эволюции – мы станем бессмертными, так как нейроны голубого пятна и зоны бессмертия находятся в кровном родстве. Магнитары пробуждают активность зоны

бессмертия, а значит, будет меняться вся энергосистема человека. Но до этого нам пока еще ой как далеко. Человек должен стать более совершенным, тогда ему откроется высшее знание. Пока это еще недоступно не только обычным людям, но и нам. Хотя, безусловно, в развитии нашего мозга было больше ступеней, чем у людей.

– Но подождите, эти знания есть у тибетских йогов! – сказала Адель. – Мы не единственные, кому открылось это знание! Я была в Гималаях, именно там мне открыли способность медиума. И там же говорили, что живут высоко в горах люди, способные на сверхчеловеческие чудеса!

Джон, казалось, был ошеломлен.

– Я не знал этого. Леон не прав! Нельзя закрывать проект, пока мы не разберемся с этим...

– Что значит, закрывать проект? И в чем неправ Леон? – спросила Анна.

И Джон рассказал семье о решении, которое сообщил ему Леон Харт. Проект «Земля» закрывается. Планету ради безопасности и защиты от вторжения извне упакуют в белую дыру, а всех сенмиров переведут на другие проекты.

– Хранитель рода уверен, что эволюция на этой планете зашла в тупик, – сказал Джон, – Но, если голубая зона зажглась у тибетских лам в Непале, она может зажечься и у других людей, это лишь вопрос времени. В любом случае, это говорит о том, что мозг в нашем мире эволюционирует, а значит, люди больше не будут зажаты в трехмерном про-

странстве! Мы все на пороге грандиозного квантового скачка: наш привычный земной мир будет меняться! Сначала изменятся стандартные физические параметры, не будет никаких констант и привычных постоянных... Хотя, что я вам это все говорю, вы все равно ничего не понимаете...

– А у Хранителя есть голубая зона в мозге, папа? – вдруг спросил Ян.

Джон засмеялся.

– У Хранителя и без того иной генетический код, не такой как у остальных сенмиров. Это уже измененная органика. По сути – ДНК сверх-человека. Высшая ступень эволюции. Его тело готово к принятию высших энергий, настолько мощных, что обычного сенмира или человека они просто сожгут.

– Точно, нельзя прикасаться к Кристаллу судьбы – ты сгоришь, – напомнил Лэсли.

– А вообще, судя по тому, что в нашей звездной системе, в нашей галактике магнитар включился всего лишь 8 лет назад, у тебя должны быть такие способности, каких не было ни у одного предыдущего хранителя, Ян! – сказал Джон.

– Хранители тоже эволюционируют? – спросил Лэсли.

– А как же! Чем хранители хуже других?

– А что для этого нужно сделать, чтобы стать хранителем? – уточнил Ян.

– Пройти инициацию в Храме судьбы на Муруджунской Игле, и как только будет принято решение – мы все отпра-

вимся туда, – сказал Джон.

– В нашем мире существует проекция Храма в огромном гроте на берегу подземного озера, берущего свои воды из Черного озера на поверхности горы, – сказала вдруг Адель, – Теперь я это точно вижу!

– Ян! А ведь ты видел его! Ты видел этот Храм! –неожиданно сказал Лэсли.

Все удивленно посмотрели на него, уж не сошел ли тот с ума? Но лицо Яна изменилось, брови его поползли вверх, глаза округлились, он сам стал похож на человека, только что узнавшего ошеломительную новость!

– Действительно, папа, сейчас я вспомнил! Вот как Лэсли сказал, так сразу и вспомнил! Мы ходили с ним в поход, на Муруджунскую Иглу, и там, я видел Храм, а внутри кристалл! Я прикоснулся к нему, смотри, – и Ян показал ожег на руке, – вот!

– Никто не может дотронуться до кристалла и не сгореть дотла. Это еще раз подтверждает, что у тебя другие гены, – сказала Адель.

– Брать в руки кристалл может только Хранитель, прошедший инициацию, – подтвердил Джон.

– Ну, так значит, я пройду ее, – сказал Ян с уверенностью.

– Подожди, не все так просто, инициация проходит из нечеловеческого источника, – прошептала Анна. Как мать она была против всей этой затеи, она не хотела, не могла допустить, чтобы ее сын пошел на такую жертву. Она пере-

живала и боялась, что это может просто-напросто убить его. Ведь бывали случаи, когда тело неопфита не выдерживало испытания и не могло вернуться к жизни...

– Перерождение, – продолжала она, – это всегда дар высших сил, если человек оказывался недостойн, он просто... не просыпался, – она так и не могла сказать это слово – «умирал».

– Инициация – это мост между реальностями, по которому надо пройти, а будешь ли ты достоин – решают высшие силы. Мама права, – сказал Джон, – иногда человек не выдерживает это испытание. Но я верю в тебя, Ян, ведь ты не просто рожден Хранителем, у тебя более совершенные гены, чем когда бы то ни было. В тебе пробудятся сверхчеловеческие силы, ты все преодолешь! Инициация – это смерть и возрождение, но жертва эта должна приноситься добровольно.

– Как смерть? – воскликнул Лэсли, – и ты так спокойно рассуждаешь об этом?

– Я так рассуждаю, потому что верю в Яна, верю в его способности, я не сомневаюсь, что все будет хорошо. Пойми же, инициация – это «прыжок веры» – если ты не веришь – у тебя ничего не получится! Нельзя сомневаться, сомнения только разрушат все! Старое должно умереть для того, чтобы родилось новое. В этом вся суть.

– Это не ритуальные термины? Отец, ты понимаешь, о чем ты говоришь сейчас? Это реальная смерть? – Лэсли был в

панике.

– Это переход из одного состояния в другое.

– Нет, это невозможно, я сойду с ума, – сказала Анна и закрыла лицо руками. – Джон, а если он откажется? – с надеждой в голосе спросила она.

– Тогда Смолл и Ларсон победили. Уже победили.

– Но ведь им не добраться до кристалла, он находится в Москве, как они туда попадут? А мы уж как-нибудь, – продолжала она.

– Мы ожидаем в этом году рождение сверхновой звезды, Аня, – мягко сказал Джон, – С кристаллом или без него, они сенмиры, они опасны, они способны на все. Нельзя оставлять это на волю случая.

– Хватит спорить, я сделаю это, – сказал Ян, – Я пройду инициацию и стану Хранителем.

Анна заплакала.

– У тебя все получится Ян, я вижу это, – сказала Адель, – Ничего не бойся и смело иди вперед. Джон прав, ты куда сильнее всех предыдущих хранителей. Ты будешь делать такие вещи, которые я даже не могу описать, они не укладываются в моей голове. Тебе будет доступна суть вещей, ты сможешь управлять миром, менять его, сдвигать пространство и время... Таких людей еще не бывало, Лэсли, Анна, Джон, я это ясно вижу. Теперь, когда Ян принял решение, картинка прояснилась: я уверена, все будет хорошо! Не волнуйтесь и не переживайте, у вас нет повода для беспокойства. Ни ма-

лейшего!

Анна бросилась к Адель и обняла ее.

– Я верю тебе, – сказала Анна.

– Не плач, Аня. Когда-нибудь он все равно должен был вырасти. Это просто случилось раньше, чем ты ожидала. Твой сын уже не ребенок, и принял взрослое, мужское решение. И наша задача – поддержать его, – сказал Джон. – Дождемся Леона, он должен все организовать.

Прошло еще несколько дней. Они продолжали ждать известий от Леона Харта, как вдруг в окно влетела сойка. Джон поспешно посадил ее на бумагу и прочитал сообщение от Тима. Там говорилось, что Ларсон каким-то невероятным образом добрался до Сноутона. Все были ошеломлены этой новостью. Но, не успел Джон среагировать на это известие, как прилетели Чайки, сообщив, что волки предали их и ушли на Голубое озеро, Ларсон похитил Софию, а Тим бесследно исчез. По каким-то невысказанным причинам сойка прилетела слишком поздно. Кто-то задержал ее, кто-то намеренно не дал им вовремя прийти на помощь Тиму. Все больше загадок вставало перед ними.

Глава 9. Потерянный род.

– Где это я? – пробормотал Тим, глядя в белый, скругленный потолок...

– О! Сестра! Он проснулся! – услышал он протяжный ше-

пот. Над ним склонились женские лица, укутанные по самые глаза в синие покрывала тонкой работы. Может быть, все дело было в покрывалах, но Тиму показалось, что кожа у женщин отливала перламутром.

– Что со мной, где я?

– Т-с-с-с... Лежите спокойно. Вы помните кто вы, как вас зовут? – раздался мурлыкающий плавный голос.

– Еще бы... я пока не сошел ...

– Вот и хорошо. Какой сейчас год, месяц, вы знаете?

– Да что вы в самом деле пристали, кто вы такие, объясните...

Одна из женщин подняла над ним руку с ритуальной табуировкой, и он провалился в глубокий сон.

– Он возбужден и слишком слаб, – объяснила она. – Пусть поспит еще дня три, может быть тогда...

И они вышли из белоснежной комнаты с закругленным потолком и стенами в дверь, из-за которой бил яркий свет, настолько яркий, что слепил глаза, и разглядеть что-то находящееся за дверью не представлялось возможным.

Через три дня Тим проснулся в белоснежной, ярко освещенной комнате. Он был один и лежал на большом, высоком столе, судя по всему – операционном. Над ним светила огромная яркая лампа.

– Свет хоть уберите, – сказал он, и лампа тут же погасла. – Ну вот... Так-то лучше...

Он спрыгнул со стола, вместо одежды на нем был боль-

шой белый балахон. «Даже если это операционная, то... где же все инструменты, где лекарства...», – подумал он, подошел к двери и потянул за ручку. Дверь поддалась, за ней была плотная завеса из ярчайшего, слепящего глаза света. Тим невольно отпрянул и прикрыл глаза тыльной стороной руки. Затем он вытянул руку вперед – свет был густой и мягкий, как желе. Он нажал – и рука вошла в свет. Тогда он смело шагнул вперед.

Оказалось, что световая завеса была всего сантиметров пять толщиной. За ней Тиму открылся длинный коридор, в котором царил полумрак, никого не было вокруг. Он пошел по коридору и увидел еще одну дверь, в ней было вмонтировано стеклянное окошко, и он заглянул через него внутрь.

Посреди комнаты стоял такой же стол, как и в комнате, где он очнулся. На столе лежал полупрозрачный человек, а вокруг него толпились одетые в голубые паранджи женщины с перламутровой кожей. «Значит, это был не сон», – подумал Тим.

Женщины водили руками над телом человека, и Тим буквально видел, как за руками движутся потоки энергии. Он видел, как они нежно подхватили и извлекли из человека больной орган, как очистили его мерцающим ультрафиолетовым потоком, выходящим прямо из ладоней, наполнили золотой и бирюзовой энергией и вернули его на место. Так они проделали со всеми больными органами человека. Затем они все подняли над человеком свои руки, и из простертых

над телом рук посыпался серебряный дождь. Когда операция была закончена, человек просто исчез.

– Кто у нас следующий? – спросил тихий, мурлыкающий голос.

– Тильда Браун: детство – счастливое, всю жизнь добросовестно работала, вырастила троих детей и семерых внуков...

– Диагноз?

– Рак. Все родные любят ее и просят за нее каждый день.

– Призвание реализовала?

– Не до конца... Есть еще шесть ненаписанных картин, не говоря уже о восьмом внуке на подходе...

– Хорошо, загружаем.

И вот, на операционном столе замерцало и проявилось новое полупрозрачное тело седовласой женщины...

Тим пошел дальше по коридору. Навстречу ему шла миниатюрная зеленоглазая кошечка. Он не обратил на нее никакого внимания, мало ли кошек ходит по больницам... Он свернул на лестничный пролет и стал спускаться вниз. Кошка пошла за ним...

– Сколько же здесь этажей, интересно... – бормотал Тим себе под нос.

– Двести семьдесят пять, – в ответ мурлыкнула кошка.

Тим подскочил на месте. Потом присел на корточки перед маленьким зверьком и, прищулив глаза, пристально посмотрел на него. И вдруг его осенило...

– Сенмиры-кошки? Да ладно!

– Т-с-с-с... это тайна... – ответила кошка, – А ты далеко собрался, а, герой?

– Почему герой?

– А ты ничего не помнишь? Ты же в одиночку противостоял серой сущности, пожертвовал собой в попытке спасти близкого друга, только такая жертва и заставила нас вмешаться...

– Я вспомнил! Мама-мия! Мне надо бежать, что с Софией? Что с ней?

– Стой, остановись, пожалуйста, – кошка оцетинилась, и вдруг превратилась в гигантскую черную пантеру, сверкающую зелеными глазами. Тим невольно отпрянул от дикого зверя. – Иначе ты никогда не сможешь ей помочь, – услышал он все тот же мурлыкающий голос у себя в голове.

Пантера присела и сжалась, как перед прыжком, и через мгновение перед Тимом стояла улыбающаяся неотразимой улыбкой, небольшого роста зеленоглазая красавица 17 лет, с длинными во всю спину чёрными волосами. На ней был голубой палантин с капюшоном, ее лицо было словно вырезано из перламутра и светилось изнутри.

– Я тебе все объясню, только давай уйдем в более подходящее место, не разговаривать же нам на лестнице, да еще в такой одежде... – и она многозначительно посмотрела на белые одеяния Тима.

Через несколько минут уже переодетый в свою одежду

Тим пил чай в маленькой комнатке с уютным мягким диванчиком, до боли напоминавшей ему гостиную в доме его бабушки, даже бегония на подоконнике стояла такая же кривая и изогнутая. Даже часы на стенке были те же, а в углу, гонял клубок шерстяной комочек – рыжий кот Вискас. Клубок синих ниток подкатил к его ноге, и котенок, перекувыркнувшись через голову, прыгнул на него. Тим попытался было погладить кота, но рука провалилась в изображение – кот был голограммой.

– Пей, пей. Мы, конечно, питали твое тело, но естественным путем – оно ж лучше, правда? – улыбнулась девушка-кошка, – и как тебе эта комнатка, ничего не напоминает? Я взяла ее из твоих воспоминаний и смоделировала в пространстве. Кстати, я не представилась – Алиса Шестая.

– Шестая... Как королева что ли? А я – Тим... Первый...

– Я знаю... – улыбнулась она.

– Ты, помнится, хотела рассказать, что с Софией, Алиса Шестая... – угрюмо переспросил ее Тим. Больше ни о чем другом он думать не мог: «Где София, что с ней? Почему Алиса ничего не объясняет ему?».

– Да, конечно, ты не волнуйся и пей чай... С ней будет все хорошо, просто поверь мне. Твою подругу пленила серая сущность – собственно, ничего страшного, но в данный момент ей нельзя помочь. Пока нельзя. Она еще не исполнила своего предназначения до конца, и нам нельзя вмешиваться.

– Так это ваших лап дело? – сказал Тим.

– Что ты хочешь сказать?

– Я послал сойку, но никто не пришел на помощь! – он чувствовал, как в нем закипает гнев.

– Так нужно. Все во благо! Все кончится хорошо, если не наделает глупостей. И ты должен пообещать не торопиться с этим, а главное – никому не рассказывать о нас, иначе мне придется оставить тебя жить с нами навечно, – улыбнулась она.

– Как навечно?

– Это фигура речи, – засмеялась девушка, – Вечности для отдельно взятого индивида вообще не существует, ну, за редким исключением...

– Хорошо. Я обещаю. А кто вы все-таки такие? Сенмиры-кошки? Исчезнувшая ветка? Я никогда раньше не видел такого, – Тим показал на светящуюся кожу девушки и ее татуировки.

– Ты прав, лисенок.

– Ты знаешь, кто я?

– Мне и не надо знать, я все вижу. И твое прошлое, и будущее... и всех твоих друзей, всех тех, кого ты хранишь в своем сердце, – она прикоснулась к груди Тима в том месте, где билось его сердце. – Все дело в том, что наша ветка продвинулась в эволюции несколько дальше всех остальных сенмиров, скажем так.

– Но как? И почему вы исчезли? Почему прервали связь с остальными?

– Так было нужно. Высшие силы перепрошили наши ДНК и поставили перед нами другие задачи. Мы живем на свете уже очень, очень давно и у нас иное служение, не как у вас.

– Ничего себе! Так бывает? И сколько тебе лет?

– Почти тысяча. Наш род был практически полностью истреблен. Люди сожгли на кострах инквизиции всех наших сестер... про инквизицию, я надеюсь, ты слышал?

– Ну конечно, это когда ведьм сжигали на кострах, но это было очень давно, в дикое средневековье...

– Да-да-да... и вот, когда осталось лишь 10 последних представителей нашего рода, произошла трансформация на уровне нашего квантового состояния, мы получили этот дар – расширенного сознания, возможностей и ... бессмертия.

– Бессмертия?! И что же, вас и убить нельзя?

– О! Какие вопросы... Пожалуй, что нас нельзя убить... Наше тело обладает мощной регенерацией. Даже после выстрела в сердце мы должны выжить, гипотетически, конечно, пока еще никто этого не пробовал. Но это касается только тех 10 из нас, берущих свое начало с квантового перехода – клонам не передается ген бессмертия.

– Клонам?

– Ах, да, ты же ничего не понимаешь... Ну.. Клоны... Наши точные копии. Каждая женщина-кошка создает своих клонов для выполнения миссии, людей в мире очень много, а нас всего 10, нам не успеть вылечить всех... Мы занимаемся в основном тем, что творим чудеса и лечим людей – про-

ще говоря, исполняем желания, но только если человек этого достоин и действительно попросил об этом. Чтобы мы смогли исполнить желание – оно должно быть сформулировано. Без волеизъявления самого человека мы ничего не сможем сделать. Воля – это непреложное табу. За него мы не переходим никогда. Вот с тобой разве только, – и Алиса ласково улыбнулась. – Но ты был без сознания и не мог попросить сам... Ты очень храбрый, лисенок...

– Я не лисенок, я уже взрослый лис, – поправил ее Тим, – А как вы лечите людей? Я видел там, в комнате – там как-то прозрачно все – не похоже на настоящее тело...

– Мы работаем с душами, Тим, работаем с тонким телом. Если вылечить болезнь на тонком уровне – у организма будет достаточно ресурса справиться с болезнью и в физическом плане. Видишь ли, все болезни происходят от сбоя в душе. Но мы помогаем излечить душу, в итоге включается механизм само-регенерации тела. Человек и сам может исцелить себя, но мало кто этим пользуется. Люди предпочитают оставаться в своих болезнях души, ведь они привыкли считать себя во всем правыми. Им все тяжелее работать над собой, они ослепли от своих потребностей и забыли о душе. Бывает даже еще хуже, они как будто получают удовольствие от того, что они страдают. Их душа болит, но вместо того, чтобы очнуться от этого, люди наслаждаются своими несчастьями. Нам это не понять. Но так происходит.

– Интересно... А что еще вы можете?

– Практически все... – Алиса смотрела на Тима, и ему начинало казаться, что он разговаривает не с обычным человеком, а с ангелом. Ему становилось понятно, почему кошки просто взяли и исчезли 1000 лет назад, и никто о них больше не слышал. Такой ресурс нельзя разбазаривать на решение мелко-бытовых задач... Они – высшие существа, и совершенно логично, что они предпочли оставаться в тени, жить своей жизнью.

– То есть ты можешь превращаться не только в кошку?

– Мы предпочитаем все-таки не превращаться без особой нужды... Я просто хотела, чтобы ты сам догадался, кто мы такие...

– Ясно. Но как вы это делаете? Как лечите людей?

– Я сомневаюсь, что ты сможешь это понять...

– Ну, это же не чудо какое, не волшебство! Чудес не бывает, мы все это знаем, значит, есть законы природы, физические законы, по которым все это работает. А значит, я смогу понять...

– Твой мозг еще не получил ту зону, которая сделает все это понятным для тебя...

– А ты попробуй, ну если прямо на пальцах... а?

– Ну, хорошо... Ты можешь понять, что весь мир – суть одно, а все отличия – это лишь разница вибраций? Как струны на гитаре – они одинаковые, но каждая звучит по-своему... только не из-за своей толщины, а ... сама по себе... и дело не в физическом свойстве струны, а именно в самой

вибрации... Весь мир – это струны, точнее говоря – музыка этих по-разному звучащих струн. Меняя вибрацию, ты меняешь физические свойства вещества... ну это, скажем, как воду в вино превратить...

– Я ничего не понял...

– Не расстраивайся. Может быть, Ян сможет тебе лучше объяснить, ведь он был таким же человеком...

– В смысле – БЫЛ?

– Ян уже выпил чашу, сейчас его тело меняется на уровне ДНК, он усваивает новые знания и возможности. Когда он проснется, он будет видеть этот мир на струнном уровне.

– Уже выпил, что это значит?

– Он принял решение. Оно окончательно и меняться не будет. А значит, все, что идет дальше во времени по этой ветке событий – уже фактически произошло... до следующего момента неопределенности. А вот к этому, следующему моменту и нужна будет София. Это случится не завтра, а пока – отдыхай. Восстанавливай силы. Я тебе все здесь покажу и расскажу, как все устроено, тебе будет интересно. А к нужному моменту, я доставлю тебя туда, куда нужно, будь спокоен...

Глава 10. Добровольная жертва.

Ян принял решение. Джон передал послание Леону Харту через чаек, и семья стала собираться в Свиттон, как о том говорилось в письме Кливерта. Сборы были недолгими. По-

ездом добрались до города, но к бабушке Лизе заходить не стали. Ни к чему ей лишние волнения.

На вокзале их уже ждали чайки. Они проводили Яна, Лэсли, Анну, Джона и Адель до хижины в Муруджунских лесах. Чайки взмахнули крыльями и исчезли в синеве неба, а на пороге лесной избушки их уже поджидал Хранитель рода сенмиров Леон Харт.

Они вошли внутрь и увидели, что за деревянным столом сидит печальный, усталый человек в длинной и широкой чёрной рубахе алхимика – Кливерт. Казалось, что на его плечах лежит скорбь всего мира. Придавленный ею, он натянуто улыбнулся и посмотрел в глаза Яну. Ян также смотрел на него не отводя глаз. Что происходило в этот момент между ними, осталось тайной для всех.

Рыжеволосая ведьма, сгорбившись у очага, подбрасывала в печку дрова.

– Матильда, не суетись, – мягким голосом сказал Кливерт. – Дай гостям чаю, они устали с дороги.

– Чего уж там, – ответила ведьма, смахнув слезу, – чего уж там...

Она понимала, что час настал. Не только для лисёнка, но и для неё. Скоро всё должно было закончиться. Кливерт обещал отпустить её. Но вот странное дело, ей совершенно не хотелось сейчас торопиться. Понимание того, что конец близок, всколыхнул в ней осознание утраты. В последние дни своей жизни она вдруг остро и отчётливо поняла, как пре-

красен был этот мир, и отрывать его от своего сердца ей было больно. Она подошла к самовару, но Джон мягкой рукой остановил её.

– Не волнуйся, хозяйка. У нас всегда все с собой.

Поставив на стол пузатый самовар и расписные чашки, Джон предложил Леону Харту сесть во главе стола. Анна достала из печки удивленной Матильды великолепный пирог с ежевикой.

– Присаживайтесь с нами, хозяйюшка, – ласково сказала она.

Матильда села, непривычно осматривая гостей своей убогой лачуги. Ей понравился Джон, к его жене она тоже почувствовала теплое расположение. Яна она была рада видеть, но смотрела на него сочувственно. «Такой еще мальчик маленький», – думала она, – «Тяжело ему будет».

Лэсли понравился ей еще с прошлой их встречи. Такого красивого парня она никогда в жизни не видела. Матильда тяжело вздохнула, вспоминая давно ушедшую молодость, которую нельзя было вернуть ни за какие богатства мира. Как мало ценила она свою красоту, как тратила свои годы, на что? Как бестолково прошла ее жизнь. Ничего-то она не видела на своем длинном веку. Только лес и стены своей хижины, где отшельницей жила она вот уже четыре сотни лет. Ну, ничего, скоро все закончится. Он ей обещал. И она поймала теплый взгляд Кливерта. «Да, Матильда», – говорил он ей, – «Скоро все закончится. Ты будешь свободна».

Она одна осталась с ним, когда последняя радость исчезла из его жизни, она была верным псом, знавшим лишь одного хозяина. Не надеясь ни на что, ничего не прося, она всегда была рядом и ждала его 400 лет – в пустоте и одиночестве, в обреченности и тоске. Ей ни разу не пришло в голову, что она может сама управлять своей жизнью, сама решать, что ей делать и как жить. Такая преданность редка в людях, но она была всей душой и беззаветно предана своему хозяину.

В избушке царила какая-то торжественная тишина. Все ели молча. Когда пирог был съеден, и вся компания подкрепила силы ароматным чаем, Леон Харт что-то шепнул Кливерту. Тот встал и знаком пригласил их следовать за собой.

Кливерт взял Матильду за руку, и она доверчиво пошла за ним. Он повел всех к тайному ходу в подземную пещеру. Тропинка вела их через мхи и папоротники, извиваясь, как змея. Наконец он привел всех к еле заметному люку прямо в земле. Кливерт и Леон Харт с трудом подняли крышку.

Спуск длился недолго. Они зажгли факелы и стали пробираться в глубину расщелины в скале. По пояс в воде, они стучали зубами, но ни один не проронил ни слова. На берегу реки горел костёр, там их ждало несколько лодок. Леон Харт позаботился о том, чтобы всем хватило в них места. Согрешившись у костра, они сели в лодки и поплыли, и вот перед их глазами встал великолепный Храм на берегу подземного озера. Он светился призрачным сиянием, величественный, манящий, готовый открыть свои тайны.

Ян, Лэсли и Адель, Анна и Джон, Леон Харт и Кливерт заморожено смотрели на проекцию Храма Судьбы на берегу Черного озера. Рыжеволосая Матильда зачерпнула воды в какой-то старинный кувшин, который принесла с собой из хижины, и стояла поодаль, ее лицо и фигура менялись до неузнаваемости. Она больше не была дряхлой старухой. Рядом с ними на берегу озера стояла рыжеволосая красавица с гордым взглядом зелёных глаз и точёной фигурой.

– Сколько дней займет трансформация неизвестно, – говорил Кливерт, – поэтому, когда лисенок выпьет зелье, Матильда проводит вас в хижину.

– Я не оставлю сына, – с жаром парировала Анна.

– Тебе придется уйти, женщина, – с невозмутимым видом ответил ей Кливерт, – если ты желаешь добра своему сыну, ты уйдешь. Ты же не хочешь, чтобы из любви к тебе он застрял между мирами? – Он взял Анну за руку и пристально посмотрел ей в глаза, – Так надо... и тебе придется его отпустить. Пока ты это не сделаешь, он будет привязан к тебе стальным канатом. Он не сможет уйти дальше поворота... Пора разорвать пуповину. Это больно для тебя, ты мать, но через это надо пройти. Надо отпустить. Если хочешь ему добра. Пойми, там... он будет чувствовать твою боль, он не сможет уйти, а значит, не сможет вернуться. Только если отпустишь, он вернется к тебе, но ты его не узнаешь. Он больше не будет маленьким мальчиком. Пора... пора ему стать взрослым.

– Не волнуйся, мама, тебе, в самом деле, лучше уйти, – Ян подошел ближе и погладил мать по руке.

– А вот ты, – Кливерт загадочно посмотрел на Лэсли, – ты нам как раз понадобишься. Все это очень кстати... Очень хорошо...

– Что нужно делать?

– Подожди, еще не время. Я все объясню, позже... Матильда, дай мне кувшин с водой из Черного озера.

Матильда передала кувшин Кливерту. Анна обняла сына, слезы струились по ее лицу. Ян нежно погладил ее по щеке.

– Мама, не переживай. Я скоро, – сказал он.

– Время пришло, – сказал Кливерт.

Они вошли в светящуюся залу Храма с высокими сводчатыми потолками и полупрозрачными стенами. В центре Храма стоял алтарь, на котором сиял изумительной красоты аметист. Матильда подала Кливерту белый сверток. Он увел Яна в затвор, и через несколько минут они вышли оттуда, на лисенке был одет белый просторный балахон, который был слишком велик ему. Он выглядел в нем смешно и неуклюже.

– Ну как я вам, мам смотри, – Ян покрутился вокруг себя, растопырив руки и весело улыбаясь.

– Ну, прям малютка-приведение, – сказал Лэсли. Он старался шутить, чтобы хоть как-то разрядить обстановку.

Кливерт вышел вслед за Яном, он нес его одежду, которую и передал Анне, она схватила одежду, уткнулась в нее лицом и разрыдалась. Джон обнял ее за плечи.

– Матильда, Кубок, – скомандовал Кливерт. И рыжеволосая женщина с почтительным поклоном протянула ему старинную ритуальную чашу, сделанную из белого золота и перламутра. Чаша была украшена огромными сапфирами и жемчугом. Кливерт налил в нее воду из кувшина.

– Вода черного озера, – Кливерт поставил чашу на алтарь, и все увидели, как вода начала чернеть, она все темнела и темнела, пока, наконец, не превратилась в настоящие густые чернила. Тогда Кливерт снял со своего пальца кольцо и опустил в черную воду, говоря: «DEPOSIT ANULUS REDITUM POTENTIA», – кольцо с шипением растворилось в воде.

– Что он сказал? – шепотом спросил Ян у стоящего рядом с ним Лэсли.

– Это на мертвом языке, я не знаю, Адель, что он сказал?

– Опускаю кольцо, возвращаю силу, – так же шепотом ответила Адель.

– Опускаю кольцо, возвращаю силу, – передал Лэсли.

– А-а-а... ясно, – сказал Ян, – они сейчас были похожи на школьников, играющих в «Изломанный телефон».

Кливерт поднял чашу над алтарем, произнося какие-то заклинания, потом он обернулся к Лэсли.

– Ты, брат, подойди сюда, – взгляд его был суров и сосредоточен. – Отвечай мне, только честно, как в последний миг твоей жизни отвечай: любишь ли ты брата своего?

– Да, конечно, люблю... – растерянно ответил тот.

– Любишь ли ты его так, чтобы отдать за него самое дорогое, что у тебя есть, самое желанное, то, за что ты, не раздумывая, отдал бы жизнь, то, чего жаждет твое сердце?

Лэсли никак не ожидал такого вопроса. Он удивленно посмотрел на всех: на мать, на отца, на Адель, на Яна... Тысячи мыслей пронеслись у него в голове за долю секунды. Он вспомнил, как спас Яна полгода назад на Муруджунской игле, тогда он готов был отдать за него все на свете... и сейчас готов... но... самое дорогое на свете для него сейчас, самое желанное... это же Адель... готов ли он отдать за брата – ее?

Тысячи сомнений взметнулись ввысь и закружились хороводом в его голове. Где эта правда? В чем она? На что он действительно готов? Что если он скажет «да», а это не будет правдой? Что случится тогда? А если он не готов, не готов пожертвовать любимой ради брата? Что будет? Лэсли растерянно смотрел на Адель, на Яна... и не понимал, что ему делать. Сомнения и стыд за возможность неправильного решения давили на него все сильнее.

– Не торопись, подумай, сейчас нам некуда спешить, – уже спокойнее сказал Кливерт, – мы будем здесь ровно столько, сколько понадобится, но каждое слово, каждое решение – необратимо. Именно сейчас мы выбираем путь. Каждый раз, совершая выбор, мы идем лишь по одной из двух дорог. Все зависит от выбора. Так что подумай, подумай хорошенько. Все кирпичики нашего выбора мы складываем в основание нового дома – тела этого мальчика. И от нас зависит, каким

будет этот дом, сможет ли это тело пройти предстоящие ему испытания, выдержать все... Я отдал свои силы и знания, которые получил точно также в свое время. Теперь все сосредоточено в этой чаше. Ты в праве отдать ему то, что поддержит его в предстоящем испытании... Так что думай, юноша, от твоих слов многое зависит. Каждая жертва должна быть отдана добровольно! Только тогда она принесет свой плод, только так от нее будет польза.

– Жертва? Что ты имеешь в виду?

– Что ты готов отдать за брата? Какова твоя жертва? Готов ли ты отдать – ее? – с грустью в голосе спросил Кливерт, указывая ссохшимся пальцем на Адель.

– Это символ? Вы говорите загадками, я не понимаю.

Адель пыталась сказать что-то Лэсли, но ее губы словно были склеены чем-то настолько липким, что она просто не смогла раскрыть рта. В следующую секунду невидимые веревки скрутили ее по рукам и ногам.

Анна от страха вцепилась в Джона, но тот схватил ее за руки и велел молчать.

– Что ты выберешь? – продолжал Кливерт. В ту же секунду вспыхнуло пламя, оно неумолимо приближалось к девушке.

– Только твое решение прекратит это, Лэсли! – крикнул Джон, – решай!

– Ты пытаешься оценить последствия, но выбирать надо сердцем! – крикнул в ответ Кливерт. – Отказавшись от люб-

ви, ты сможешь помочь твоему брату в предстоящем ему испытании. Твой выбор?!?!

Секунды тянулись бесконечно долго, а огонь всё приближался к Адель. Лэсли думал... Помочь брату – его долг, но какой ценой? И все-таки, он никогда не сможет быть счастлив с Адель, если сейчас откажется от помощи Яну.

– Я согласен, – твердым голосом сказал Лэсли, с ненавистью глядя на Кливерта.

Огонь тут же потух, веревки, связывающие Адель исчезли. Из ее глаз катились слезы, но она кивала головой, подтверждая правильность выбора Лэсли. Он смотрел на нее, не отрываясь – глаза в глаза. Анна, не в силах смотреть на это, уткнулась в плечо Джона, который, казалось, постарел на тысячу лет за одно только это мгновение.

Лэсли подошел к Кливерту и опустился перед ним на колени, не отрывая глаз от Адель. Бывший хранитель со словами «SPONTE VICTIMA» стал срезать у него волосы ножницами, которые подала ему красавица Матильда.

– Добровольная жертва, – твердил Кливерт, и с каждым клочком отрезанных волос чувства к Адель улетали от Лэсли, растворяясь в воздухе. Его лицо становилось все спокойнее, пока не стало совсем равнодушным. И когда все волосы оказались на золотом подносе, который держала Матильда, он поднялся с колен с совершенно отрешенным лицом. Адель, наблюдавшая все эти перемены в нем, опустила глаза, из которых текли слёзы.

Кливерт подошел с подносом к чаше, взял в руку волосы и уже готов был бросить их в нее, как вдруг под потолком готических сводов раздался громкий и уверенный голос.

– У меня тоже есть воля. У меня тоже есть право выбора. Я не принимаю эту жертву, – сказал Ян.

В ту же секунду волосы в руке Кливерта вспыхнули и в одно мгновение превратились в пепел. Кливерт выронил поднос и отпрянул от алтаря, обезумевшим взглядом глядя на Яна.

– Мальчик, ты сейчас очень сильно усложнил свою задачу... Боль будет невыносимой! Добровольная жертва приносится родным по крови человеком для облегчения страданий! Ты сошел с ума! Передумай! У тебя еще есть шанс! На подносе осталось еще несколько волос...

– Нет, – отрезал Ян.

– Это его решение, – вмешался Леон Харт, – Он в своем праве, но клянусь, родом сенмиров, Ян, ни один неофит так еще не поступал. Во всей истории такого еще не было. Пройти через трансформацию тела без возможности облегчить свои страдания – невыносимо!

– Подумай еще раз, – простонал Кливерт.

– Нет, – в третий раз сказал Ян.

Волосы на подносе вспыхнули и исчезли.

– Лэсли, тебе не идет эта стрижка, – только и прошептал Ян ошалевшему брату, к которому в тот же миг вернулись все его чувства к Адель. Не в силах вымолвить ни слова, он

только протягивал к нему руки.

Лэсли смотрел на младшего брата, слезы застилали глаза, и вся картинка размывалась, но он видел, что перед ним стоит не просто мальчик, каким он был еще вчера. Какие-то процессы уже происходили в нем, они заставили его пойти на это безумие, отказавшись от поддержки добровольной жертвы на инициации ради него и его любви.

– Ты все сможешь, – прошептал он, – ты будешь великим хранителем! Самым великим из всех, что когда-либо были.

Ян ничего не ответил. Он смотрел на своих родных уже как-то отстраненно, как будто они были далеко-далеко от него. Все его мысли перенеслись куда-то, он был уже не здесь.

Как будто кто-то невидимый подсказывал ему, что надо делать, Ян спокойно и уверенно обошел алтарь, взял в руки чашу, поднял над собой и произнес слова, значения которых сам еще не знал: «FACE RESALTUS FIDES».

– Свершаю прыжок веры, – прошептала за ним Адель.

Ян залпом выпил черную жидкость. В ту же секунду проекция Кристалла судьбы исчезла с алтаря, и Ян почувствовал, как внутри все стало жечь огнем. Он согнулся пополам, до скрежета сжал зубы, стараясь сдержать стремящийся наружу крик, но не смог... Под сводами подземного храма задрожало эхо нечеловеческой боли, и Ян потерял сознание.

– Он принял Кристалл Судьбы внутрь своего сердца, – сказал Кливерт. – Да помогут ему Высшие силы. Кристалл

выжигает все лишнее в нем. Это нечеловеческая трансформация.

Кливерт и Леон Харт подхватили безжизненное тело и уложили на алтарь, накрыв с головой белым покрывалом. Матильда заторопила всех к выходу.

– Вам не надо смотреть на то, что будет здесь сейчас происходить, уйдите быстрее, так будет лучше для всех.

Джон на руках нес потерявшую сознание Анну, Адель поддерживала ее голову и помогала идти к лодкам.

– Отец, я остаюсь с ним, – крикнул Лэсли им вслед. Это было самое малое, чем он мог отблагодарить брата за его «добровольную жертву».

Глава 11. Прыжок веры.

– Давай скорее, поможешь нам его держать, – крикнул ему Леон Харт.

Лэсли бросился к ним. Ян бился в агонии, его тело изгибалось дугой, его подбрасывало высоко над алтарем, так что трое мужчин едва держали его. Глаза его закатились, сквозь поры сочилась кровь, и белое покрывало постепенно приобретало пурпурный цвет. Ян был без сознания, но тело его страдало неимоверно. Он до скрежета стискивал зубы, боль горячей лавой разливалась по венам, кости трещали, кожа горела огнем.

– Так и должно быть? – спросил Лэсли Кливерта. – Ты прошел через это, скажи, это вот все – это нормально?

– Никто и никогда не отказывался от жертвы за себя. Так что мне неизвестно, как сейчас все будет, и как оно должно вообще быть в таком случае.

Но вот, тело Яна расслабилось и распрямилось, а кожа стала впитывать через поры отданную им кровь. Через считанные минуты на покрывале не осталось ни одного красного пятнышка. Ян затих, успокоился, стал дышать ровнее. Со стороны казалось, что он просто спит.

Лэсли не отходил от брата.

– Слава Богу, он не страдает, – сказал он, чувствуя вину за его мучения.

И вдруг он заметил, что тело Яна под покрывалом начало меняться. Вытянулись руки и ноги, грудь поднялась, а плечи расправились.

– Это тоже нормально? – в очередной раз спросил он Кливерта.

– О! Это да. Это как раз нормально. Его тело растет! Чтобы справиться с высокими энергиями – тело должно быть зрелым.

Ночь прошла в волнениях. Лэсли практически не сомкнул глаз, он страдал вместе с братом.

– Неужели ничего нельзя сделать, никак помочь ему, – стонал он.

– Терпение, мой друг, – ответил ему Харт. – Сейчас нам осталось только ждать.

Сколько ждать? Лэсли казалось, что уже прошла вечность.

Язык его прилип к небу, дыхание сбивалось, у него начался жар. Харт хотел увести его, но тот упрямо остался, привалившись к алтарю и держа Яна за руку, он практически бредил наяву. Ему начало казаться, что кожа Яна светится изнутри, приобретая оттенок перламутра.

– Он светится... – прошептал Лэсли.

– Что это значит? – спросил Леон Харт у Кливерта.

– То, что мы имеем дело с чем-то доселе неизведанным, вот что... – ответил он.

– Смотрите, – закричал Лэсли, – он ведь парит над алтарем! Он не лежит на нем, а висит в воздухе!

– Левитация? Такое было прежде? – спросил Харт.

– Насколько мне известно – нет, – прошептал Кливерт.

– И сколько ему так висеть?

– Не знаю, – Кливерт тяжело вздохнул. – Теперь все самое болезненное позади. Трансформация тела завершена. Но самое сложное ему только предстоит... Физически он завершил стадию перехода, и сейчас высшие силы определяют его моральные качества и решают достоин ли он... А потом – прыжок веры... вход в новую жизнь... Сейчас мы уже ничем не поможем ему. Все это он должен пройти сам.

– Лэсли, ты сейчас нужен своей семье. Ступай, ты принеешь им утешительные вести. Мы останемся и будем здесь столько, сколько необходимо, – сказал Харт.

– Хорошо. А как люди наверху поймут, что уже все? – спросил Лэсли.

– Вы поймете... – прошептал Кливерт упавшим голосом. – Матильда ...

– Она узнает?

– О да, – сказал он.

Лэсли не хотел уходить от брата, но Леон Харт был прав. Его семья с беспокойством ждёт новостей, и он скажет им, что первая часть трансформации завершена. Что сейчас чувствует Ян? Слышит ли он его? Лэсли подошел к накрытому белым покрывалом телу и мысленно сказал: «Держись, братишка, ты достоин, в этом я не сомневаюсь, будь смелым, мы все с тобой!». Он положил ладонь на лоб Яна и почувствовал, что тот уже очень далеко.

А в этот самый миг Ян очнулся посреди бушующего океана, волны швыряли его сверху вниз и снизу вверх, вода заливал глаза, рот, нос, уши, он ничего не видел и не слышал из-за рева океана, было тяжело дышать, волна набегала за волной, переворачивая его и не давая ни малейшей передышки.

Вдруг вода в глубине начала светиться, и он увидел под собой неясные очертания фигуры человека.

«Два мира... Две жизни... одна судьба», – услышал он у себя в голове таинственный голос. Что это значит? Это какая-то загадка... Два мира – это же Москва и Московия! Одна судьба... что же это значит? Фигура начала удаляться, унося за собой мерцание света, а Ян так и не знал, что же ему делать?

Вдруг, недалеко от себя он увидел лодку – в лодке сидела его мать Анна и звала его. Ее крик сносило порывами ветра, и он не слышал его. Она махала ему рукой, манила, а свет в воде под ним слабел с каждой минутой, он уходил вглубь, все дальше и дальше, и вот, он уже едва различимая песчинка, вот-вот погаснет... и... что же делать? Ян набрал в легкие сколько смог воздуха и нырнул – он поплыл в глубину моря за манящей, призрачной надеждой.

Он плыл и плыл, и уже не знал, хватит ли ему сил и воздуха выплыть обратно. В какой-то момент ему показалось, что вода не пускает его дальше – она стала настолько плотной, что все, что он мог – это грести руками и ногами, оставаясь на одном месте... В этот момент он осознал, что обратно ему уже не вернуться. Грудь сдавило, последние пузырьки воздуха унесло прочь, он перестал что-либо понимать и стал судорожно пытаться удержать дыхание, не дышать, иначе он неминуемо захлебнется... иначе смерть... Но человеческие рефлексy непобедимы – он делает глубокий вдох, и вода наполняет его легкие... все вокруг переворачивается. Он закрывает глаза и отдается на волю волн.

Его тело медленно качает в глубине, он стал похож на застывшую фигуру, на гигантскую медузу, балансирующую на невидимом подводном канате. Сознание становится легким, как пушинка... Мозг, казалось, погасший навсегда, снова перезагружается... К своему удивлению Ян понимает, что, оказывается, он может дышать под водой. Вода уже не пугает

его: она ласкает его, напоминая, что когда-то именно она была колыбелью жизни на Земле. Все мы вышли из воды... Сопротивление воды вдруг исчезло, и он поплыл дальше в глубину океана, туда, где виднелись вдалеке отблески исчезающего света.

Плыл он долго, бесконечно долго. У него было чувство, что он проплыл всю землю насквозь и вынырнул с другой ее стороны. Он находился на поверхности, посреди прекрасного озера, вода в котором мерцала всеми оттенками синего – от лазоревого, до почти черного. Был великолепный закат и скалистые горы поблескивали розовым на снежных вершинах.

– Муруджунская Игла! – догадался Ян, узнав знакомый пейзаж. На берегу озера стоял прекрасный древний Храм, а у самой кромки воды его ждал светловолосый юноша, синие, лучистые глаза светились спокойствием и силой. Он показался Яну знакомым.

– Кто ты? – спросил Ян, выйдя из воды.

– Я – это ты, твое отражение в этом мире. Вот уже 400 лет я жду тебя здесь, Себастьян Енсен. В тот самый день, когда была создана Москва в ее параллельном измерении, появился новый путь пространства-времени, новая дорожка в лесу, ты же помнишь, как Джон учил тебя?

– Каждый выбор – это новая тропинка в лесу, – ответил он.

Было удивительно, что этот высокий, красивый парень лет

20 на вид знает о нём буквально всё. Как такое возможно? Он вдруг почувствовал, что смотрит на него, как в зеркало, и видит себя в будущем. Именно таким он стал бы, будь ему 20 лет.

– Все верно. Когда появилась новая реальность – появилось и все, что в ней будет происходить в будущем... Вот почему ты сегодня здесь, и я жду тебя.

– Так значит: «две жизни – одна судьба» – это все про нас?

– Ты угадал, лисенок. Этот мир предназначен тебе, а ты ему. Я часть этого мира, и я предназначен тебе, а ты мне. Пока тебе еще сложно это понять, но обещаю, в своё время ты всё поймешь.

– И что теперь?

– Я – это новый ты, поэтому все, что тебе нужно – это завершить свою инициацию. Наконец, Храм, Кристалл и Хранитель станут единым целым. Иди за мной.

Они вошли в храм, гулкое эхо зашептало под старинными сводами. Посреди храма стоял знакомый Яну алтарь, но аметистового кристалла на нем не было.

– Где же кристалл? – спросил Ян.

– Я и есть кристалл – ответил юноша. – В новом мире Храм, Кристалл и Хранитель – единое целое. Но пора и нам стать одним целым.

Юноша обошел алтарь, и они встали по разные его стороны лицом друг к другу. Он вытянул вперед руки, и Ян сделал тоже самое. Одновременно они прикоснулись друг к другу

кончиками пальцев.

– Ты готов? – с улыбкой спросил юноша. Ян кивнул.

В то же мгновение он почувствовал, как неведомая сила устремилась в него. Стоявший перед ним юноша превращался в поток энергии, которая вливалась в него через кончики его пальцев. Ян смотрел на себя и не узнавал: его тело сильно менялось, приобретая черты 20-летнего юноши, того самого, которого он встретил на берегу.

День сменил ночь, а ночь – день также быстро, как скачет секундная стрелка. Пять раз он видел закат и пять раз встретил рассвет, – и все это произошло за несколько мгновений. Пять раз взошло и село солнце, а он – Ян Енсен, вобрав в себя всю силу и мощь Кристалла Судьбы, сам стал его вместилищем. Он прошел испытание, и ему дана была власть, куда большая, чем любому доньше живущему Хранителю. Он не просто был Хранителем, он сам стал Кристаллом Судьбы по сути своей.

Он открыл глаза, и лукаво прищурившись, посмотрел вокруг. Первым, кого он увидел, конечно же, был Лэсли.

– Ну что, сколько я отсутствовал? – спросил Ян, поднимаясь с алтаря. Белый балахон, одетый на него Кливертом до инициации, был по счастливой случайности как раз в пору.

– Пять дней... – сказал Лэсли, – Янчик, милый мой братишка... или как мне теперь тебя называть-то?

– Зови меня просто – Хозяин, – и Ян, засмеявшись, обнял

Лэсли за плечи. – Да шучу я!

Чуть поодаль на него смотрели Кливерт и хранитель рода сенмиров Леон Харт. Ян подошел к ним.

– Подожди немного, Лэсли... Здесь есть одно незаконченное дело...

Ян подхватил в миг ослабевшего Кливерта, поднял его как пушинку и уложил на алтарь.

– О! Нет, мне нельзя... я недостойн, – пытался возражать Кливерт, и слезы текли по его щекам, он ловил руки Яна, стараясь поймать его взгляд. – Я многое делал в жизни не так, но мне очень, очень жаль.

– Я знаю, – сказал Ян, – Но Высшие силы прощают тебя. Ты отправишься в лучший мир. И ту, что ждала тебя 400 лет тебе тоже разрешили взять с собой. Она уже ждет тебя. Прощай...

Ян взял старика за руку. Морщины на лице Кливерта разгладились, лицо стало молодым и безмятежным, весь он как-то вдруг обмяк и закрыл глаза.

Кливерт Сорроу. Последний вздох его не был печальным. Он улыбался, и светлая слеза скатилась по его щеке. Ян видел, как над телом Кливерта парила рыжеволосая красавица, она взяла его за руку, и они вместе полетели и, оглянувшись на краткий миг, исчезли.

– Матильда умерла... – сказал Адель, накрывая одеялом

сгорбленное тело старушки. – Свершилось. Анна, Джон, Ян вернулся...

Глава 12. Домой...

Два молодых смеющихся красавца и Леон Харт вышли из подземного лабиринта к лесной хижине, и тут же в горах прогремело землетрясение. Стены лачуги задрожали и обвалились, Анна, Джон и Адель едва успели выбежать оттуда. Избушка рухнула, погребя под собой тело рыжеволосой Матильды.

– Старый храм разрушен, – сказал незнакомый им молодой человек, который вышел из леса вместе с Лэсли. – Он больше не нужен ни в этом, ни в каком-либо другом мире. Теперь Храм, Кристалл и Хранитель суть одно. Я и есть и Кристалл Судьбы, и Хранитель, и Храм. Так теперь будет всегда, – сказал он в ответ на удивленные взгляды.

– А! Так вы его еще ж не видели и даже не догадываетесь, кто сейчас стоит перед вами, – воскликнул Лэсли, – Мама, Папа, Адель – это же Ян!

– Мама, отомри! Это я! – смущенно сказал Ян ошарашенной Анне. – Пап...

– Он светится! – произнесла Адель.

– Светит, но не греет, – пошутил Лэсли.

– Греет, греет, не сомневайся. Ну-ка, подойди-ка сюда на минуточку, – сказал Ян брату. Он провел рукой по его остриженной голове, и его волосы снова отрасли до прежней дли-

ны. – Может еще кудряшек тебе добавить?

– Только попробуй! – сказал Лэсли, испуганно хватаясь за голову. Все засмеялись.

– А где Кливерт? – спросил Джон.

– Он и Матильда в лучшем мире, отец, – ответил Ян, – Их миссия на Земле окончена, новых воплощений не запланировано, насколько я знаю. Их души нашли покой.

– Так что же? Все кончено? – спросила Анна.

– О нет, мама, все только начинается! – ответил Ян. – И я надеюсь, Хранитель рода, что вы передумаете закрывать проект «Земля», потому что все теперь у людей пойдет по-другому. За это я вам ручаюсь!

– Тогда что же мне делать? – спросил Леон Харт.

– Летите в Гималаи, там вы отыщете потерянную ветвь сенмиров, это многое вам объяснит. Сенмиры-кошки по-прежнему живут среди нас, скрытые в горах Тибета, так что никто и не догадывается об их существовании, – сказал Ян.

Леон Харт поклонился новому Хранителю и орлом взмыл в небо.

– Мама, папа, Лэсли, Адель, – сказал Ян, – Я открою вам портал домой, уже через минуту вы сможете, наконец, принять душ и выспаться на нормальных кроватях, а у меня есть еще неоконченные дела...

– Мне бы не хотелось расставаться сейчас, – сказала Анна.

– Так надо, мама, но это не на долго, обещаю, что вернусь, – Ян обнял мать и поцеловал в лоб. Он был выше ее, и

это было очень непривычно для всех.

– А ты что, можешь открывать проход куда хочешь? – спросил Лэсли.

– Я много чего могу, – сказал Ян, улыбнувшись, – Я много чего видел, много чего знаю, у меня ощущение, как будто я живу уже тысячу лет. Откуда я это знаю, я не знаю. Странно это, но это так.

С этими словами он протянул перед собой руку и стал вращать кистью, и из его пальцев стали разбегаться спиралевидные волны, как штопор врезающиеся в пространство. Постепенно пространство раздвинулось, образуя портал, через которое стало видно их квартиру на Эпл-Блум. Как только дыра в пространстве стала достаточно большой, Джон и Анна, Адель и Лэсли прошли сквозь нее и оказались дома. В ту же секунду пространство схлопнулось и закрылось за ними.

Ян подошел к развалинам избушки, поднял руку, и в один миг все обломки ее оказались парящими в невесомости. Ян извлек из-под них тело Матильды. Огромная трещина вдруг открылась в земной тверди, и ее тело направилось внутрь скалы.

– Теперь и могилы ваши будут вместе. Свершилось предначертанное – две жизни, одна судьба, – сказал Ян и, не оборачиваясь, произнес, – А теперь ты можешь выйти, Смолл. Твои крысы хорошо послужили тебе, ты пришёл как раз вовремя. Я один и я жду тебя.

Из-за деревьев показалась фигура одноглазого старика, в след за ним вышел и бородач Ларсон, держа за руку перемазанную, оборванную девочку – Софию Саливан.

– А ты изменился, лисёнок, – сказал Смолл. – Я не поверил бы своим глазам, если бы не услышал твои слова, так ты изменился – маленький мальчик, бросивший вызов силам, многократно превосходящим его. Ты смелый и отважный противник, я могу уважать это.

– Ты не торопишься, Смолл, я жду. Зачем ты здесь? – сказал Ян.

– А мне и нечего торопиться... Пока еще... Скоро взрыв сверхновой, лисенок, уже совсем скоро – ты не мог не почувствовать это, вот тогда я буду торопиться...

– На что ты надеешься? О чем думаешь? – перебил его Ян, – Загляни в себя поглубже. Ты и сам знаешь, что твой план – чистой воды безумие!

Смолл вынул длинную старинную трубку и закурил.

– Отнюдь, с твоей помощью я получу Кристалл Судьбы, мы пройдем в новое измерение Московии, и ты оставишь меня и Кристалл там, я буду, скажем так, исполняющий обязанности хранителя. Больше мне ничего и не нужно... Лишь быть Богом в моей маленькой вселенной. Я даже не собираюсь ничего делать с этим миром людей, хоть и ненавижу их всеми фибрами души.

– И ты думаешь, я поверю твоему слову, – засмеялся Ян. – Мне не видно твое будущее, пока не видно: слишком многое

еще не определено, выбор еще не сделан, но я знаю твое прошлое и вижу твою суть – тебе нельзя доверять, да и ты сам не доверил бы себе даже бабушку через дорогу перевести.

– Что ты знаешь о моем будущем, лисенок? – нахмурился Смолл.

– Я вижу множество возможных вариантов развития событий, и в некоторых из них ты даже остаешься жив... если поступишь правильно...

– Ха! Ты слишком много говоришь... Я ожидал увидеть мальчишку, но так даже интереснее... Итак, перейдем к делу... Где кристалл?

– Тебе не получить его, Смолл, ни при каких вариантах – такого развития событий просто не существует. Выбери другой путь.

– Тогда я убью девчонку, – Смолл трубкой показал на покорно стоящую поодаль Софию, – а Сверхновая даст мне достаточно сил, чтобы сотворить хаос в этом мире, и пусть я сам погибну, но унесу за собой жизни жителей Земли, столько, сколько смогу...

– Сверхновую назовут GAIA, и она еще всех удивит, эта необычная во всех смыслах звезда. Это одна из самых первых звезд от сотворения вселенной. Ее масса – 200 солнечных, взрыва таких громадных звезд человечество еще не видело. Но ты не сможешь воспользоваться ее энергией.

– Первые звезды... Но они же парно-нестабильные... из-за паров античастиц...

– О чем я и говорю тебе. После ее взрыва останется лишь облако газа. Ни нейтронной звезды, ни черной дыры...

– Ну и что! Какое мне дело... Выброс энергии будет такой силы, что даже ты не сможешь отразить его. Стоит мне его только направить на Землю, погибнут все! Полюса слетят, атмосферу сдернет, как кисею с барышни...

– Ты забыл про торсионные поля, Смолл. Я смогу защитить Землю. Но довольно. Видимо разговора у нас не получится, это не та тропинка в лесу. Давай попробуем другую. Итак, у нас есть проблема, – и Ян указал на Софию, – Отпусти девочку.

– А-а-а! Как бы не так! Если сию секунду ты не отдашь мне кристалл, Ларсон свернет ей шею!

– Кристалл перед тобой, Смолл. Кристалл – это я. Я и есть Кристалл, его живое воплощение, разве ты еще не понял? Отпусти девочку.

– Не может быть, ты обманул меня, я не верю тебе.

– Хранитель не может лгать, ни при каких обстоятельствах. Даже ложь во благо недопустима. Я не могу лгать, как и не могу причинять вред другому существу...

– В этом и есть твоя слабость! Ты – сверхчеловек, но ты дитя, дрожащее над жизнью букашки! Сила лишь с теми, кто не боится поставить все на карту: цель оправдывает средства! – сказал Смолл, выхватывая из-за пазухи старинный револьвер и направляя его на Яна.

– Так может рассуждать только примитив, и цели его при-

митивны, – ответил Ян со вздохом.

– Не заговаривай мне зубы. Последний раз спрашиваю: где кристалл? Или ты говоришь, или попрощайся с жизнью! А пока ты думаешь... Ларсон, если этот молокосос прав, девчонка нам уже ничем не поможет, убей ее!

Но Ларсон остался неподвижен. Он смотрел на Софию и понимал, что ни при каких обстоятельствах не сможет причинить ей вред. Сейчас он скорее отгрыз бы себе лапу, чем сделал что-то той, которую полюбил всем своим израненным сердцем. Она стала частью его, сделала его другим, сделала его человеком, а не чудовищем.

– Ты что, не слышишь? – взвизгнул Смолл.

– Я не могу... – с мягкой, растерянной улыбкой ответил Ларсон, понимая, что так по-доброму он улыбается, пожалуй, первый раз в своей жизни...

– Что значит, не могу? – гневно удивился Смолл, – Что с тобой сделала эта девчонка? Что бы она тебе не наговорила, это была не она! Подумай сам! Ты сам натравил на нее серую сущность... ты знаешь, какой эффект от этого получается! Это не она – это то, чем ты хочешь, чтобы она была для тебя! Если бы ты мог расколдовать ее, она бы первая убила тебя!

– Это уже не имеет никакого значения, – спокойно ответил Ларсон. – Я не пойду с тобой дальше, Смолл...

– Предатель, – Смолл взвел курок и навел пистолет на Софию, раздался выстрел.

Все заволочло пороховым дымом. Когда дым рассеялся,

София сидела на земле и держала на своих коленях голову Ларсона. Бородач не двигался. Пуля попала ему прямо в сердце. Его смерть была мгновенной. София гладила непослушные волосы глядящего в небо великана, она улыбалась, не понимая, что произошло непоправимое. В ее мыслях здоровяк просто отдыхал. Она даже не поняла, что он закрыл ее своим телом, приняв на себя страшный удар...

Сгусток света вышел из кровоточащей раны Ларсона и прошел сквозь пальцы девочки. Это продолжалось несколько мгновений. Казалось, этот огонёк ждёт чего-то.

– Ты свободен, – тихо сказал ему Ян, и свет, вспыхнув, исчез.

Ян посмотрел на Смолла. Жалкий, потерянный он стоял над телом Ларсона, понимая, что остался один. Совсем один. На всём белом свете. Мир отвернулся от него. Он отторгал его, отказываясь принимать груз его злодеяний. Всё для него было кончено. Если бы в эту минуту нашёлся палач, занесший меч над его головой, он даже не пошевелился бы. И даже не возражал. Просто перестать быть, что может быть страшнее, но в эту минуту он хотел именно этого. Просто перестать быть. Исчезнуть, раствориться в небытии.

– В старинных револьверах только одна пуля, Смолл и ты потратил ее зря, – сказал Ян, – Никто уже не спасёт тебя.

В эту минуту пространство открылось, и стало видно, что у всей этой сцены было еще два свидетеля: Тим и Алиса Ше-

стая.

– Вот и все, Тим, теперь София тоже может быть свободна, – сказала она. – Ларсон пожертвовал собой ради ее спасения, и тем самым спас себя для будущей жизни. Теперь ты можешь подойти к ней. Прости, я не могла открыть портал раньше.

Тим бросился к Софии, которая продолжала сидеть на земле, не узнавая его. Алиса подошла к Яну.

– Наконец, я вижу тебя воочию, Себастьян Енсен.

– Просто Ян. А ты, – на минуту он задумался, – Женщина-кошка, ну надо же, потерянный род, – улыбнулся он. – Ого! Тысяча лет... а так и не скажешь...

– А тебе-то думаешь меньше? – мягко сказала она. – Я Алиса, – и она протянула руку, которую Ян сначала пожал, а потом, подумав, поцеловал, глядя прямо в глаза девушке.

– Тим, это бесполезно, она не узнает тебя, – сказал Ян, не оборачиваясь и продолжая смотреть в глаза Алисе.

Тим посмотрел на него, как будто только сейчас заметил.

– А ты еще кто такой? – грубо сказал он, по его щеке катилась скупая слеза.

– Ну-ка догадайся с трех раз, давай, – Ян подошёл к нему и улыбнулся.

Тим посмотрел на него пристальным взглядом, и какая-то нелепая догадка вспыхнула у него в голове.

– Ян? – он вытер рукавом лицо, – Ничего себе! Да, ты действительно крут! И кожа, ну прям как у Алисы и кошек!

Значит ты теперь тоже бессмертный?

– Бессмертный? Не знаю. И проверять как-то не хочется, знаешь ли...

Смолл наблюдал всю эту сцену. Он был словно парализованный. Ни мыслей, ни чувств, даже инстинкт самосохранения исчез куда-то, оставив его наедине с его врагами. Он мог уйти, убежать, скрыться из виду, но продолжал стоять, как громом пораженный, не смея даже пошевелиться.

– Нам надо решить, что делать с телом, – сказала Алиса, глядя на мёртвого Ларсона.

– С которым из них? – усмехнулся Ян, показывая на Смолла, который действительно теперь напоминал живой труп.

– Что тут гадать, – сказал Тим, – отправить его обратно, откуда пришел! И этого заодно, – он указал на Софию.

– Я помогу извлечь Серую сущность, не навредив девочке, – сказала Алиса.

– Хорошо, но в мир теней мы их, пожалуй, больше отправлять не будем. Я отправлю их на самую далёкую необитаемую планету, чтобы больше они никогда не могли выбраться оттуда, – сказал Ян.

Алиса подошла к Софии и положила руки ей на грудь.

– Будь готов, Ян, – сказала она.

– Всегда готов, – прозвучал ответ.

Она направила поток целительной энергии в тело девочки. Наполнив его до краев, золотая энергия стала вытеснять из тела серую сущность. Еще мгновение и серая тень вышла

между лопаток Софии и тихо покачивалась, дрожала на ветру открытого пространства. В тот же миг под ногами Смолла разверзлась черная дыра и, утянув его и Серого кардинала, схлопнулась, закрыв пространство-время.

Тим сидел рядом с Софией и держал ее за руки. Постепенно девочка приходила в себя. Она не удивилась, обнаружив себя посреди леса, высоко в горах... Она помнила все, что происходило с ней, но ей все это казалось лишь сном, игрой воображения.

– Тим! – наконец произнесла она, – А ты какими судьбами здесь?

– Очнулась! Я уж думал, придется диванчик сюда поставить, палатку там... разбить... спящая ты моя царица, – и он со всей силы сжал ее в своих объятиях.

– Тим, а это что, Ларсон? – спросила она.

– Да, это он, – ответил Тим.

– Жалко его, бедный...

– Он теперь далеко, – сказал Ян, – Но для нового воплощения ему понадобятся кванты его тела.

Ян поднял руку над телом Ларсона, и оно стало медленно испаряться, растворяясь в воздухе и поднимаясь ввысь.

– Свою новую жизнь он посвятит детям, – сказал Ян. – Он станет учителем в далёкой галактике. Его будут любить за справедливость, внутреннюю силу и доброту. В страшные годы блокады планеты он спасёт тысячи жизней. Его подвиг возвысит его, его назовут праведником мира. Да будет так.

Ян обернулся.

– А для вас, Тим, София, я открою портал. Вам давно пора быть дома.

Он поднял руку, и через минуту, Тим и София, взявшись за руки, исчезли в разломе пространства.

– А что это был за парень? – спросила София, подходя к самому жёлтому дому на всей Яблневой улице.

– Да так, друг один... Пойдем домой... Тебя надо как-то отмыть, ей богу... ты пахнешь как скунс, – с грустью улыбнулся Тим.

Ему казалось, что, если он хоть на секунду отпустит руку этой девочки, она опять исчезнет. Но вот она переступила порог своей квартиры, и он поплёлся к себе домой. И всё-таки, всё закончилось хорошо! Нет больше проклятых призраков. Ян вернулся. Они победили!

Глава 13. Петля времени.

– Ну что, все дела сделаны, вопросы закрыты? – спросила Алиса.

– Все, – ответил Ян.

– Тогда полетели? – раскинув руки она поднялась в воздух, ожидая его.

Оттолкнувшись от земли, Ян взмыл вверх, навстречу небу, солнцу, навстречу жизни. Алиса летела за ним, улыбаясь, и несмотря на то, что Ян с каждой минутой летел всё быстрее, казалось, ей ничего не стоило следовать за ним.

Ему захотелось развить максимально возможную скорость. Он посмотрел за перевал, туда, где простиралась Мурджунская долина, и мысленно приблизил ее к себе. Он почувствовал свист ветра в ушах, ледяной поток обжигал слезящиеся глаза – раз, и он уже там. Ух! У него замерло сердце.

Он посмотрел на горные вершины и... в следующий миг он уже летит над ними. Перелет от горы к горе был практически мгновенный, он огромными рывками летел над горной грядой. Далеко позади остался Домбай, впереди маячил двугорбый пик Эльбруса.

«А что, если лететь еще быстрее, только вверх и только вперед», – думал он. Алиса летела совсем рядом, улыбаясь его мыслям.

– Ты что же, читаешь мои мысли? – подумал он. Она кивнула.

– А что я, собственно, удивляюсь, я и сам читаю мысли... ничего в этом нет сложного, – сказал он самому себе.

– Когда полетишь быстрее, создавай перед собой силовое поле, так легче преодолевать сопротивление воздуха, – мысленно посоветовала ему Алиса.

– И как я сам не догадался... Век живи, век учись, дураком помрешь, так ведь?

– Чем больше я знаю, тем больше знаю, что ничего не знаю, – рассмеялась в ответ она.

С невероятной скоростью они полетели все выше и выше, пока не оказались в бесконечной черной, мерцающей бездне

космоса. Всё вокруг закружилось, как вихрь, и вдруг остановилось, замерло. Звёзды сияли в бесконечной дали. Под ногами лежала Земля – удивительно прекрасная и величественная. Внизу под ними плыли облака, тонкими прожилками светились реки. Покой. Вот что чувствует человек перед лицом бесконечности.

Космос. К своему удивлению, Ян не чувствовал холода, дыхание его остановилось, но тело не испытывало никакого дискомфорта.

– Как тебе? Впечатляет? – мысленно спросила Алиса.

– Это восхитительно! – ответил он. – Мы что же можем летать в космосе? Вот так вот просто? – спросил удивленный Ян.

– Нет, не так просто, – сказала Алиса, – Пара витков вокруг Земли – вот наш предел в этом теле. Но я научу тебя, как путешествовать между мирами без этого балласта. Полетели к нам, у нас ты сможешь оставить свое физическое тело, я лично присмотрю за ним, пока ты исследуешь глубины космоса.

– Ты хочешь сказать, что душа может выйти из тела и опять вернуться? – Ян был поражен.

– Элементарно, Енсен, но только если параметры твоего физического тела позволяют, а у тебя и у меня позволяют, к счастью! Но очень важно, чтобы рядом был хороший, знающий целитель, иначе это может плохо закончиться.

– Ты умрешь?

– Это будет зависеть от того, как долго ты будешь отсутствовать. Ты можешь стать, как Питер Пэн, потерявший свою тень. Пришивать тень обратно – весьма неприятная процедура, как, собственно, восстанавливать связи души и тела.

Ян поселился высоко в горах Тибета, там, где жили сенмиры-кошки, и куда не ступала еще нога человека. Белые, искрящиеся холодным светом вершины надёжно скрывали их убежище, никому бы и в голову не пришло, что среди этих снегов могут обитать живые существа.

Время шло, но впереди была целая жизнь, чтобы исследовать горизонты других миров, бесконечная жизнь – на новые открытия и удивительные приключения. Алиса была надёжным проводником по неведомым ему мирам.

Он научился летать меж звезд, используя свою нематериальную оболочку, тело его при этом оставалось на попечение Алисы – только ей он доверял поддерживать в нем жизнь, пока сам он отправлялся в дальние странствия.

Постепенно он освоил Солнечную систему, Млечный путь, научился путешествовать со сверхсветовой скоростью при минимальных затратах энергии. Но самое интересное было потом, когда он познакомился с чёрной дырой.

Сначала, спускаясь к черной дыре, он понятия не имел, чем для него это дело может закончиться... Было жутко интересно, страха он не испытывал никакого. Он не думал о

том, что его душа не сможет вынырнуть обратно, хотя если бы он чуть больше знал о черных дырах, то, наверное, побоялся бы даже подходить к ним.

Черная дыра, она как воронка, на дне которой – сингулярность, малюсенькая точка с такой сильной гравитацией, что она как пылесос засасывает в себя все вокруг, даже фотон солнечного света, самый быстрый элемент во вселенной, не может выбраться обратно.

Когда Ян первый раз нырнул в черную дыру он был поражен. На горизонте событий время останавливалось, но для Яна все происходило мгновенно, ведь сингулярность обладала такой сильной гравитацией, что сжимала даже время... и сжимало до состояния осязаемого квантового пространства – кристаллов времени. Кто бы мог подумать, что время можно будет потрогать!

И тогда у него в голове родилась идея! А что, если у него получится найти тот самый момент, когда проклятые призраки обрушили на Московию воды всемирного потопа? Тогда можно было бы исправить все то, что они натворили! Нужна была только энергия. Много, много энергии!

А в это время в одной далекой-далекой галактике, примерно в миллиарде световых лет от Земли произошла вспышка... Астрономы обнаружили взрыв сверхновой, в котором странно было буквально все.

Что-то пошло не так с нашими данными, думали учёные,

но многочисленные наблюдения в разные телескопы убедили их, что ошибки никакой нет. Сверхновая – действительно очень странная. Gaia-16. Её взрыв массой в 200 Солнц стал самой большой массой взорвавшейся звезды. Станным было и её местонахождение – на окраине галактики. Как такая массивная звезда вообще образовалась в полной изоляции, оставалось загадкой. После бесконечных споров и дискуссий ученые всего мира пришли к выводу, что это была звезда ранней Вселенной.

Уникальная звезда, дающая чистую энергию созидания. Такую вспышку нельзя было упустить. Ян давно размышлял о том, как использовать ее. Он твёрдо решил спасти Московию, но ещё не знал как. Он оставил своё тело на попечение Алисы и устремился в чёрную дыру. Там он стал искать нужный ему кристалл времени. Сколько дней или месяцев на это ушло, он не понимал, внутри чёрной дыры времени не существовало. Но вот, он увидел его.

Энергия сверхновой позволила ему нырнуть на 400 лет назад в прошлое. Он успел вовремя, как раз к моменту, когда проклятые призраки уже были готовы обрушить воды всемирного потопа на древнюю Московию.

И тут он понял всё. Он вдруг осознал, что это было предназначено ему задолго до его рождения. Именно ему Высшие силы определили создать новый мир, новую Москву, чтобы спасти ее от алчности проклятых сенмиров. Он бы частью плана, недостающим звеном цепи, а значит именно сейчас

всё пойдет, как должно.

Новая Москва была создана в тот самый момент, когда воды потопа уже готовы были хлынуть с небес. В тот же момент Храм судьбы на Муруджунской Игле исчез, оставив лишь свою проекцию в подземных лабиринтах. Исчез с тем, чтобы появиться в новом воплощении Московии – в Москве.

Ян был творцом. Он создал новый мир, а значит, был ответственен за него, за всё, что будет с ним происходить. И тут вставал серьёзный вопрос. Чтобы не нарушить ход событий, ему предстояло оставаться в Москве и на протяжении 400 лет ждать самого себя для передачи своей силы маленькому лисёнку во время инициации – раствориться в нём, исчезнуть из этого мира. Если он этого не сделает, лисёнок Ян никогда не сможет вернуться, и Земля будет обречена. Остаться в Москве – это было необходимо, чтобы не разорвалась связь времён, чтобы в будущем Ян снова мог вернуться в прошлое и спасти Московию. И так до бесконечности. Это была временная петля, из которой не было выхода.

Ян был похож на робинзона, попавшего на необитаемый остров, с той лишь разницей, что его остров был обитаем. Он жил бы тысячи лет, замкнутый в петле времени, не имея ни права, ни возможности вырваться из неё.

Оставалась одна надежда – Кристалл судьбы, попавший в Москву вместе с Древним Храмом по воле Высших сил. Он вошел под своды старинного Храма, стоящего на берегу огромного озера и подошёл к кристаллу. Изумительной кра-

соты аметист, казалось, светился изнутри.

– Я должен уйти. Но я не могу. Если я уйду, кто же тогда передаст мои силы и знания маленькому лисёнку через 400 лет? Ведь он должен сюда вернуться, чтобы спасти Москву раз за разом конца времён, – сказал он, – Но я должен уйти. Только ты можешь помочь мне.

Ян смотрел на Кристалл, который вдруг стал расти, принимая облик человека. Квант за квантом тело становилось всё плотнее, пока наконец не стало осязаемым. Ян смотрел на самого себя воплотившегося из кристалла Судьбы. Этот Ян Енсен проживёт тысячи лет, верный своей миссии, держать временную петлю замкнутой, чтобы не остановился ход человеческой истории. А значит Ян был свободен.

– Благодарю тебя, – сказал Ян. Его двойник улыбался. Он поднял к нему руку, и в ту же секунду Яна закружил невидимый вихрь.

Глава 14. Два мира – одна судьба.

– Что это, Алиса? Это что, пижама в цветочек? – это было первое, что он увидел, когда очнулся. Он был дома у Алисы, и на нем была ее пижама.

– Слава Высшим силам, ты очнулся! Тебя не было почти сто дней, Ян, твоё тело начинало слабеть, еще немного и было бы слишком поздно! Я забрала тебя домой. За телом ведь надо ухаживать! И, уж извини, другой пижамы не было!

– Как сто дней? – Ян попробовал встать, но тело не слу-

шалось его.

– Лежи уже, ты еще слишком слаб. Лучше расскажи, где ты был?

– Ты не поверишь! Оказывается, это я создал Москву в параллельном мире 400 лет назад. Но я попал во временную петлю! Мне нужно было оставаться в Москве, чтобы передать свои силы самому себе в день инициации, понимаешь? Это значит, что в этот момент я просто исчез бы. Это просто чудо, что в том измерении оказался второй Кристалл Судьбы. Он то и согласился исполнять эту роль. Уму не постижимо.

– Успокойся Ян, – сказала Алиса. – Уж кто, кто, а ты должен бы знать, что чудес не бывает. Всё было рассчитано и предусмотрено Высшими Силами. Нам иногда сложно это осознать, но всё в этой жизни происходит именно так, как должно происходить. Даже если кажется, что всё идет совсем не так.

Ян тяжело вздохнул. Алиса посмотрела на него и сказала.

– Теперь я понимаю, почему ты вернулся именно сейчас, в этот момент.

– Что ты хочешь сказать?

– Сверхновая звезда, которая отправила тебя в прошлое, она даст еще одну вспышку.

– Не может этого быть! Взорвётся дважды? Такое разве бывает? – удивился Ян.

– Увидим, хотя никогда прежде такого не было. Ты лучше

подумай, для чего это нужно? Что-то ты ещё не сделал...

– Кажется, я знаю. Ты сможешь еще немного сохранить моё тело?

– Да, но поторопись, помнишь я говорила про Питера Пэна?

– Сколько меня не было? – Ян очнулся в какой-то непонятной комнате, здесь он еще никогда не бывал. – Где я? Алиса, это ты? Почему я ничего не узнаю?

– Тише, тише, успокойся. Я здесь, – ласково сказала Алиса, – Ты здесь, со мной. В Москве.

– Как в Москве? Вы теперь не в Тибете?

– В каком Тибете? Кошки уже 400 лет как живут в Москве.

– В Москве? Я ничего не понимаю. – Ян сел на кровати.

– Ян, многое изменилось с тех пор, как мы виделись в последний раз. Ты выполнил всё, что было тебе предназначено, и это изменило ход истории. Две тропинки в лесу – они сначала разошлись, а теперь снова объединились. Два мира слились в один, и мы сейчас живём в Москве, а о том, что где-то в параллельном мире существовал Сноутон помнят только сенмиры. Московия и Москва – теперь единое целое. Всё происходит правильно, именно так, как и должно было происходить, не будь проклятых призраков на свете. Два мира – одна судьба.

Алиса положила ему руку на лоб, и он успокоился. Кар-

тинки в его голове замедлились, он стал понимать, что мир изменился. Он сам изменил его. Московия стала Москвой 400 лет назад, и правильная история человечества пошла именно по той, созданной им дороге. А сейчас обе тропинки в лесу вновь соединились в одну, теперь Сноутон и Москва стали единым целым. Лишняя ветвь истории перестала существовать.

– Теперь я понял, что говорил мне Кливерт, Алиса. Два мира – одна судьба. Вот в чём было мое предназначение.

– Да, и ты сделал это. Все идет своим чередом, правильно. Ты даже не представляешь, какой стала Москва.

– Очень не терпится взглянуть. Ой! – вдруг опомнился Ян, – А как же мама, папа, Лэсли, Адель?

– Сенмиры помнят всё, Ян. Я же тебя не забыла. Мир изменился, но мы все остались с нашими воспоминаниями. Наше сознание к этому было готово. Мы просто переместились из одного мира в другой. Из Сноутона – в Москву.

– А как же София? – испугался Ян.

– Она всё та же София Саливан, только изучает не английский язык, а китайский, – сказала Алиса.

– И занимается не балетом, а кун-фу, – в тон ей сказал Ян.

– Да. Для людей Сноутона воспоминания, как шлейф, остались в их сознании. Но они очень быстро уходят, как сон, который мы забываем на утро. София увидела Тима и вспомнила его, хотя до сих пор считает, что он ей приснился во сне.

– А желтый дом на Яблонево́й улице хоть стоит?

– Он немного другой, но по-прежнему жёлтый. И яблони цветут, и сосны растут во дворе, и мальчишки в аэрбол играют. Почти все, как прежде, но с небольшими нюансами. Квартирка ваша там осталась, там живут твои родители, на вашем любимом 28 этаже. Вот станет тебе получше, и сам всё увидишь, – улыбнулась Алиса. – Они давно ждут тебя и будут рады тебя видеть!

Ян откинулся на подушки. Многое ему предстоит осознать. Он посмотрел на Алису и сказал:

– Спасибо тебе.

– За что? – спросила она.

– За то, что хоть на этот раз пижама не в цветочек, – сказал он.

– Всегда, пожалуйста, – засмеялась Алиса.

– Пять минут...

– Давай поторопись, ты же не хочешь опоздать на собственную свадьбу, – Тим в черном фрачном костюме и бабочке заглядывал в комнату.

– Все, все, все... уже иду, только фату приколоть осталось!

– Я не буду растягивать время ради твоей этой фаты...

Тим вошёл в смежную комнату, где его ждала красавица София. На ней было прямого кроя платье цвета ларимара. На улице бушевало лето, ароматами скошенной травы вливаясьсь

в открытые настежь окна общего дома сенмиров.

Это был уже совершенно иной дом, созданный лучшими архитекторами Москвы будущего – белоснежный сферический фасад с серебристой линией окон, окруженный водными дорожками среди аккуратно подстриженной травы и высоких сосен.

– Ну что? – спросила девочка.

– Что-что... Учти, я тебя так долго ждать не буду. Опоздаешь на нашу свадьбу – пеняй на себя!

– О! У нас будет свадьба, а когда, если не секрет?

– Школу закончишь и все! Никуда от меня не денешься!

– Да я и так никуда не денусь, – смеялась София. – Может, хотя бы институт закончить все-таки можно?

– Вместе закончим. А ты в какой собираешься?

– Не знаю, не решила еще, а ты?

– Я? В тот же, что и ты, разумеется, так что определяйся побыстрее, времени не так много осталось. У меня по крайней мере... Надо уже что-то решать...

– Хм... тогда на космотех и не надейся, я в этом ничего не понимаю. Может на нейроинженерию пойти? Или биомедицину.

– А что... прикольно! Мне нравится. Будешь, как Алиса, на аппарате газоразрядной визуализации биополе изучать и информационно-волновые таблетки выписывать.

– А ты?

– Ну и я буду. Только тогда уж я в генную инженерию

пойду, так поинтереснее. Буду возрождать исчезнувшие виды животных. Все, замечано!

– Только не динозавров, я их боюсь!

Наконец, из широко распахнутых дверей показалась Адель. Она была невероятно хороша в белом свадебном платье из невесомого кружева. Волосы ее были убраны в аккуратную прическу. Легкая газовая фата завершала прекрасный, без малейших изъянов образ невесты.

– Ох, Адель, ты просто фея! – восхищенно прошептала София.

– Фея-ричная! Мы хотели сказать – фея-ричная! – пошутил Тим.

Они спустились вниз и вышли во двор, где уже все было готово для скромной свадебной церемонии. Лэсли, немногочисленные родственники и друзья с нетерпением ожидали появления невесты. Заиграл невидимый оркестр, и взоры всех присутствующих устремились к началу прохода, по которому шла Адель. Всем казалось, что в жизни своей они еще никогда не видели такую красивую пару.

Вел церемонию не кто иной как Хранитель рода сенмиров – Леон Харт. Жених и невеста, не отрываясь, смотрели друг на друга, и «да» с их губ слетало даже раньше, чем Леон успевал задать свой вопрос.

– Сегодня мы соединяем в одно целое два совершенно разных мира, две жизни, но пусть у них будет одна судьба!

Объявляю вас мужем и женой, – сказал он, – Лэсли, ты можешь поцеловать невесту!

И он не заставил себя ждать. Бурные аплодисменты и крики «ура» раздавались со всех сторон.

После церемонии всех ждали накрытые на зеленой лужайке, украшенные гирляндами живых цветов праздничные столы. Домовой Дивон все волшебным образом организовал и устроил. Бегущие в траве водяные дорожки создавали естественную прохладу, что было весьма кстати в этот жаркий день. Все поздравляли жениха и невесту.

День уже клонился к вечеру, и вот, очередь вручать подарок, наконец, подошла к Яну. Он был последним. Ян вышел вперед и сделал весьма таинственное лицо.

– Внимание! То, что я хочу сказать, будет касаться всех присутствующих. Я долго готовил подарок, но не только для Адель и Лэсли. Это подарок для всех нас! Но для того, чтобы увидеть его нам придется встать со своих мест и немного пройти в глубь леса. Следуйте за мной, пожалуйста.

Ничего не понимая, удивленные гости двинулись вслед за Яном. Они обошли дом сенмиров и углубились в сосновый бор. Там их взору открылась полукруглая площадка, обнесенная двенадцатью колоннами...

– Телепорт! – воскликнул Тим, – это потрясающе!

Ян вошел в телепорт и вокруг него в воздухе загорелось меню, с изображением различных географических наименований.

– Куда бы вы хотели отправиться? Выберите любую точку земного шара, – я провел телепорты на все континенты, во все уголки нашей планеты! Все механизмы исправны, все проверено и работает как часы.

Он пальцем пролистал меню, сдвигая вниз бегущие строчки, и дважды щелкнул по одной из надписей. Мгновенно пространство закружилось вокруг него и в следующую секунду он исчез.

Не успели удивленные возгласы стихнуть, как вихрь снова закружился, и Ян появился перед обескураженными людьми – в пляжных шортах, майке, солнечных очках и коктейлем в кокосовом орехе, из которого торчком торчало две соломинки. Всем показалось, что он даже каким-то невероятным образом успел загореть.

– Для молодоженов и их родителей, для Тима и Софии, ну и для меня с Алисой уже забронированы места на Бора-Бора. Все остальные желающие тоже могут присоединиться, все равно я снял весь отель! И кстати, я немного раздвинул время, так что вы можете наслаждаться отпуском сколько душе угодно!

Дружные аплодисменты заглушили все последующие его слова. И вот, несколько минут спустя на открытой террасе прекрасного номера-люкс в самом лучшем отеле побережья Адель и Лэсли наслаждаются морскими пейзажами и обществом друг друга. Да и остальным участникам торжества было чем заняться.

Джон и Анна нежились на белоснежных песках французской Полинезии, Тим и София – осваивали серфинг, а Ян и Алиса качались на волнах и смотрели, как изумительной красоты рыбки проплывали под ними в прозрачной, как слеза, воде.

– А ведь телепорт – это еще не самое интересное, что я задумал, – мысленно сказал вдруг Ян.

– О чём это ты? – спросила Алиса, подплывая ближе.

– Я должен тебя кое о чем спросить, – наконец сказал он, – Алиса Шестая, ты полетишь со мной открывать новый проект в Магеллановых облаках?

– Соседняя галактика? Всего лишь? С тобой хоть на край света! – со смехом ответила ему она.

Солнце садилось над Тихим океаном. Земля была прекрасна в своей первозданной чистоте нового времени. Сколько еще обитаемых миров есть в бескрайнем космосе? Сколько еще тропинок в этом бесконечном лесу жизни? Каждая из них уникальна, каждая существует благодаря осознанному выбору разумных существ вселенной.